

Департамент культуры Министерства обороны Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры и искусства
«Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого»
Министерства обороны Российской Федерации

Ассоциация военно-морских музеев и хранителей морских традиций

ТРИНАДЦАТАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ПРОГРАММЕ «МОРЕ И ФЛОТ» —
«СОЮЗ ЦАРЯ И СУЛТАНА.
К 190-ЛЕТИЮ ЭКСПЕДИЦИИ
РОССИЙСКОГО ФЛОТА В БОСФОР»

ДОКЛАДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Центральный военно-морской музей
имени императора Петра Великого

16 ноября 2023 г.

Санкт-Петербург
2024

Печатается по решению Ученого совета
Центрального военно-морского музея
имени императора Петра Великого

Материалы и доклады участников
Тринадцатой научно-практической конференции
по программе «Море и флот» –
«Союз царя и султана. К 190-летию экспедиции
Российского флота в Босфор»

ЦВММ, 16 ноября 2023 года

Сборник подготовлен под общим руководством директора
Центрального военно-морского музея
имени императора Петра Великого
Р.Ш. Нехая

Редакционная коллегия:

О.В. Биято, С.Д. Климовский, К.А. Коломиец, В.Е. Лукин,
С.Ю. Курносов, А.Н. Чернавский, Н.В. Шишкова

Материалы сборника включают в себя доклады и сообщения, прозвучавшие в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого на Тринадцатой научно-практической конференции по программе «Море и флот» – «Союз царя и султана. К 190-летию экспедиции Российского флота в Босфор». Она прошла с участием ведущих специалистов в области военно-морской истории, а также учащейся молодежи. Ряд материалов публикуется с заочным участием авторов. Издание адресовано профессиональным историкам, музейным работникам, сотрудникам общеобразовательных учреждений, учащимся, студентам и аспирантам, представителям ветеранских организаций, сотрудникам муниципальных органов, а также всем интересующимся историей Военно-Морского Флота и судостроения, политической и военной историей России, международными отношениями.

© Центральный военно-морской музей, 2023
© ИПК «Гангут», оформление, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

О конференции	6
Приветственное слово директора Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого <i>Р.Ш. Нехая</i>	8
Приветственный адрес Главнокомандующего Военно-Морским Флотом Российской Федерации адмирала <i>Н.А. Евменова</i>	12
Приветственный адрес директора Департамента культуры Министерства обороны Российской Федерации <i>А.В. Горного</i>	14
Приветственное слово начальника военно-политического отдела Главного командования Военно-Морского Флота Российской Федерации капитана 1 ранга <i>Д.А. Дзюмы</i>	15
Приветственное слово председателя Санкт-Петербургского морского собрания <i>С.Н. Ирютина</i>	16
Доклады и сообщения	
<i>В.Д. Овчинников</i> . Россия при императрице Екатерине II и императоре Павле I: от побед Ушакова на Черном море до Средиземноморской экспедиции	18
<i>В.Г. Андриенко</i> . После Наварина. Российский флот в Средиземноморье в конце 20-х — начале 30-х годов XIX века	29
<i>Г.А. Гребенщикова</i> . К 190-летию Босфорской десантной операции 1833 года — уникального события в военно-морской и военно-политической истории России и Турции	40

В.Н. Илюхин. Черноморский флот в первой трети XIX века 51

Л.И. Спиридонова. Документы Российского государственного архива Военно-Морского Флота о Босфорской экспедиции Черноморского флота в 1833 году 63

И.О. Ивановский. Подвиг и трагедия Александра Казарского — командира брига «Меркурий» 72

А.И. Мандрыка. Увековечение памяти выдающихся адмиралов Черноморского флота в школьных морских музеях города Новороссийска 103

Доклад с заочным участием

О.И. Вербовой. Особенности внешней политики в середине XIX века в районе черноморских проливов 111

Молодежная секция

Ф.И. Тонковидов. Российское кораблестроение во второй четверти XIX века 118

Я.А. Шумилин. Черноморский флот в первой трети XIX века при Николае I — технический уровень линейных кораблей, фрегатов и малых судов, их артиллерийского вооружения, материально-технического обеспечения и снабжения 124

М.Р. Харизов. Гордость Российского флота — Михаил Петрович Лазарев 135

А.С. Ивлев. Первые паровые военные суда на Черном море, их роль в обеспечении боевых действий Черноморского флота..... 140

А.В. Николаев. А.Ф. Орлов — выдающийся дипломат и военный деятель..... 149

А.А. Пестов. Крепости Босфора..... 155

Доклад с заочным участием

А.Ю. Сухов. От Наварина (1827 год) до экспедиции в Босфор (1833 год)..... 162

Подведение итогов работы конференции

А.Н. Чернавский. Об итогах работы конференции 169

Сведения об авторах 171

О КОНФЕРЕНЦИИ

В соответствии с планами Департамента культуры Министерства обороны Российской Федерации и Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого 16 ноября 2023 года в ЦВММ прошла XIII научно-практическая конференция по программе «Море и флот» — «Союз царя и султана. К 190-летию экспедиции Российского флота в Босфор» (далее — конференция).

В работе конференции приняли участие около 90 человек — представители органов военного и гражданского управления, руководители музеев и их сотрудники, архивные и библиотечные работники, историки, ветераны флота, курсанты учебных заведений морской направленности, члены Ассоциации военно-морских музеев и хранителей морских традиций, а также Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и др.

К конференции были подготовлены выставки, которые экспонировались в фойе конференц-зала. Это, прежде всего, выставка из фондов ЦВММ с экспонатами на тему конференции. Также в фойе были развернуты передвижная выставка по истории ЦВММ и выставки литературы из фондов Центральной военно-морской библиотеки и военной научной библиотеки ЦВММ.

Открыл конференцию директор ЦВММ Р.Ш. Нехай. С приветственными словами выступили начальник военно-политического отдела Главного командования ВМФ капитан 1 ранга Д.А. Дзюма, который зачитал приветственный адрес от Главнокомандующего ВМФ РФ адмирала Н.Е. Евменова, и председатель Санкт-Петербургского Морского собрания капитан 1 ранга С.Н. Ирютин. Затем были заслушаны семь докладов ведущих специалистов, в том числе докторов исторических наук В.Д. Овчинникова и Г.А. Гребенщиковой, доктора технических наук В.Н. Илюхина и кандидата технических наук И.О. Ивановского. Также с докладами выступили специалисты в области военно-морской истории В.Г. Андриенко, Л.И. Спиридонова и руководитель двух школьных морских музеев г. Новороссийска А.И. Мандрыка.

По сложившейся традиции на конференции в седьмой раз работала молодежная секция, на которой прозвучали доклады курсантов Государ-

ственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова — Ф.И. Тонковидова, Я.А. Шумилина, А.С. Ивлева и А.В. Николаева, а также курсантов Морской технической академии имени адмирала Д.Н. Сенявина — М.Р. Харизова и А.А. Пестова.

Для участников конференции был организован кофе-брейк. Часть слушателей в обеденный перерыв посетила экспозицию ЦВММ и залы временных выставок. Итоги конференции подвел заместитель директора ЦВММ А.Н. Чернавский, после чего состоялось фотографирование ее участников.

Подготовка и проведение конференции получили высокую оценку органов военного и гражданского управления, участников мероприятия и общественности. По итогам конференции планируется издать печатный сборник докладов и материалов.

Дорогие друзья!

От имени нашего коллектива я приветствую вас в стенах Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого. Хочу сказать, что сегодня день очень важный не только для нашего музея, но и для всего города. Вы знаете, что вчера в Санкт-Петербурге состоялось очередное собрание Союза музеев России, в котором приняли участие больше 200 музейных образований России, начиная от Камчатки и заканчивая Калининградом. Сегодня первый день работы Культурного форума, который традиционно проходит уже восемь лет в Петербурге. Вы знаете, последние три года Культурный форум отменялся в связи с ковидом. Но несмотря на все проблемы и препятствия, сегодня Культурный форум начинает свою работу у нас в городе. И, конечно, параллельно с этим замечательным событием начинает работу наша Тринадцатая конференция в рамках программы «Море и флот».

Честно говоря, в начале этого года были сомнения — надо ли проводить эту конференцию, потому что мы обычно по плану в год проводим одну конференцию. Она проходит у нас в апреле и посвящается наиболее важным темам текущего года. Эта традиция настолько укоренилась в нашем сознании, что мы очень много думали, стоит ли проводить такую конференцию. Но благодаря настойчивости Галины Александровны Гребенщиковой и, в общем-то, по ее предложению, мы решили провести эту конференцию.

Надо честно признаться, что тема достаточно узкая. Тема, в общем, может быть, не столь глобальная в ряду других тем, которые связаны с историей нашего Военно-Морского Флота, но она очень интересная. Интересна прежде всего тем, что мало изучена. Вроде бы всё на виду, каждый год мы об этом говорим, но реально каких-то мероприятий, таких как научные конференции или, может быть, по этой теме каких-то изысканий, к сожалению, во время подготовки к этой конференции мы не нашли. Но она очень интересна тем, что посвящена Босфорской экспедиции. Она как бы во второй раз за всю историю стала моментом, когда, простите, что с этой трибуны применяю такие слова, извечный враг России — Турция оказалась в союзниках с Россией, несмотря на многочисленные войны, начиная практически с XVI века и до конца

существования Российской империи, до 1917 года. Мы постоянно вели войны с турками, а тут в первой трети XIX века оказались в союзниках.

Наша страна спасла извечного врага, но, к сожалению, в 1833 году получился снова ситуативный союзник. Эта традиция в наше время опять продолжена. Сейчас Турцию и наши отношения с ней можно назвать ситуационным союзом, то есть мы друзья тогда, когда это выгодно нам и Турции. А когда это невыгодно, Турция делает все, что ей кажется выгодным. К сожалению, такие меры, иногда принимаемые нынешним турецким руководством, несмотря на самые добрые отношения между нашими руководителями, несмотря на то все доброе, что делает наша страна по отношению к Турции, Турция все равно делает только то, что ей выгодно. К сожалению, это надо отметить.

Надо сказать, что в 1833 году в Босфоре был высажен десяти тысячный наш экспедиционный корпус, который перекрыл сухопутную дорогу к столице Турции для войск, наступавших из Египта. Реально у турецкой стороны не было вообще никаких сил, чтобы остановить эти войска, и только присутствие русских штыков образумило руководителей Египта, и они вынуждены были остановиться. Конечно, этому способствовала наша эскадра из двадцати двух вымпелов, которая стояла прямо в Босфоре. Она не позволила египетскому флоту что-либо сделать по отношению к Турции. Хочу еще раз подчеркнуть: Россия спасла тогдашнюю Турцию от полного разгрома.

Мне как военному человеку эта история очень интересна. Вы наверняка при подготовке к сегодняшней конференции об этом читали. К императору Николаю I турки обратились 21 января 1833 года. В начале февраля эскадра во главе с Михаилом Петровичем Лазаревым была уже в Босфоре. То есть турки обратились в Стамбуле, сигнал ушел в Санкт-Петербург, оттуда пришли указания, подготовили корабли, и в начале февраля мы в Босфоре бросаем якоря на виду у английского и французского посольств. Меня поразила высочайшая боевая готовность Черноморского флота. 5 мая подтянулись остальные корабли, и наша группировка достигла 22 вымпелов.

Мне кажется в данный момент, что эта тема полезна для обсуждения с нынешними командирами кораблей, соединений и объединений, входящих в состав Черноморского флота. Каким образом удалось

достигнуть такой боевой готовности? Конечно, это высочайший организаторский талант Михаила Петровича Лазарева и качество кораблей, которые тогда составляли Черноморский флот. Также высочайший уровень обученности всего личного состава кораблей, которые в это время находились в составе Черноморского флота. Эти обстоятельства представляют значительный интерес для любого исследователя — и военного, и гражданского, и политика, для того чтобы мы раз за разом обращались к Босфорской экспедиции 1833 года. Мы знаем, что итогом этой экспедиции стал Ункяр-Искелесийский договор, когда Россия в рамках подписанного документа оформила свои союзнические отношения с Турцией. Но подвиги нашей эскадры и наличие договора не помешали, чтобы через двадцать лет случилось то, что мы называем сейчас Крымской войной. К сожалению, эта история, когда союзники, которые спасают друг друга, в течение буквально двух десятилетий снова становятся врагами. Мне кажется, это тоже поучительная история для руководства нашей страны. К моему глубокому сожалению, надо согласиться с одним из величайших англичан Уинстоном Черчиллем — вечных друзей не бывает. Есть только вечные интересы.

Некоторые псевдополитики пытаются поучать нашего Верховного Главнокомандующего в том, что сейчас надо с этими дружить, а с этими не дружить. Абсолютно прав наш Верховный Главнокомандующий, когда в решение геополитических вопросов и в определении друзей-недрузей и союзников-несоюзников исходит только из одного — интересов нашей великой России. И в этом отношении я Верховного Главнокомандующего всегда поддерживаю. Я рад, что во главе наших Вооруженных Сил, вооруженной организации нашей страны стоит такой человек, как Владимир Владимирович Путин, который понимает это. Все свои действия он предпринимает, исходя из интересов нашей страны. К сожалению, это было не всегда, и не всегда наши политики в этом отношении поддерживали Верховного Главнокомандующего.

Я хотел бы Вам, Галина Александровна (Гребенщикова), выразить благодарность за организацию сегодняшней научно-практической конференции. У нас будут выступать очень квалифицированные люди — это и доктора наук, и кандидаты наук, которые имеют огромный опыт не только выступлений на конференциях, но и исследовательской

работы во время подготовки к этим конференциям. Я надеюсь, я даже уверен, что такая работа была проведена, и считаю, что вы поделитесь своими находками во время сегодняшней нашей конференции.

Я хочу еще раз довести до вашего внимания, коллеги, что традиции проведения конференций мы продолжаем. Сегодня будет работать в том числе молодежная секция. Я считаю, что какую бы тему мы ни обсуждали, какой бы вопрос и какую проблему ни раскрывали, всегда надо, чтобы участвовала молодежь Центрального военно-морского музея и молодые люди из тех учреждений, которые занимаются проблемами истории Военно-Морского Флота. Сегодня будут выступать молодые люди из Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова и Морской технической академии имени адмирала Д.Н. Сенявина.

Я хотел бы сегодня с этой трибуны сказать огромное спасибо прежде всего сенявинцам и их директору Виктору Анатольевичу Никитину, с которым у нас великолепное взаимодействие по всем вопросам. В административно-хозяйственной и научной части и в деле воспитания будущих работников морского транспорта, кем являются их курсанты. В этом отношении они делают очень большое дело и помогают нам в выполнении нашего функционала.

Надеюсь, что конференция внесет значимый вклад в освещение малоизвестных событий отечественной и мировой истории первой трети XIX века, в раскрытие ярких страниц прошлого Российского флота. Желаю больших успехов участникам конференции, плодотворного общения и полезных научных результатов. Огромное вам спасибо, что в такой замечательный ноябрьский день вы нашли возможность и пришли к нам для того, чтобы принять участие в нашей очередной конференции. Я желаю сегодня нам всем творческих достижений!

*Директор
Центрального военно-морского музея
имени императора Петра Великого
Р.Ш. Нехай*

**Уважаемые участники, гости и организаторы
научно-практической конференции! Дорогие ветераны!**

Рад приветствовать вас в гостеприимных стенах Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого на открытии научно-практической конференции «Союз царя и султана. К 190-летию экспедиции Российского флота в Босфор».

На протяжении почти двух столетий отношения России и Турции развивались не всегда успешно.

Обе великие империи — Российская и Османская чаще оказывались реальными противниками, нежели союзниками. Но в первой трети XIX века в отношениях держав произошло событие, по праву относящееся к разряду уникальных и неординарных.

В 1833 году три эскадры Черноморского флота с десантом на борту провели беспрецедентную военно-морскую операцию (экспедицию), в ходе которой российский Андреевский флаг развевался в турецкой столице — Константинополе в течение 5 месяцев.

Босфорская операция 1833 года не имела аналогов по своему замыслу, масштабности и способам проведения и явилась грамотным, продуманным и политически верным решением тогдашнего руководства России, по сути своей спасшим от развала Османскую империю. Это был выдающийся успех русской внешней политики.

Без ведения военных действий в одном из самых взрывоопасных регионов мира наша страна получила на 8 лет полный доступ к «ключам от собственного дома» (проливам Босфор и Дарданеллы).

За Босфорскую экспедицию командовавший объединенной эскадрой М.П. Лазарев получил чин вице-адмирала и звание генерал-адъютанта, был назначен главным командиром Черноморского флота и военным губернатором Николаева и Севастополя. Правительство Турции наградило его высшим орденом Османской империи.

Едва не завершившийся государственным крахом конфликт турецкого султана и египетского паши наглядно продемонстрировал всему миру слабость дряхлеющей Османской империи.

Выражаю слова благодарности и искренней признательности коллективу Центрального военно-морского музея за большую и много-

плановую работу по сохранению истории, героических традиций Российского флота и популяризации военно-морских знаний, ориентации молодежи на выбор морских профессий.

Желаю участникам конференции интересной творческой атмосферы, плодотворных и конструктивных дискуссий, успеха в работе, здоровья и благополучия!

Как говорят в Военно-Морском Флоте, желаю вам 7 футов под килем.

*С уважением,
Главнокомандующий
Военно-Морским Флотом
адмирал Н.А. Евменов*

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

От всей души приветствую организаторов, участников и гостей научно-практической конференции «Союз царя и султана. К 190-летию экспедиции Российского флота в Босфор».

Это знаковое мероприятие по научной программе «Море и флот» проводится в Центральном военно-морском музее имени императора Петра Великого уже в тринадцатый раз. Конференции в стенах музея объединяют с каждым годом все большее количество представителей органов государственной власти и военного управления, общественных организаций, а также ведущих ученых и музейных специалистов страны, учащуюся молодежь.

Музей проводит большую научно-экспозиционную, выставочную, научно-просветительную работу, вносит большой вклад в военно-патриотическое воспитание российских граждан, в том числе молодого поколения. Успешно действует созданная в 2014 году Ассоциация военно-морских музеев и хранителей морских традиций. Она консолидирует военно-морское музейное сообщество, ежегодно проводит коллегии музеев военно-морской направленности, на которых коллеги и единомышленники делятся опытом работы, обучаются на мастер-классах, участвуют в учебно-методических занятиях в ведущих музеях Санкт-Петербурга. Это позволяет объединить усилия специалистов и всех заинтересованных учреждений и лиц в сохранении, приумножении и популяризации морского историко-культурного наследия, а также лучших морских традиций. Этим же целям служит и сегодняшняя конференция.

Уверен, что, как и прежде, конференция пройдет на самом высоком уровне и создаст условия для плодотворного научного диалога, связанного с изучением малоизвестных страниц истории России и ее Военно-Морского флота.

Желаю всем участникам конференции полезного общения и дальнейших творческих успехов!

*Директор
Департамента культуры
Министерства обороны
Российской Федерации
А.В. Горный*

**Добрый день, уважаемые участники, гости,
организаторы конференции, дорогие ветераны,
уважаемый Руслан Шамсудинович!**

Прежде всего, позвольте выразить благодарность за то, что позволили поучаствовать в конференции. Я бы хотел начать с приветствия Главно-командующего Военно-Морским Флотом адмирала Евменова Николая Анатольевича. Он, к сожалению, находится в служебной командировке и принять участия в конференции не смог, но добрые слова вам подготовлены, поэтому позвольте их зачитать.

(Далее Д.А. Дзюма зачитал приветственный адрес Главнокомандующего Военно-Морским Флотом адмирала Н.А. Евменова.)

Уважаемые товарищи, нельзя не согласиться со словами Руслана Шамсудиновича — Вы сказали абсолютно все верно и про те взаимоотношения, которые были между нашими государствами, и о той обстановке, которая складывается сегодня в мире. Здесь добавить, наверное, практически нечего. Могу сказать, что на сегодняшний день Военно-Морской Флот готов в случае необходимости выполнить все задачи, поставленные Верховным Главнокомандующим и нашей великой Родиной — Россией. И сегодня мы решаем, я считаю, их успешно. Военно-морской флаг демонстрируется во всех регионах Мирового океана.

Возвращаясь к конференции, скажу, что для нас важны каждые минуты нашей истории. Их нужно помнить, их нужно изучать, доносить их до подрастающего поколения, до молодежи, которая должна учиться на героических примерах истории нашей великой Родины. Надо в открытую говорить, что Босфорская экспедиция — это большая операция, и политическая, и военная, которая была успешно проведена. Она стала выгодной для России. Мы, действительно, получили доступ к проливам на тот момент, которые нам нужны были как воздух для того, чтобы развиваться. Поэтому еще раз позвольте поприветствовать всех вас и пожелать плодотворной работы. Большое спасибо!

*Начальник военно-политического отдела
Главного командования Военно-Морского Флота
капитан 1 ранга Д.А. Дзюма*

Уважаемые участники конференции! Дорогие друзья!

Вашему рассмотрению сегодня предлагается чрезвычайно интересный исторический факт поддержки Россией Турции под руководством султана Махмуда II в турецко-египетской войне. Причем не только в политическом смысле, но и путем демонстрации готовности вступить в войну на турецкой стороне. Длительное время по просьбе Махмуда II на территории Турции был размещен многочисленный, как бы сейчас сказали, военный контингент российских войск. А в проливе Босфор в готовности к действию стояли на якорях эскадра корабли Черноморского флота России под командованием первооткрывателя Антарктиды контр-адмирала М.П. Лазарева.

Впечатляет состав русского экспедиционного корпуса, высаженного на берегах Босфора — более 30 тыс. чел. В составе Босфорской эскадры были включены корабли трех отрядов, в разное время пришедших из Севастополя.

Для демонстрации силы и дружбы с Турцией был произведен торжественный смотр десантных войск в присутствии султана, высших сановников и генералитета Османской империи, а также торжественный смотр султаном всех кораблей Русской эскадры.

Войска и флот, благодаря дипломатическим усилиям, не вступили в боевые действия с египетской армией Мухаммеда (Махмета) Али, которого поддерживали Англия и Франция. Своим присутствием русский экспедиционный корпус и эскадра Черноморского флота позволил предотвратить захват Стамбула, а с ним, вероятно, и захват Османской империи.

На протяжении XVIII и первой трети XIX века Россия и Турция воевали между собой шесть раз, но на небольшом историческом периоде превратились в союзников.

8 июля 1833 года в Ункяр-Искелеси был подписан союзнический русско-турецкий договор сроком на 8 лет.

По этому договору в Османской империи была даже выпущена специальная медаль, которой награждались российские участники экспедиции.

Договор предусматривал военный союз между двумя странами в случае, если одна из сторон подвергалась нападению. Секретная допол-

нительная статья договора требовала закрытия Босфора для кораблей всех стран кроме России, что означало фактический контроль России над черноморскими проливами.

Проливы Босфор и Дарданеллы признавались закрытыми для западных военных судов, если того хотела Россия, — сама же она приобретала право выводить свой флот в Средиземное море, чтобы при необходимости атаковать врага у его берега.

В сегодняшних дискуссиях и выступлениях на конференции, возможно, прозвучат ссылки и аналогии на наше непростое, с учетом текущей военно-политической обстановки, время. Отношения нашей страны с Турцией складываются по-разному. У нас есть точки соприкосновения, но есть и вопросы, на которые мы смотрим по-разному.

Санкт-Петербургское Морское собрание приветствует участников конференции и желает плодотворной и успешной работы.

*Председатель
Санкт-Петербургского
Морского собрания
С.Н. Ирютин*

В.Д. Овчинников

РОССИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ II И ПАВЛЕ I: ОТ ПОБЕД УШАКОВА НА ЧЕРНОМ МОРЕ ДО СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Военно-политические устремления России последней четверти XVIII века после присоединения Крыма к Российской империи предопределили основную направленность российской военной и морской политики — наращивание военной силы на южных рубежах и развитие там морских сил для успешного решения поставленных задач и достижения намеченных военно-политических целей.

13 августа 1785 года высочайше был утвержден корабельный штат Черноморского флота¹, юридически закрепивший создание нового флотского объединения на Черном море. По штату флот должен был состоять из двух 80-пушечных, десяти 66-пушечных кораблей, восьми 50-пушечных, шести 32-пушечных, шести 22-пушечных фрегатов, пяти 12-пушечных судов и восьми транспортов с общей численностью личного состава 13 504 человека². Главное командование флотом поручили его основателю — наместнику императрицы на юге России генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину. Председателем Черноморского адмиралтейского совета был назначен контр-адмирал Н.С. Мордвинов. В честь столь знаменательного события выбили медаль.

Через два года Екатерина II решила лично осмотреть новоприобретенные земли и провести смотр молодого Черноморского флота. Однако эта поездка имела более важное значение, причем не столько с точки зрения внутренней, сколько внешней политики. В ходе путешествия, как тогда его называли, в Полуденный край должен был решиться важнейший вопрос о союзе с австрийским императором в предстоящей войне с Турцией.

Известия о готовящемся путешествии Екатерины II насторожили Оттоманскую Порту. Еще в январе 1787 года она разослала повсюду ферманы, суть которых сводилась к следующему: «Державы друже-

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 22. № 16–240.

² Там же. Т. 44. С. 182–186.

ственные и соседние одна с другою, следуя древнему обыкновению, должны наблюдать и примечать взаимные движения. И когда одна из них делает приготовления, надлежит, чтоб и другая тоже чинила, дабы быть в положении равновесия и защиты»³.

Для турок, подстрекаемых Англией и Францией, этот визит по существу явился формальным поводом к объявлению новой войны, начавшейся 11 августа и длившейся до 1791 года. Противник ставил своей целью возвращение Крыма и Кубани с разгромом войск и уничтожением Черноморского флота, а Россия намеревалась защитить свои завоевания на Юге и завладеть господством на Черном море, угрожая Оттоманской столице. Важнейшим инструментом в достижении намеченных целей явился Черноморский флот.

Началась война, к которой в России готовились, но которую не ждали так скоро. Она таила в себе много опасностей, внезапных ударов, разочарований, но и радость побед. Эта война дала России много новых героев, чьи имена до того были мало кому известны. Появилось немало военачальников умных, храбрых, удачливых, но гениальных только двое — Суворов и Ушаков.

К этому времени капитан бригадирского ранга Федор Федорович Ушаков, имея за плечами хорошую школу флотской службы, подошел к тому этапу своего земного пути, когда весь его интеллектуальный и духовный потенциал выводил его на качественно новый уровень. Начавшаяся война была для него суровым экзаменом. Лишь две «подсказки» получил он перед тем — это бой на Кинбурнской косе 1 октября 1787 года и сражения в Лимане 7 и 17 июня 1788 года, где русские воины и вместе с ними противник показали, на что они способны.

Любопытно заметить, что после понесенных поражений Порты обратилась к своим союзникам — Франции и Англии (что характерно, извечно враждовавшими между собой), одинаково жаждущих поражения России, что опять-таки характерно, с требованием транспортных судов и амуниции.

Объективно Турция, действительно, находилась в тяжелейшем положении. Помимо активных действий на море, война шла и на обширном

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 89. Оп. 8. Д. 687. Л. 23 об.–24.

сухопутном театре сразу против двух величественных империй: Российской и Австрийской.

Первая «генеральная баталия нашего флота» на Черном море у о. Фидониси (ныне Змеиный) завершилась победой русских моряков. В ходе сражения один линейный корабль Ушакова с двумя фрегатами вывел из боя 17 линейных кораблей противника во главе с капуданпашой. Впервые в сражении в открытом море малочисленный русский флот одержал победу над значительно превосходившими силами противника. Это сражение явилось началом конца турецкого владычества на Черном море и вместе с тем началом расцвета русской школы в военно-морском искусстве.

В реляции о победе Черноморского флота в сражении у Фидониси Потемкин писал Екатерине II: «На каждый наш корабль по пяти турецких было; но все они сильным огнем нашим опровергнуты, и капитанпаша с его кораблем более сорока минут не мог в бою удержаться... Неприятель... принужден был, по претерпении немалого вреда, уступить единственно храбрости»⁴.

Императрица была довольна результатами сражения. «Действие флота Севастопольского, — писала она Потемкину 28 июля, — меня много обрадовало: почти невероятно, с какою малою силою Бог помогает бить сильные турецкие вооружения!»⁵ За победу над турецким флотом в сражении у острова Фидониси Ф.Ф. Ушаков был награжден орденом Св. Георгия IV класса.

Победы Российского флота в трех сражениях и слухи о потерях турок на Черном море привели в трепет Анатолийское и Румелийское побережья Турции. Синопские жители меж собой даже говорили о том, что если «россияне будут к ним, то они не намерены обороняться».

В страхе пребывал и сам султан вместе со своим Диваном. «Опасаясь черноморских следствий», султан полагал, что в настоящих обстоятельствах спасти его империю мог только Всевышний⁶.

⁴ Собрание всех помещенных в Ведомостях с 1787 по 1791 год включительно реляций о военных действиях против неприятеля Российской империи. В 2 ч. М., 1791. Ч. 1. С. 37.

⁵ Жизнь Суворова, рассказанная им самим и его современниками / Сост. В.С. Лопатин. М., 2001. С. 206.

⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 2036. Л. 94.

На основании этого русский осведомитель в Константинополе предположил, «что если бы на сей случай несколько кораблей только показались у устья, то непременно турки на все согласились»⁷.

Известия о событиях на Черном море моментально распространились по всей Европе, где чутко отслеживали все происходящее. Прусский посланник в Константинополе Генрих Фриц Диц, обращаясь к своему турецкому коллеге, а затем и к визирю, откровенно заявил: «Ежели вы нынешним летом не возьмете Крыма и струсите, все потеряете, и вот, что с вами случится: вы найдете в таком состоянии, что уже не будете никогда в силах вести войны с Россиюю»⁸.

Однако увещевания союзников, без реальной помощи от Пруссии и Швеции, требовавшей от Порты денег на войну с Россией, вызвали только раздражение Адул-Гамида: «Я получил новое уверение, что вся Европа меня похвалит за начатие войны. Господа французы, кои говорили, доколе быть вашей империи в повелениях у русских..., разве не обещали прислать кораблей десять на Черное море для нашей защиты?... Немцы мои ничего не могут сделать, но русские напротив того управляют и с нами и со шведами»⁹.

И что любопытно, когда у Дица спросили, объявит ли его король войну России будущей весной, тот завертелся как уж на сковородке: «Все советы, которые я даю, происходят от немецкой нашей привязанности к здешней империи, но что касается до интересов двора моего, я собою не могу ничего решать и в чем либо обязаться»¹⁰.

Подводя итог первому сражению флотов в открытом море, следует отметить, что оно со всей очевидностью показало, с одной стороны, явное морально-психологическое и профессиональное превосходство русских моряков, а с другой — слабость русской линии. Для ее усиления из Лиманской флотилии в Севастополь были переведены два линейных корабля. Кроме того, специальным орденом Г.А. Потемкина от 19 июля 1788 года было принято решение о зачислении в ранг

⁷ Там же. Л. 83 об.

⁸ Там же. Д. 706. Л. 22 об.—23 об.

⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 706. Л. 25, 47.

¹⁰ Там же. Л. 28.

линейных кораблей 40- и 50-пушечных фрегатов, перевооруженных пушками большего калибра (36-фунтовыми)¹¹.

Анализ боевой деятельности Черноморского флота показывал, что основным итогом кампании явилось нанесение ощутимых ударов превосходящим турецким морским силам, что позволило решить главную задачу первого этапа войны — вынудить турецкое командование отказаться от активных действий на Черном море. Это обстоятельство позволило командованию русской армии начать блокаду Очакова, лишившегося поддержки со стороны турецкого флота.

Поражения турецких сил в кампании следующего 1789 года заставили Порту пойти на переговоры. Посредником в переговорном процессе решила выступить Пруссия, которая желала принудить Россию подписать невыгодный ей мир. Но условия, которые она при этом выдвигала, явно противоречили, как записано в одном из донесений, «достоинству и чести Российской империи».

Опираясь на содействие Пруссии, Англии, Голландии и Польши, а также рассчитывая на оттягивание значительных российских сил в ее войне со Швецией, Порты в 1790 году и не помышляла о мире. Новый султан Селим III издал хатти-хумаюн (особая записка, в данном случае, скорее, воззвание. — Авт.), «коим повелевалось всем мусульманам идти на войну»¹².

В противовес этому, возлагая все свои надежды в предстоящей кампании на Черноморский флот, Потемкин 19 марта в секретном письме сообщал императрице: «Касательно войны с турками чинить наступление флотом, и ежели Бог поможет сойтиться и разбить их флот, то теснить Царь Град»¹³. Черноморский флот под командованием контр-адмирала Ушакова оправдал надежды светлейшего, одержав крупные победы в Керченском сражении и у о. Тендра.

В официальных донесениях к султану о сражении у о. Тендра, произошедшем 28–29 августа, турецкие флагманы сообщали, что «число убитых и раненых простирается до пяти тысяч пятисот человек»¹⁴.

¹¹ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 270–271.

¹² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 722. Л. 110.

¹³ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 585. Л. 359 об.

¹⁴ Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 212. Л. 118.

Французский посол, присутствующий в Петербурге на торжествах по случаю победы Черноморского флота, сообщал в Версаль: «Эта победа может быть оценена императрицей как средство, способное приблизить мир». Подобным образом выразился и министр иностранных дел Франции в беседе с российским послом И.М. Симолиным: «Эти события могли бы внушить Порте желание скорейшего заключения мира вне всякой зависимости от влияния и интриг иностранных дворов»¹⁵.

Русская императрица со своей стороны, оценивая эту победу, писала Потемкину: «Я всегда отменным оком взирала на все флотские вообще дела. Успехи же оного меня всегда более обрадовали, нежели самые сухопутные, понеже к сим исстари Россия привыкла, а о морских Ея подвигах лишь в мое царствование прямо слышно стало, и до дней оного морская часть почиталась слабейшую. Черноморский же флот есть наше заведение собственное, следовательно, сердцу близко. Контр-адмиралу Ушакову посылаю по твоей просьбе орден Св. Егория второй степени и даю ему 500 душ в Белоруссии за его храбрые и отличные дела»¹⁶.

В отличие от европейских флотов, имевших многовековую историю, у Черноморского флота практически не было опыта крупных сражений в открытом море. Федор Ушаков, по существу, стал первым российским флагманом европейского уровня, признанным мастером вождения эскадр, новатором морской тактики, что рельефно проявилось в проведенных сражениях.

Победную точку в текущей войне с Турцией также поставил Черноморский флот блестящей победой в сражении у м. Калиакрия в кампании 1791 года.

В донесении Черноморскому адмиралтейскому правлению Ф.Ф. Ушаков сообщал: «Атаковав флот неприятельский, имел жестокое сражение, при котором неприятель разбит наисовершенно, и при сгустившейся от дыма ночной темноте и перемене ветра, сверх чаяния нашего, успел спастись бегством в Константинополь. Многие весьма поврежденные корабли, в том числе известнаго алжирскаго паши Саит-Али лутчей

¹⁵ Цит. по: Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М., 2001. С. 360.

¹⁶ Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 435.

и легкий из всего флота корабль Капитания разбит больше всех до крайности... прочие паруса, мачты и корпус корабля все расстреляны и неуповательно, чтоб он дошел благополучно... Таковым поражением жителям во всех местах нанесен величайший страх и ужас, уповаю, тоже чувствуют и в Константинополе»¹⁷.

Победу Черноморского флота в сражении у мыса Калиакрия можно справедливо считать событием беспримерным в российской военной истории. Было очевидно, что со времен Чесменского пожара турецкий флот не знал столь сокрушительного поражения. Он был разгромлен.

Анализ выявленных документов позволяет утверждать, что данные, которые отражены в отечественной историографии, не в полной мере характеризуют потери османского флота в сражении у м. Калиакрия и в целом в ходе войны.

Согласно списку от 27 апреля 1792 года, то есть на момент окончания войны, в турецком флоте числилось 17 линейных кораблей и 20 фрегатов, из которых боеспособными были только 4 линейных корабля и 4 фрегата¹⁸.

А согласно судовому списку от 9 февраля 1793 года у Турции значилось уже 15 линейных кораблей, из которых два еще были на стапеле (то есть с 1792 года еще два корабля были разобраны), а три «за ветхостью назначены в поломку»¹⁹. Таким образом, получается всего 10 линейных кораблей, против 33, состоявших в турецком флоте на начало войны²⁰.

Анализ вышеприведенных донесений из Константинополя дает основание для утверждения о том, что турецкие корабли изначально в ходе сражений получали тяжелые боевые повреждения, после чего несли серьезные потери (в том числе и навигационные), а оставшиеся назначались в ремонт или на слом. В этой связи, используя набор вышеперечисленных аргументов, можно утверждать, что результативность действий Черноморского флота следует признать более высокой, чем считалось ранее.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 245. Оп. 1. Д. 48. Л. 45, 45 об.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 752. Л. 18–19.

¹⁹ Там же. Д. 763. Л. 40.

²⁰ Там же. Д. 702. Л. 24.

В отличие от турецкого флота к концу 1792 года количество судов основных классов Черноморского флота выросло. В нем числилось 19 линейных кораблей, 6 фрегатов, 2 бомбардирских корабля, 3 крейсера, 9 бригадин, 2 аката и репетичное судно²¹.

Таким образом, неоспоримым следует признать достигнутый в ходе войны результат — флот под командованием Ф.Ф. Ушакова добился поставленной цели — завоевал господство на Черном море и оказал решающее значение на ход Русско-турецкой войны 1787–1791 годов²².

Победа ознаменовала собой важный этап в истории борьбы Российского государства за свои национальные интересы в Черноморском регионе. И если в результате Русско-турецкой войны 1768–1774 годов России удалось лишь закрепиться на Черноморском побережье, то победа в войне 1787–1791 годов позволила ей утвердиться в качестве влиятельной черноморской державы.

Не менее грандиозным событием в истории России явилась знаменитая Средиземноморская экспедиция эскадры Черноморского флота 1798–1800 годов.

По предварительной договоренности сторон российская эскадра под командованием вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова была соединена с турецкой эскадрой вице-адмирала Кадыр-бея и направлена для освобождения от французской оккупации Ионических островов и Мальты.

Давая оценку этому неординарному в мировой истории событию, известный историк XIX века А.В. Висковатов писал: «В один миг взаимные опасения исчезли, вековая вражда была забыта, и Европа увидела с изумлением, что в то время, когда не заживлена была рана, нанесенная Турции отторжением от нее Крыма, когда свежи были развалины некогда грозного Очакова и не замолкли рассказы о кровопролитных штурмах Измаила и Анапы, два народа, бывшие почти в непрерывной между собою вражде, и разнствующи один от другого и правилами Веры, и языком, и обычаями, вступили между собою в тесный союз против нарушителей общего спокойствия»²³.

²¹ РГАВМФ. Ф. 239. Оп. 1. Д. 19. Л. 30–33 об.

²² РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 464. Л. 3 об.

²³ Цит. по: Висковатов А. В. Союз России с Турцией и русский флот в Константинополе в 1798 г. // Северная пчела. 1833. № 48. С. 187.

Перед тем, как приступить к освобождению Ионических островов, Ф.Ф. Ушаков с помощью небольших десантных отрядов распространил среди жителей воззвание, призывавшее народ к содействию союзному флоту в изгнании французских завоевателей. Вместе с ним и Константинопольский патриарх Григорий, по приказанию Порты, передал греческому народу свое пастьрское увещание, предлагая им «свергнуть с себя иго французского порабощения и учредить у себя под покровительством трех союзных дворов правительство наподобие рагузского или какое ими за благо признано будет»²⁴.

Освобождение островов Ионического архипелага предполагалось осуществить последовательно, начиная с юго-востока, чтобы не иметь в тылу эскадры опорных пунктов противника, мешающих обеспечению союзных сил. Захват островов планировалось осуществить высадкой на них десантных войск, набранных на албанском берегу, в Янине и Морее.

Боевые действия против французов, закрепившихся на Ионических островах, начались 28 сентября атакой острова Цериги отрядом кораблей под командованием капитан-лейтенанта И.А. Шостака.

Победоносное шествие союзной эскадры в Ионическом архипелаге обнадеживало греков, еще находящихся под властью французов, на свое скорейшее освобождение и вызывало бурю ликования у жителей островов, уже освобожденных. «Цериги, Занте, Кефалония, — писал российскому императору полномочный министр в Неаполе, — превозносят великодушие и милосердие Вашего Императорского Величества и, прежний вид печали переменя в образ благодушества и радости, составляют славные трофеи победоносного оружия Вашего. На всех сих островах власть угнетавших оные французов опровержена и уничтожена действиями эскадры Вашего Императорского Величества, соединенной с эскадрою Порты Оттоманской. Они открыли уже вход себе в средину пристани острова Корфу и неукоснит побеждением находящегося там неприятеля, совершит подвиг свой в водах Ионического моря»²⁵.

²⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 875. Л. 65.

²⁵ Там же. Ф. 70. Оп. 5. Д. 265. Л. 73 об.

Для Ушакова ясно обозначилась главная цель — Корфу. После планомерной осады, 18 февраля 1799 г. начался ее штурм, победоносно завершившийся 20-го числа. Это был день великого торжества адмирала Ушакова, торжества его военного таланта и твердой воли, поддержанных храбростью и искусством его подчиненных, их доверием к своему победоносному предводителю и его уверенностью в их непоколебимое мужество. Это был день торжества русского духа!

Штурм Корфу стал образцом действий тактического десанта против морской крепости, что явилось закономерным результатом боевого творчества адмирала Ф.Ф. Ушакова. Основным залогом успеха был правильный выбор направления главного удара на остров Видо, падение которого резко снизило моральный дух защитников крепости Корфу. Обстрел Корфу с суши начался одновременно с атакой Видо со стороны моря. Важную роль в развитии успеха сыграла высадка десанта. Следует также отметить хорошее знание и точный учет Ушаковым боевых качеств союзников, корабли которых при атаке острова Видо он разместил во второй линии и в промежутках между береговыми батареями, а в первой линии поставил лучшие российские корабли и фрегаты.

В знак благодарности русскому адмиралу верховный визирь по повелению султана направил ферман с похвалой, который был публично зачитан на турецкой эскадре. И даже битый Ушаковым капудан-паша Кючук-Гуссейн, 9 марта прибывший в Константинополь, всячески «выхвалял» его подвиги и говорил о том, что если бы он был на месте Кадыр-бея, то «подал бы пример послушания к командующему российской эскадрой»²⁶.

В результате взятия Корфу в руках коалиции оказался важнейший стратегический пункт на Средиземном море. Это событие имело большой политический резонанс и значительно укрепило уверенность стран анти-французской коалиции в общем успехе. Кроме того, победой при Корфу Федор Федорович Ушаков вписал еще одну яркую страницу в боевую летопись отечественного флота и внес существенный вклад в развитие военно-морского искусства.

²⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 890. Л. 6 об. — 7.

В.Г. Андриенко

ПОСЛЕ НАВАРИНА. РОССИЙСКИЙ ФЛОТ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В КОНЦЕ 20-Х — НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

Затем последовали не менее значимые события, связанные с созданием новой государственности на освобожденных Ионических островах и составлением так называемого «Временного плана», или Конституции Республики Семи Соединенных Островов, ставшей прообразом независимой Греции. Затем — блокада порта Анкона, освобождение Адриатического побережья Италии и взятие Неаполя, занятие русскими войсками и десантным отрядом эскадры Ушакова Рима.

Таким образом, в ходе Средиземноморской экспедиции русской эскадры под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова Россия, используя свой флот в качестве действенного инструмента внешней политики, дала свободу народам Ионических островов и упрочила там свое влияние. В этой связи примечательным является тот факт, что впервые в отечественной истории представителю флота — адмиралу Ушакову была поручена ответственная дипломатическая миссия — непосредственное руководство созданием новой государственности, с которой он блестяще справился.

Кроме того, подвиги наших моряков и солдат обессмертили имя русского воина в Европе. Средиземноморская экспедиция адмирала Ф.Ф. Ушакова и Итальянский поход генерал-фельдмаршала А.В. Суворова стали одними из самых блистательных страниц российской военной истории.

Босфорской экспедиции 1833 г. предшествовала деятельность Балтийской эскадры русского флота в Средиземном море в 1827–1832 гг., ставшей ярким примером использования флота для решения внешнеполитических проблем Российской империи. История этой «3-й Архипелагской экспедиции» подробно изложена в моей книге «До и после Наварина». Вот краткая хроника событий:

В 1821 г. началась война греческого народа с Османской империей за свою независимость. Только весной 1823 г. Великобритания объявила о признании греков воюющей стороной, так как греческие суда в Эгейском море воевали не только с турками, но и пиратствовали. Для подавления все разраставшегося восстания султан вынужден был обратиться к своему вассалу — наместнику Египта Мухаммеду-Али, пообещав ему о. Крит и Морею (п-ов Пелопоннес). Имея регулярную армию, созданную по европейскому образцу, и значительный флот Мухаммед-Али уже в 1824 г. энергично взялся за дело. Летом египетский флот, имея на кораблях и транспортах 17-тысячную армию приемного сына правителя Ибрагима-паши, покинул Александрию. Вскоре был разгромлен о. Псара и взята под контроль Кандия (о. Крит). Через полгода войска Ибрагима-паши отправились от Кандии к берегам Мореи. В 1825 г. египтяне захватили большую часть греческих крепостей, в том числе Наварин, Триполицу — Триполис и Каламату (Каламе). Греки смогли отстоять лишь свою столицу Навплию (Наполи-ди-Романья, Навплион.) Мухаммед-Али вообще планировал изгнать греческое население Пелопонесса, заселив его египетскими крестьянами (феллахами).

В декабре того же года части армии Ибрагима-паши пришли на помощь туркам, осаждавшим главный оплот восставших в западной Греции — Миссолунги (Месолонгион), который пал в апреле 1826 г. В июле турки взяли Афины. К концу года греки продолжали держаться только в некоторых горных районах на юге и востоке Мореи

и на островах Киклад. Большинство жителей Спесии перебралось на лучше укрепленный остров Гидра (Идра). Правительство обосновалось на о. Эгина. 11 апреля 1827 г. президентом (правителем) Греции был избран граф Иоаннис Антониос Каподистриас (Иван Антонович Каподистрия), который вступил в должность почти через год — 11 января 1828 г.)¹.

Рис. 1 — Карта «Греческая война за независимость»

Только после падения Миссолунги политики великих европейских держав начали пытаться примирить враждующих. 25 марта (4 апреля) был подписан так называемый Петербургский протокол об «умиротворении Греции». Правительства России и Великобритании предлагали объявить Грецию государством с уплатой ежегодной дани султану и на этих условиях обязывались добиваться прекращения военных действий.

24 июня (6 июля) 1827 г. к Петербургскому протоколу присоединилась Франция. Теперь уже представители трех держав подписали

¹ Даты даны по старому стилю. При наличии двух дат в числителе приводится старый стиль.

«Лондонский договор» (трактат) о прекращении кровопролитной вражды, существующей между турками и греками, с предложением посредничества «от имени трех вышеперечисленных дворов». К берегам Греции отправились эскадры этих стран «для воспрепятствования прибытия в Грецию или Архипелаг турецких и египетских подкреплений и боеприпасов». Османская империя отказалась признавать этот трактат.

События развивались стремительно. 13 (25) сентября командующие английской и французской эскадрами вице-адмирал Эдвард Кодрингтон и контр-адмирал Анри де Риньи встретились с Ибрагимом-пашой, главнокомандующим объединенных сил, действующих против греков, в его ставке и объявили о намерениях «обуздать сопротивляющиеся силы». 1 октября южнее о. Занте русская эскадра контр-адмирала Логина Петровича Гейдена (4 корабля, 4 фрегата и 1 корвет) встретилась с союзными эскадрами. А 8 (20) октября объединенная англо-франко-русская эскадра под командованием Кондрингтона вошла в Наваринскую бухту и в ходе сражения за 4 ч практически целиком уничтожила турецко-египетский флот.

«Каждый кулик свое болото хвалит». Вот французы в своей справке о корабле «Бреслав», застрявшем в начале сражения посредине бухты, пишут, что он «...сыграл решающую роль в сражении, когда его капитан, Ла Бретоньер, проявил инициативу покинуть французскую эскадру, которая благополучно выполнила свои задачи, чтобы усилить HMS Albion, который оказался в ловушке и находился под угрозой быть разгромленным османским флотом». В российской истории воспеваются флагманский корабль Гейдена «Азов» под командованием М.П. Лазарева и т. д. А главное в том, что союзные эскадры действовали сообща по принятой общей диспозиции и самоотверженно. Это была действительно общая победа. Совершенно справедливо, что греки в г. Пилос на побережье Наваринской бухты установили монумент трем адмиралам-победителям и ежегодно проводят там памятные торжества с морским парадом современных боевых кораблей стран-участниц.

Для «просвещенных» стран Европы такое решение по «умиротворению» враждующих сторон оказалось неожиданным. Военные моряки трех держав одним ударом лишили турок и египтян флота, предопределяя таким образом создание греческого государства.

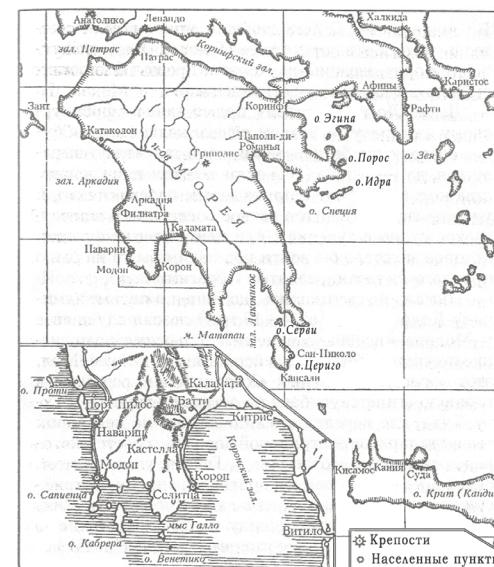
Нелишне отметить, что объединенная эскадра Кондрингтона вошла в иностранный порт лишь на основании Лондонского трактата, не признанного Османской империей. Вполне можно понять гнев султана, потребовавшего через послов союзных держав возмещения понесенного ущерба.

Для российского императора Николая I одним из важных факторов Наваринской победы был не только разгром турецко-египетского флота, «послуживший для спасения будущей Греции», но и демонстрация возрождения отечественного флота, моряки которого показали и свою храбрость (что неново, как впоследствии писал император по поводу подавления греческого же мятежа в Поросе в 1831 г.), и выучку, а также новые боевые корабли, построенные на отечественных верфях. После этого сражения и моряки, и дипломаты ведущих стран Европы вынуждены были считаться с наличием у России не только армии, но и первоклассного флота. Фактор этот, между прочим, вполне сработал во время Босфорской экспедиции 1833 г.

Если при Наварине соединенный флот трех держав действовал дружно, то далее интересы «союзников» разделились...

Пока русские корабли ремонтировали в Ла-Валлетте, английские и французские корабли, крейсируя у берегов Мореи, фактически не препятствовали египтянам вывозить на родину раненых и больных солдат и снабжать армию Ибрагима-паши. Мудрый правитель Египта не собирался выполнять приказ султана о переброске этой армии на Дунай, а лишь сосредоточил ее у крепостей на юго-западе Мореи...

14 (26) апреля 1828 г. началась Русско-турецкая война, но Л.П. Гейден продолжал получать инструкции о действиях своей эскадры в духе Лондонской конференции, т. е. совместно с английскими и французскими адмиралами. Фактически русские моряки оставались наблюдателями происходивших на Средиземном море событий, так что порой им приходилось буквально понуждать английских и французских «союзников» принимать действенные меры по блокаде греческих берегов. Именно таким образом был захвачен египетский корвет, ставший впоследствии российским «Наваринцем».

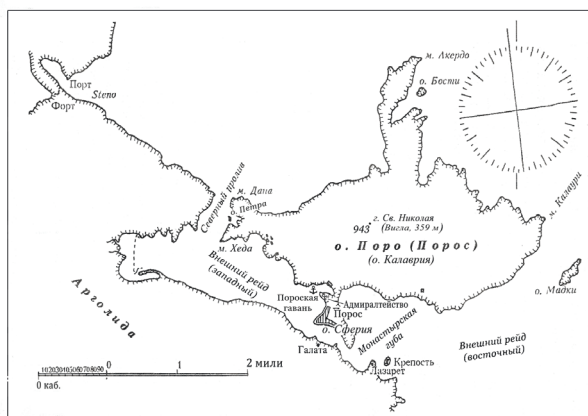

Морея (полуостров Пелопоннес) и ближайшие острова

Рис. 2 — Морея (полуостров Пелопоннес) и близлежащие острова

Суда русской эскадры постепенно сосредоточились у о. Эгина, где находилось правительство Греции во главе с Каподистрией, а потом переходили на расположенный южнее остров Порос (Порос), рейд и порт которого Гейден избрал в качестве главной стоянки эскадры в Архипелаге. 21 мая адмирал доложил о своем выборе в Петербург.

В августе-сентябре адмирал Гейден стал свидетелем высадки в Морею, на юге Пелопонеса французского 15-тысячного корпуса и последующей отправки армии Ибрагим-паши в Египет. Договоривался по этому поводу в Александрии с Мехмет-Али-пашой победитель при Наварине вице-адмирал Кодрингтон (документ был подписан 29 июля). Аналогичным образом производилась проверка отправляемых восвояси гражданских лиц, в присутствии единичных российских моряков.

Остров Порос (с карты, составленной в 1828 г. лейтенантом Л.Л. Гейденом)
Андренко В.Г. По и после Наварина)

Рис. 3 — Остров Порос (Порос)

Единственно, что удалось сделать самостоятельно, это устроить на острове Порос что-то вроде базы флота, где можно было разместить склады доставляемого из России снабжения, производить мелкие ремонтные работы и отсиживаться на природой защищенном рейде от бурных погод. К сожалению, все постройки в 1833 г. были переданы грекам.

Рейд русского отряда на Кандию, остававшуюся во власти египтян, тут же вызвал нарекание союзников и бурную дипломатическую переписку. Только заступничество императора Николая I и его слова о причине такой самостоятельности: «Из человеколюбия...» погасили скандал. В ходе этого рейда были взяты еще два египетских судна, в том числе корвет, получивший в Российском флоте наименование «Львица».

Египетский правитель, практически не участвуя в войне с Россией, мудро не протестовал против захвата своих судов, попросив только вернуть их экипажи! Любопытно, что в Александрии всю войну продолжало действовать наше консульство, над зданием которого развевался русский флаг.

Самой значительной военной операцией Российского флота в Эгейском море стала блокада Дарданелл, начатая в ноябре 1828 г.

и продолжавшаяся до конца Русско-турецкой войны. Руководил блокирующим отрядом контр-адмирал П.И. Рикорд (в конце сентября 1828 г. адмирал привел на Мальту из Кронштадта пополнение — 4 корабля и 3 фрегата). Кстати, в первой половине января 1829 г. русская эскадра получила еще одно пополнение (1 корабль, 1 фрегат и 2 брига).

В данном случае все права как будто были у русских моряков. Тем не менее державы, включая Австрию — «союзника» по Венской системе Священного Союза, оспаривали и границы блокады, и правила досмотра, и проч.

В конце войны, когда русские войска вступили в Адрианополь, встревоженные англичане даже прислали к стоянке русских кораблей у о. Тенедос целую эскадру, усиленную затем французскими и австрийскими военными судами (на случай, если русские будут штурмовать Дарданеллы).

2 (14) сентября 1829 г. представители России и Турции подписали Адрианопольский мирный договор. Согласно его 10-й статье Турция безоговорочно признала постановления Лондонского трактата 1827 г. о создании автономной Греции в границах, определенных протоколом Лондонской же конференции трех держав (Англии, Франции и России) от 10 (22) марта 1829 г. Формально греки оставались в подчинении султана, выплачивая ему ежегодно дань в размере 1,5 млн пиастров, причем предстояло еще компенсировать турецким подданным стоимость их частных владений на своей территории. Верховное правление нового государства должно было иметь монархическую форму. Греков, а точнее греческих судовладельцев, касалась и 7-я статья договора, по которой турецкие проливы открывались для коммерческой навигации.

18 сентября русские моряки на стоянке у Дарданелл получили сообщение о ратификации Адрианопольского договора. На следующий день вице-адмирал Л.П. Гейден отдал официальный приказ по эскадре (7 кораблей, 7 фрегатов, 2 корвета и 5 бригов) о мире и «совершенном прекращении блокады».

Затем русский флот не торопясь собрался в середине октября на рейде о. Порос.

22 октября Логин Петрович Гейден получил высочайший рескрипт (от 24 сентября 1829 г.) о возвращении флота на Родину.

Для «поддержания порядка» в Греции у морейских берегов оставляли 2 корабля, 2 фрегата и 3 брига.

Отправка русской эскадры на Балтику под командованием контр-адмирала М.П. Лазарева по разным причинам затянулась, в том числе и из-за нежелания Л.П. Гейдена возглавить оставшийся у берегов Греции отряд. В конце концов император повелел назначить начальником отряда контр-адмирала П.И. Рикорда... Выбор оказался на редкость удачным. Чрезвычайно любопытно, как бы развивались дальнейшие события, если бы русскими кораблями в Греции остались командовать Гейден или Лазарев.

Эскадра Лазарева (3 корабля, 3 фрегата, 1 корвет и 2 брига) отправилась из Ла-Валлетты в Кронштадт 14 марта 1830 г. Следом самостоятельно пошли еще 2 фрегата. И только 21 июня за ними последовал отряд под флагом Гейдена (1 корабль, 1 корвет).

С 19 июня 1830 г. русский отряд у греческих берегов официально возглавлял Рикорд. Теперь это были не просто берега, а воды нового независимого государства — королевства Греции. Оно было провозглашено 17 января (3 февраля) 1830 г. постановлением (протоколом) Лондонской конференции представителей Великобритании, Франции и России. Тогда же были определены границы нового государства. Правда, намеченный кандидат — принц Леопольд Саксен-Кобургский от короны отказался и по Лондонской конференции 1832 г. королем Греции провозгласили 17-летнего принца Оттона Баварского (впоследствии Оттон I). Пока же признанной державами страной управлял И.А. Каподистрия.

14 июня 1831 г. Рикорд отправил в Кронштадт последние крупные суда бывшей эскадры Гейдена (оба линейных корабля) и фрегат, ожидая прихода с Балтики фрегата «Анна» и двух бригов «Парис» и «Аякс». Однако пополнение запаздывало, а в июле разразился так называемый «Идриотский мятеж», в ходе которого герой греческой революции адмирал Андреас Миаулис захватил в Поросе разоруженные корабли греческого флота. Оставшимся русским судам и подошедшему из Стамбула с депешами черноморскому люгеру «Широкий» пришлось принять непосредственное участие в подавлении этого мятежа.

После безрезультатных переговоров дело дошло до открытых столкновений у о. Порос. В итоге мятежники сожгли свой единственный мощный корабль фрегат «Эллас» и два корвета. Двусмысленное поведение командиров появившихся у Поро английских и французских кораблей Рикорд впоследствии описывал в депешах в Петербург. Николай I высоко оценил действия русского отряда. П.И. Рикорд был произведен в вице-адмиралы.

Состоялось еще несколько плаваний русских кораблей к греческим островам, закончившихся или разумными переговорами, как на о. Сира, или бескровным оставлением мятежниками своих судов, как в Каламатском заливе (у Армиро).

А вскоре в Греции разразился политический кризис, связанный с убийством И.А. Каподистрии 27 сентября (9 октября) в Навплии, ставшей очередной временной столицей. П.И. Рикорд в меру своих возможностей старался внести умиротворение в разгоряченные головы различных партий и вождей...

«Попытки поднять знамя возмущения делались также майнотами и румелиотами, — пишет морской историк Коргуев, — но благодаря твердости и энергии начальника русской эскадры, все они были безуспешны. Действия представителей покровительствующих Греции держав были по-прежнему направлены не в пользу Греции, и положение Рикорда, обязанного действовать с ними в согласии, было также затруднительно, как и положение графа Гейдена».

«За эти годы, — вторит Коргуеву другой морской историк (Каллистов) — Рикорд с редким тактом делал свое большое дело — закладывал фундамент государственного бытия возрожденной Греции...»

В июле 1832 г. был заключен Константинопольский договор, установивший границы нового Королевства Греция по линии Арта — Волос. а в начале нового 1833 г. юный принц Оттон высадился в Навплии (Нафплионе) с баварским отрядом (3500 солдат).

В мае того же года суда отряда Рикорда отправились через Дарданеллы к Стамбулу и, присоединившись к эскадре М.П. Лазарева, ушли на Черное море.

В греческих водах остались лишь два русских брига «Парис» и «Аякс»...

*

В 1827—1833 гг. на Средиземном море побывало большинство судов возрождавшегося при Николае I Балтийского флота: 9 кораблей, 10 фрегатов, 1 корвет и 8 бригов, а еще два трофейных корвета.

Кроме того, там же ходили и суда Черноморского флота: в эскадре Гейдена 2 транспорта, а в отряде Рикорда — 1 люгер и 1 тендер (катер).

Не вернулись на Балтику: 1 корабль (сгнивший во время плавания) и суда отряда Рикорда — 2 фрегата и 5 бригов, которые вошли в состав Черноморского флота.

*

Хочется отметить, что русские моряки в очень непростых условиях сделали все возможное, а порой и невозможное для выполнения поставленных им задач, и не только в Наваринском сражении, но и в последующих плаваниях (крейсерствах) в Средиземном и Эгейском морях. Честь им за это и хвала. Совсем недаром в истории нашего флота до сих пор чтят имена многих моряков, участников этой многотрудной военно-политической миссии. Жаль, что упоминаются в основном только адмиралы Гейден, Лазарев, Рикорд и те офицеры средиземноморской эскадры, которые стали адмиралами. А сколько честных служаков, грамотных и энергичных моряков так и почили, не дослужив до адмиральских чинов?!

Странно, что в Кронштадте, откуда уходили в Средиземное море наши суда и куда они затем возвращались, до сих пор не установили памятный знак (монумент или памятник) морякам так называемой «3-й архипелагской экспедиции» — эскадр Гейдена и Рикорда в Средиземном море (1827—1833 г.). Например, в г. Азове в 2017 г. в канун празднования 950-летия города была торжественно открыта скульптурная композиция с фонтаном, «посвященная победе миротворческого флота союзников под предводительством российского корабля "Азов" и его командира контр-адмирала Михаила Петровича Лазарева в Наваринском сражении 1827 года».

Литература

1. Андриенко В.Г. До и после Наварина. М., СПб.: АСТ–Terra Fantastika, 2002.
2. Каллистов Н.Д. Флот в царствование императора Николая I // История русской армии и флота. Ч. IX. М., 1913.
3. Коргуев Н. Русский флот в царствование императора Николая I // Морской сборник. 1896. № 8. Неоф. отд.
4. Тихоцкий А.И. Адмирал Петр Иванович Рикорд. СПб.: Алетейя, 2016.

Г.А. Гребенщикова

К 190-ЛЕТИЮ БОСФОРСКОЙ ДЕСАНТНОЙ ОПЕРАЦИИ 1833 ГОДА — УНИКАЛЬНОГО СОБЫТИЯ В ВОЕННО-МОРСКОЙ И ВОЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ И ТУРЦИИ

В 1833 году эскадры Черноморского флота с сухопутным десантом провели беспрецедентную в истории России военно-морскую операцию, в ходе которой Андреевский флаг развевался в Константинополе в течение пяти месяцев. Босфорская десантная операция 1833 года не имела аналогов в истории взаимоотношений обеих империй — Российской и Османской и по своему замыслу, масштабности и осуществлению являлась грамотным, продуманным, своевременным и политически верным решением руководства России. В том году Россия оказала Турции военную поддержку, спасла от развала пошатнувшуюся Османскую империю и сохранила престол султану Махмуду II.

В 1832 году на Востоке разразился мощный политический кризис: подданный султана Махмуда II и вассально зависимый от него правитель Египта Мехмет (Мухаммед) Али поднял восстание с целью освободиться от зависимости османских падишахов. За короткий отрезок времени Мехмет-Али Египетский и его сын Ибрагим-паша увеличили военные и военно-морские силы после сражения под Наварином в октябре 1827 года, а полководческие способности Ибрагима, помноженные на хорошую организацию и обучение его войск, способствовали достижению им значительных успехов на суше. В течение лета 1832 года египетская армия нанесла турецким войскам ряд сокрушительных ударов в Сирии, Антиохии и Малой Азии, совершила переход через Таврские горы и овладела крупной турецкой провинцией Коньей. Путь на Константинополь Ибрагиму фактически был расчищен.

Морские силы Мехмета-Али Египетского значительно превосходили турецкие. В состав египетского флота входило три 100-пушечных корабля добротной постройки под командованием опытных английских и французских офицеров, один 120- и один 74-пушечный корабли, семь фрегатов больших размеров, 20 бригов и 24 корвета. Положение султана Махмуда II стало катастрофическим, и без военной помощи

извне противостоять натиску египетских морских и сухопутных сил он, по сути, уже не мог.

Восстание вице-короля Египта Мехмета-Али началось не стихийно, как внезапно вспыхнувший бунт непокорного вассала, задумавшего отделиться от своего сюзерена — это восстание было выгодно, прежде всего, Франции. Париж, Марсель, Тулон и другие крупные города и порты Франции тесно связывали с Египтом отлаженные торговые отношения и коммуникации. Французский капитал активно осваивал это выгодное восточное направление, а дипломатия, обладая большим влиянием в Александрии и Каире, обеспечивала там приоритет Парижа во внешнеполитических делах. В случае победы Мехмета-Али Египетского на развалинах Османской империи могло возникнуть новое, экономически и политически сильное государство с правительством, ориентированным на Францию. Британское руководство учитывало этот расклад, и нежеланием допускать подобную перспективу объяснялось молчаливое согласие Лондона на вход русских эскадр в Босфор. Впоследствии прагматичные политики из Foreign Office (Министерства иностранных дел Великобритании) уже не допустили повторения такого варианта развития событий.

В указанный период влиятельные лица Англии из двух зол выбрали меньшее и предпочли лучше видеть русские корабли, беспрепятственно вошедшими в Босфор, чем французский капитал, хлынувший в столицу османов бурным потоком из зависимого от Франции Египта. В дополнение к гипотетическим выкладкам о вероятном франко-египетском альянсе министр иностранных дел Великобритании лорд Генри Пальмерстон прямо заявил, что «хозяйка Индии не может позволить Франции превратиться в хозяйку путей в Индию». Однако так получилось, что английскому королю Вильгельму IV вынужденно пришлось отвлечься на решение внутренних проблем с Ирландией, что не позволило ему оказать вооруженную поддержку султану Махмуду. Король ограничился словесным обещанием Махмуду не оставить его в беде, а для того, чтобы притушить разгоравшееся пламя, порекомендовал пойти на разумные уступки Египту.

Тем временем в Петербурге внимательно наблюдали за развитием военного противостояния Турции и Египта, и из переписки главного

командира Черноморского флота и портов адмирала А.С. Грейга с начальником Главного морского штаба князем А.С. Меншиковым явствует, что уже зимой 1832 года император Николай I намеревался начать подготовку флота к походу в Босфор.

Подготовка экспедиции проходила в обстановке глубокой секретности, и, чтобы не вызывать подозрений, в Севастополе намеренно распустили слух, будто суда готовят к отправлению к берегам Кавказа для действий против горцев. Однако истинная цель назначения флота не укрылась от французского консула, который специально приезжал из Одессы в Севастополь выяснить обстановку, после чего обо всем увиденном и услышанном доложил во французское посольство в Петербурге. Это стало известно из перлюстрированных депеш французского посла Э. Мортье своему руководству в Париж. В частности, в донесении от 20 июля (1 августа) 1832 года Мортье сообщил о военных приготовлениях русских на юге и подчеркнул, что в Севастополе уже находится примерно 3000 человек десантных войск, которых, скорее всего, готовят в связи с восстанием египетского вице-короля.

Тем временем император Николай I принял решение предложить султану Махмуду военную помощь и защитить Константинополь от войск египетского паши. С этой целью государь отправил в турецкую столицу генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева (будущего Муравьева-Карского), назначив его командующим сухопутным десантным отрядом в Константинополе на случай, если султан примет предложенную помощь. Николай I вручил Н.Н. Муравьеву собственноручное письмо, адресованное Махмуду II, в котором именовал себя «врагом возмущения и верным другом султана». Устно Николай I напутствовал Муравьева: «Султан ко мне очень милостив, и я хочу ему показать свою дружбу. Надобно защитить Константинополь от нашествия Мегмет-Али. Помни, как можно более вселять турецкому султану доверенности, а египетскому паше страху».

9 декабря 1832 года фрегат «Штандарт» с Муравьевым на борту бросил якорь в заливе Буюкдере недалеко от дома российского посланника Аполлинария Петровича Бутенева. Аудиенция у султана Махмуда II была назначена на 15 декабря, и в ожидании столь важного визита генерал Муравьев рассуждал: «Странные события! Россия, природный

и давний враг Турции, поддерживает падающее царство сие, и Турция должна положить лучшие свои надежды на Россию!»

Обстановка, связанная с мятежом паши Египта, стремительно ухудшалась. Махмуд II думал уже не о защите столицы, а о судьбе престола, и его поведение генерал Муравьев назвал паническим: «Султан, предвидя неминуемую гибель свою, отверг льстивые и обманчивые обещания французов и решился, наконец, предаться покровительству России». Теперь Махмуд II уже не просил, а буквально умолял А.П. Бутенева «наискорее прислать флот с 20–30-тысячным корпусом десантных войск». Такое количество войск Николай I, конечно, не мог предоставить, но разумным и вполне приемлемым посчитал направить от 11 до 15 тысяч человек. Командование эскадрой император вверил начальнику штаба Черноморского флота контр-адмиралу М.П. Лазареву.

Таким образом, Махмуд II официально призвал военно-морские силы России для защиты столицы и ее жителей от вторжения египетских войск. Поскольку Черноморский флот, стоявший в полной готовности в Севастополе, давно ожидал приказа о выходе в море, то долгих приготовлений не понадобилось. Фельдъегерь доставил контр-адмиралу М.П. Лазареву приказ императора: защищать Константинополь «от покушения египетских войск» и оказывать «вспомоществование турецкому правительству как в Черном и Мраморном морях, так и в Проливах Константинопольском и Дарданелльском».

Первоначально в экспедицию к берегам Босфора подготовили одну эскадру в составе девяти судов и экипажем в 4684 человека (флагманский корабль — 84-пушечный «Память Евстафия»). Главкомандующим морскими и сухопутными силами России Николай I назначил своего генерал-адъютанта и военного советника Алексея Федоровича Орлова — родного племянника графа А.Г. Орлова-Чесменского и сына Федора Григорьевича Орлова.

Николай I вверил А.Ф. Орлову важную военно-дипломатическую миссию в Турции, наделив его чрезвычайными полномочиями своего личного представителя по общему руководству Босфорской десантной операцией.

Утром 8 февраля 1833 года эскадра Черноморского флота уже стояла у входа в Босфор. Однако случилось совершенно непредвиденное:

к флагманскому кораблю «Память Евстафия» подошли шлюпки с турецкими чиновниками службы береговой охраны Босфора с приказом не входить в пролив. Михаил Петрович Лазарев объяснял им, что его эскадра идет именно по приглашению его величества султана, но все было напрасно. Тогда Лазарев поступил так, как поступали моряки во времена существования парусного флота для невыполнения нежелательного приказа — он сослался на ветер, и эскадра вошла в пролив.

Итак, Черноморская эскадра оказалась у верховья Босфора. Генерал Муравьев красочно описал это важное событие: «Из-за горы, закрывающей верхнюю часть пролива, явился в залив Буюкдере величественный корабль с русским флагом. Вслед за ним плыл другой, третий, и в самое короткое время залив покрылся военными судами, которые бросили якорь перед нашим дворцом, в виду английской и французской миссий. Внезапное появление наших судов крайне поразило турок, а недружелюбные нам миссии едва верили тому, что у них перед глазами происходило. Грозные союзники султана навели владения и столицу его в самый день праздника мусульман Байрама, когда с открытием новой луны они располагали в беззаботливости предаться пресыщению и увеселениям всякого рода после утомительного воздержания».

Турецкое руководство призвало Лазарева как можно скорее покинуть Босфор. Чиновники Высокой Порты разьясняли: сделать это надо по той причине, чтобы не раздражать египетского пашу, поскольку проводимые с ним мирные переговоры близились к завершению, а египетская армия приостановила наступление. Турки предложили Лазареву при первом способном ветре уйти в Сизополь и оставаться там в полной готовности вернуться обратно в Константинополь, если то потребуется.

В тех непростых условиях М.П. Лазареву и дипломату А.П. Бутеневу предстоял трудный выбор: если уходить в Сизополь, то это означало не выполнить указ императора, что Лазарев и Бутенев исключили. Кроме того, уход эскадры стал бы равнозначным в том, что русские расписались в собственном бессилии и выставили себя на посмешище иностранным дипломатам, а французы начнут «победоносно разглашать дерзкие» известия о выдворении русского флота из Бос-

фора. Такого сценария допускать было нельзя, поскольку он противоречил «охранению чести и достоинства России».

Несмотря на сильное давление со стороны турецкого руководства, моряки-черноморцы остались в Буюкдере. Флагманский корабль «Память Евстафия» сделался излюбленным местом посещения турецких военных и гражданских чиновников и членов их семей, которые с интересом наблюдали ежедневные учения матросов и распорядок жизни на корабле. Турки «с любопытством осматривали все углы корабля, как бы проверяя разнесшиеся слухи, что в трюмах скрывалось 15 тысяч солдат. Когда гостям показали устроенный в корабле иконостас, то сераскир поклонился образам».

Султан Махмуд II не замедлил распорядиться доставить русским морякам угощение:

«Для Адмирала и господ офицеров: 10 ящичков вина, шампанского, Бордо и Мадеры;

10 украшенных корзин с турецкими конфетами и фруктами. 40 или 50 голов сахара. 50 или 60 голов сыру швейцарского и голландского.

Для нижних чинов:

6 больших бочек вина виноградного, 4 бочки рома, 10 бочонков соленой рыбы, 90 пудов сыра ординарного. Несколько корзин разных свежих фруктов. 55 быков, 200 баранов, 12 кадков с живою птицею».

Наиболее примечательным днем пребывания моряков в турецкой столице стало посещение ими Константинопольского Адмиралтейства и Монетного двора, а затем состоялся визит к капудану-паше Тагиру. Султан в знак величайшей благодарности за присланную эскадру приказал прямо в присутствии русских офицеров выбить оттиски золотых и серебряных медалей: генералы и адмиралы получили золотые медали с бриллиантовой россыпью, штаб-, обер-офицеры и «прочие чиновники» — золотые, матросы — серебряные. Всего турки отчеканили 176 золотых медалей, из них восемь с бриллиантами. Николай I повелел носить медали на красной ленте в петлице ниже имевшихся остальных медалей; генералы имели право носить медали на шее.

По этому поводу Михаил Петрович иронично высказывался: «Чеканка дурная, но зато золота много — не дураки ли турки, выбили

медали, в которых весу по 46 червонцев! Великолепный обед, данный мне Тагир-пашою, состоял из смеси европейских блюд с турецкими, которых насчитал 112! Стол убран французскою бронзою, фарфором и цветами, накрыт на европейский манер, и странно было видеть неловкое обращение турок с ножами и вилками. Пить же научились порядочно, и шампанское тянут лучше нашего. Тагир старый мой знакомый (Наваринский), он разбит был с Азова в числе некоторых других».

Тем временем войска Ибрагима-паши продолжили наступательные действия, а египетский флот был готов форсировать Дарданеллы, но присутствие Черноморской эскадры сдерживало силы паши. В самом же Константинополе уже раскрылся заговор против султана с целью его свержения.

Махмуд II срочно запросил дополнительной военной помощи, и 24 марта 1833 года в Босфор на усиление эскадры Лазарева пришла вторая Черноморская эскадра из трех линейных кораблей и фрегата под командованием контр-адмирала М.Н. Кумани с 5 тысячным десантным отрядом, лошадьми и артиллерией.

2 апреля 1833 года осталось для россиян особо значимым днем — на эскадрах и в сухопутном лагере встречали Светлое Христово Воскресенье — Пасху. Утром по случаю праздника Пасхи генералы, адмиралы и штаб-офицеры сухопутного и морского ведомств собрались в посольской церкви, где присутствовали сотрудники российского посольства во главе с А.П. Бутеневым. Для многих офицеров это был особо торжественный день, поскольку встречали Пасху на мусульманском Востоке, в чужих краях, без родных и семей.

В начальных числах апреля 1833 года Мехмет-Али Египетский выдвинул султану Махмуду II новые, более жесткие требования — он претендовал уже на всю территорию Сирии и требовал Адан с прилегающими областями, что побудило султана окончательно прибегнуть к содействию военно-морских сил России и «смириться с грозным видом Российского флота в Босфоре». 12 апреля 1833 года в Буюкдере пришла третья Черноморская эскадра под флагом контр-адмирала О.И. Стожевского — в составе четырех линейных кораблей и с сухопутным десантом в количестве 4777 человек.

Таким образом, на Буюкдерском рейде сосредоточилось 33 вымпела (из них 10 линейных кораблей) вместе с бомбардирскими и транспортными судами, люгерами и пароходами «Метеор» и «Громоносец», высланными в помощь парусным судам для маневрирования.

Высадка российских войск, общая численность которых вместе с турецкой конницей (105 человек), батальоном (520 человек) и артиллерийской ротой (96 человек) превышала 11 тысяч, состоялась на азиатском берегу Босфора в местечке Терапия. Там войска расположились лагерем напротив английского и французского посольств. Генерал Муравьев красочно описывал большие деревья — настолько огромные, что «когда войска вышли на берег еще без палаток, то в дупле одного из этих яворов расположился батальонный адъютант со своей канцелярией. Гору Великанов, высочайшую по всему берегу Босфора, можно назвать ключом позиции нашей. Нам необходимо было занять ее, но я не решался сделать того без согласия турецкого правительства, потому что на вершине горы была мечеть. Солдатам выстроили бани, по вечерам они пели песни, играли в городки, что поддерживало в людях бодрость и веселый дух. Добрые отношения между нашими войсками и турецкими со дня на день усиливались, так что турецкие солдаты хаживали к нашим в палатки посидеть и потолковать о разных предметах на языках, взаимно им не известных, довершая объяснения знаками. В некоторых случаях солдаты наши даже скрывали от начальников вину турок, как своих товарищей».

В апреле 1833 года султан Махмуд устроил торжественный смотр российским десантным войскам. Вот как об этом событии рассказывал очевидец: «15 апреля местечко Терапия сделалось самым оживленным местом на Азиатском берегу. К 11 часам утра на пристани собрались многочисленные гости, чиновники дипломатических миссий, адмиралы, штаб- и обер-офицеры. Почти все европейские дамы желали видеть это любопытное зрелище. Войска вывели и выстроили на определенных местах. В строю находилось 8 батальонов войска с 24-мя орудиями и казачьей командой, 2 сводных батальона матросов, турецкий гвардейский отряд, легкоконный гвардейский полк. Всего 11 батальонов пехоты, 7 эскадронов конницы, 30 орудий и сотня каза-

ков. Матросы стояли выше сухопутных. Надлежало приискать место для турецкого батальона, который пользовался правом старшинства по званию гвардейского. Мне не хотелось поставить его выше наших, но, с другой стороны, надобно было соблюсти вежливость в отношении султанских войск. Турецкий батальон поставили отдельно, лицом к головному батальону матросов — так, что султан, подъезжая к нашему правому флангу, встретил левый фланг своей гвардии.

День был прелестный, но очень жаркий. Лучи солнца отражались на богатом шитье, которым украшались одежды европейцев и азиатов. Пушечная пальба с батареей возвестила о приближении Махмуда II. Когда его лодка поравнялась с фрегатом Штандартом, ему салютовали 21 выстрелом из полевых орудий. Махмуд подъехал к флангу и был встречен музыкой. Ему отдали честь, и едва он успел вполголоса поздороваться вытверженными по-русски словами "Здорово, ребята", как ему громко отвечали: "Здравия желаем, Ваше Султанское Величество!" Поднялся громкий крик "Ура!" Турок также учили кричать, но не могли перенять это у наших».

20 мая султан Махмуд II пожелал провести смотр российскому Черноморскому флоту. В тот день погода стояла холодная, дул сильный северо-западный ветер и шел проливной дождь. Войска, выстроенные вдоль берега в ожидании прибытия парохода с султаном, вымокли до нитки, и граф А.Ф. Орлов отправил в Константинополь курьера с вопросом: угодно ли будет его величеству устраивать смотр в такую погоду? Ответ получили утвердительный. К 11 ч. утра на флагманском корабле вице-адмирала Лазарева «Память Евстафия» уже собралось до ста человек членов турецкого правительства и разных чиновников. Российская эскадра, выстроенная на рейде Буюкдере в виде полумесяца, встречала Махмуда II с поднятыми турецкими флагами, с расставленными по рядам матросами. Дипломатический корпус прильнул к окнам посольских особняков, и среди множества лиц российские офицеры заметили французского посла Руссена с огромной зрительной трубой.

Когда после смотра Махмуд II поинтересовался, «чем сберегается здоровье русского матроса», ему доложили, что «здоровье

русского солдата и матроса сберегается чаркою водки». В ответ Махмуд II приказал быстро, без задержек прислать в лагерь и на эскадру 500 ведер водки.

24 июня 1833 года в Константинополь пришло известие о выводе войск Ибрагима-паши с территории Малой Азии и о переходе последнего египетского солдата обратно за Таврские горы. Россия и Черноморский флот выполнили главную миссию: столица Османской империи и трон султана Махмуда II стали вне опасности.

26 июня (8 июля) 1833 года граф А.Ф. Орлов подписал с турецкой стороной договор сроком на восемь лет, вошедший в историю как Ункяр-Искелесийский — от названия местности на Азиатском берегу Босфора, где состоялось его подписание — Ункяр-Искелеси.

Этот договор, де-юре закрепивший русско-турецкий оборонительный союз, содержал шесть явных и одну секретную статью: в первых провозглашались принципы взаимной защиты обоих государств «против всякого покушения», а в случае необходимости — право Турции потребовать от России военной помощи флотом и десантными войсками. В секретной статье предусматривалось, что в случае возникших особых обстоятельств Турция вместо оказания России военной поддержки обязалась оперативно закрыть Дарданеллы для входа всем иностранным судам.

Этот договор стал крупным успехом российской дипломатии и повлек за собой небывалый взлет влияния Петербурга в Константинополе. Короткий альянс двух держав в постнаваринский период помог России обезопасить южные морские границы и превратить Черное море во внутренний русско-турецкий бассейн. По понятным причинам подписанный Алексеем Федоровичем Орловым документ вызвал большой резонанс на Западе, и особенно в Лондоне. В британской столице скоро осознали допущенный досадный промах, когда позволили русскому Черноморскому флоту войти в Босфор, поэтому запустили процесс «обратного отсчета» по исправлению совершенной ошибки. Англичане подкрепили свои намерения силовой демонстрацией эскадр в Восточном Средиземноморье, а затем подошли к Дарданеллам и стали уже у внешних фортов.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

В 1835 году в Николаеве состоялась закладка корабля 84-пушечного ранга, который император Николай I в честь событий 1833 года повелел наименовать «Султан Махмуд». Строил его капитан Василий Апостоли.

Уникальный в военно-политической и военно-дипломатической истории России и Турции Ункяр-Искелесийский договор просуществовал всего семь лет. В 1841 году англичане добились его аннулирования, и с того периода Великобритания вплоть до начала Крымской кампании активно наращивала собственное влияние в Константинополе. Трагический финал Крымской войны 1853–1856 годов хорошо известен: англичане добились главной цели — Черноморский флот прекратил свое существование. Превосходные черноморские боевые корабли и фрегаты были затоплены на Большом Севастопольском рейде...

В статье рассматривается состояние корабельного состава Черноморского флота в первой трети XIX века. Приведены взгляды руководства России и главных командиров Черноморского флота на его развитие. Обобщены сведения по судовому составу флота и приведены данные по программам судостроения. Рассмотрены особенности строительства кораблей на южных верфях Черноморского флота и основные мероприятия по совершенствованию кораблей. Представлена роль флота в проведении морских операций, в том числе и в Босфорской военно-морской экспедиции, успеху которым кроме военно-морского искусства флотоводцев, высокого уровня подготовки экипажей способствовал высокий технический уровень линейных кораблей, фрегатов, бригов и других судов, артиллерийского вооружения и их материально-технического обеспечения. Сделаны выводы о значении и роли Черноморского флота в реализации морской политики России в первой трети XIX века.

Взгляды руководства России на развитие флота в первой трети XIX века

Взгляды императоров России, правивших в различные периоды времени в первой трети XIX века, на развитие флота были противоречивы. Несмотря на короткий срок своего правления, Павел I уделял развитию военного флота большое внимание. Он учредил Особый комитет для выработки штатов флота, ликвидировал независимость черноморских портов от центральных органов управления с передачей их в ведение Адмиралтейств-коллегии, были созданы училища корабельной архитектуры в Санкт-Петербурге и Николаеве, штурманские училища в Санкт-Петербурге и Кронштадте и др. [1]. При Павле I русский флот значительно окреп. Флот вновь вышел в Средиземное море, где покрыл себя немеркнувшей славой. Правление с 1801 г.

Александра I отличалось недооценкой роли военного флота в обеспечении безопасности государства и пренебрежением его интересами. Царствование Александра I до 1825 г. считается мрачной эпохой в истории русского флота. Отношение императора к флоту выразилось и в назначении председателем Комитета образования флота убежденного противника морской идеи графа А.Ф. Воронцова, отрицавшего необходимость для России сильного флота. Воронцов писал, что «по многим причинам физическим и локальным, России быть нельзя в числе первенствующих морских держав, да в том ни надобности, ни пользы не предвидится. Прямое могущество и сила наша должна быть в сухопутных войсках; оба же сии ополчения в большом количестве иметь было несообразно ни числу жителей, ни доходам государственным» [2]. Ухудшение военно-политической обстановки в Европе вынуждало правительство Александра I принимать меры по усилению Черноморского флота (ЧФ). Николай I, вступивший на престол в 1825 г., в отличие от своего предшественника видел в военном флоте России оплот государства, инструмент для поддержания исторически сложившегося имиджа России — покровителя захваченных Османской империей славянских народов на Ближнем Востоке. Николай I уделял флоту гораздо больше внимания, чем Александр I. Об отношении Николая I к флоту говорит и то, что он вернул в 1826 г. на службу адмирала Д.Н. Сенявина, отправленного в отставку Александром I в 1813 г. с половинной пенсией, произвел его в полные адмиралы и назначил главным командиром Балтийского флота. Николай I лично командовал ротой почетного караула на похоронах адмирала Д.Н. Сенявина в 1831 г. [3]. Флот в период царствования Николая I переживал этап нравственного и материального подъема.

Командование Черноморского флота в первой трети XIX века

Главными командирами ЧФ и портов, губернаторами Севастополя и Николаева в первой трети XIX века были пять адмиралов, внесших различный вклад в развитие флота и портов. Флотом в разные годы

командовали: адмирал фон Дезин В.П. (1799–1802 гг.), адмирал Траверсе И.И. (1802–1811 гг.), вице-адмирал Языков Н.Л. (1811–1816 гг.), адмирал Грейг А.С. (1816–1833 гг.), адмирал Лазарев М.П. (1832–1851 гг.). Наибольший вклад в развитие ЧФ в этот период внесли адмиралы Грейг А.С. и Лазарев М.П. Адмирал Грейг многое сделал для восстановления пришедшего в упадок флота. Принимал меры по развитию судостроительной базы ЧФ, увеличению числа кораблей и усовершенствованию их конструкции, участвовал в создании первых паровых судов, организовал постройку большого числа малых судов для практического обучения морских экипажей. Содействовал созданию морской библиотеки в Севастополе в 1822 г. и устройстве в Николаеве морской астрономической обсерватории и морской библиотеки. При адмирале М.П. Лазареве штаты боевых кораблей флота были полностью укомплектованы и оснащены артиллерией более высокого качества, флот получил более 40 кораблей. Стараниями адмирала М.П. Лазарева были внедрены «бомбические пушки», способные стрелять «бомбами» — полыми чугунными ядрами, заполненными черным порохом и снабженные дистанционным взрывателем. Адмирал Лазарев был одним из первых инициаторов строительства в России военных кораблей с железным корпусом и паровой силовой установкой.

Состав Черноморского флота и программы строительства кораблей в первой трети XIX века

В состав ЧФ входили парусный и гребной флоты. Штатный состав флота определялся, как правило, в начале правления (таблица 1) каждого императора и при необходимости уточнялся. При Николае I Главному черноморскому управлению было предоставлено право разработки проекта штата судового состава флота. Основу парусного флота составляли линейные корабли (ЛК), фрегаты, бриги, корветы, бомбарды и др. При недостатке ЛК фрегаты могли заменить их в линии и служить для крейсерской службы.

В состав гребного (шхерного) флота входили канонерские лодки, иолы, плавучие батареи и др. Значительную часть флота составляли

Таблица 1 — Штатный корабельный состав ЧФ

Классы судов / количество орудий	Год			
	1800	1803	1826	1834
Линейные корабли	3/100 9/74 3/66	3/100 9/74 9/64	5/120 10/84	3/120 12/84
Фрегаты	14	5/44 5/36	6/60	5/60 5/44
Бриги	•	5	8	10
Корветы	•	4	8	5
Тендеры	•	•	4	5
Канонерские лодки	100	60	30	27
Плавбатарен	10	6	•	•
Бомбарды	2	•	2	6
Транспорты	•	•	30	22
Пароходы	•	•	5	6
Ластовые суда	60	20	•	•
Гребные суда	•	140	•	•

Таблица 2 — Фактический корабельный состав ЧФ

Классы судов / количество орудий	Год				
	1800	1807	1825	1831	1833
Линейные корабли	15	2/100 2/74 3/66	10	1/100 5/84 2/80 2/74	13
Фрегаты	21	7	6	4/60 3/44	12
Корветы	•	5	•	2	3
Бриги	•	2	•	7	•
Пароходы	—	—	2	3	7
Другие	72	10	12	97	102

ластовые суда (баржи, плашкоуты, килекторы и пр.) для обеспечения основных сил.

В зависимости от количества орудий линейные корабли делились на ранги: 1-го ранга (100–130 орудий, водоизмещение до 5000 т, чис-

ленность экипажа около 800–1000 человек), 2-го ранга — 74–100 орудий, 3-го ранга — 64–74 орудия. На фрегатах стояло 44–60 орудий, корветах 30–40, бригах 18–28, бомбардах 12–14. Всего на ЧФ с 1800 по 1833 г. было построено 42 ЛК, 34 фрегата, 12 корветов, 15 бригов. Фактическая численность судов ЧФ приведена в таблице 2. В гребной флот в 1831 г. входило 77 канонерских лодок, 9 иолов, 3 бомбарды и др. С 1820 г. началось строительство лоцманских судов для гидрографической службы ЧФ. Фактическая численность судов из-за их небольшого срока службы (6–10 лет) и в силу боевых потерь не соответствовала штатной. Так, например, в 1825 г. из 15 ЛК по штату в строю было 10. В первой трети XIX века трижды принимались программы по строительству кораблей ЧФ [3] (таблица 3). Николаем I в 1826 г. было утверждено Положение по Черноморскому корабельному и гребному флоту.

Таблица 3 — Программы судостроения Черноморского флота

Классы судов / количество орудий	Годы		
	1803	1826	1832–1835
Линейные корабли	3/100 6/74 6/64	15/120 10/84	3/120 12/84
Фрегаты	3/44 3/36	10/60	4/60 3/44
Корветы	2	8	5
Бриги	2	8	10
Бригантины	•	15	•
Бомбарды	•	2	•
Пароходы	•	5	7
Плавбатареи	2	•	•
Канонерские лодки	60	30	•
Гемамы	4	•	•
Люгеры	2	•	•
Пакетботы	2	•	•
Госпитальные суда	•	2	•
Суда снабжения	16	•	•
Транспорты	46	18	•

Утвержденные императорами программы судостроения исходили из штатной численности ЧФ, его фактического состояния, состава флотов Турции, Франции, Англии и внешнеполитической обстановки. В 1806 г. турецкий флот включал в себя 16 линейных кораблей и 18 корветов, не считая при этом мелких военных судов и транспортов, которых насчитывалось около 100 [4]. Программы судостроения касались как корабельного, так и гребного флотов. Следует отметить, что средства на реализацию программ не всегда выделялись в требуемом количестве. Так, например, с начала выполнения судостроительной программы 1803 г. не находилось достаточно средств: поначалу при ежегодной потребности в 9 млн рублей на Черноморский и Балтийский флоты выделено только 7 млн. Программа 1803 г. была не выполнена также из-за Отечественной войны 1812 г.

Кроме того, в период 1806–1817 гг. из числа ластовых судов было построено только 4 транспорта. Возникший дисбаланс между численностью боевых кораблей и вспомогательными судами пришлось решать в последующие годы. Сразу после вступления на престол Николаем I был учрежден Комитет образования флота, одной из задач которого стала разработка и осуществление новой судостроительной программы. Комитет исходил из положения, что «Россия должна быть третья по силе морская держава после Англии и Франции и должна быть сильнее союза второстепенных морских держав» [4]. К первоочередным задачам программы 1826 г. относились: подробное исследование и оценка состояния русского флота, его количественного состава, верфей и портов, разработка штата судов флота, реорганизация структурной части и системы управления флотом. Комитет образования флота предложил программу строительства флота, чтобы «...извлечь наши морские силы из забвения и ничтожества, в которых он (флот) прозябал в последнее время» [4]. По этой программе Россия должна была иметь на ЧФ 181 судно. «Это число судов, — докладывал глава комитета адмирал Моллер, — будет, с одной стороны, без отягощения государству в рассуждении содержания», а с другой — «весьма достаточно не только к обороне... но и для наступательных военных действий в случае надобности в оных» [5]. В программы 1826 и 1831 гг. стали включаться и пароходы. На Николаевской верфи были построены первые пароходы

ЧФ: в 1820 г. пароходный бот «Везувий», первый русский вооруженный паровой корабль 14-пушечный «Метеор» в 1825 г., колесный пароход «Молния» в 1826 г., колесный пароходофрегат «Громоносец» в 1830 г. Первые пароходы были более уязвимы по сравнению с парусными кораблями из-за наличия гребных колес и зависимости скорости от осадки судна. Такой амбициозной кораблестроительной программы на Черном море у России еще не было. В 1832–1835 гг. была разработана последняя программа парусного кораблестроения на Черном море под руководством адмирала А.С. Грейга.

Обеспечение строительства и ремонта кораблей

Центрами кораблестроения для ЧФ были Николаев, Херсон, Севастополь, на казенных верфях которых было занято около 5000 корабельных мастеров и рабочих. С 1801 по 1825 г. было построено: в Херсоне 16 линейных кораблей и 8 фрегатов, в Николаеве 7 линейных кораблей и 3 фрегата, в Севастополе фрегат, 2 корвета и 3 брига. В 1820 г. в Севастополе был спущен на воду легендарный 18-пушечный бриг «Меркурий», в 1822 г. в Херсоне 60 пушечный фрегат «Штандарт», в 1833 г. в Николаеве 120-пушечный корабль «Варшава», спроектированный с участием А.С. Грейга. Интенсивность постройки боевых кораблей была такова, что казенные верфи с объемом заказов не справлялись, и поэтому с 1809 г. привлекались частные верфи, включая строительство 120-пушечных линейных кораблей. Всего с 1816 по 1833 г. только Николаевское адмиралтейство выпустило 125 судов — в шесть раз больше, чем за предшествующие 23 года своего существования. Сложности в реализацию программ добавляло и разрешение Александра I строить торговые суда на казенных верфях. В 1828 г. Николаем I были введены обязательные доклады главных командиров флотов, в которых предусматривались сведения и о состоянии дел в судостроении. Согласно распоряжению Николая I Главное черноморское управление обязывалось строить за счет штатных сумм, назначаемых по статье «кораблестроение», ежегодно по одному линейному кораблю и в два года по одному фрегату.

Для реализации программ судостроения были приняты следующие меры:

— созданы адмиралтейства в Севастополе и Феодосии. За счет Херсонской верфи, закрытой в 1827 г., была усилена материальная база судостроения в Николаеве;

— построены дополнительные эллинги в Николаеве, Севастополе, Измаиле;

— созданы дополнительные мануфактурные фабрики и заводы по производству канатов, парусов, металлических изделий, орудий;

— решены вопросы по дополнительным поставкам строевого леса, чугуна, орудий и др.;

— с 1832 г. постройка кораблей осуществлялась только в закрытых эллингах;

— был нормирован порядок использования сырого леса при строительстве судов с целью увеличения срока их службы;

— углублен фарватер реки Ингул в Николаеве для вывода линейных кораблей от построечных мест без использования камелей (понтон);

— утвержден в 1828 г. Николаем I проект строительства в Севастополе комплекса сухих доков: трех корабельных и двух фрегатных с целью продления срока службы судов. Работы были начаты в 1833 г.;

— привлечение ластовых команд для строительства судов;

— направление в 1826 г. корабельных инженеров С.И. Чернявского, В.Г. Апостоли, А.С. Акимова и других на учебу в Англию;

— создание в 1827 г. Корпуса корабельных инженеров (30 унтер-офицеров и 22 офицера).

Организационно-технические и конструктивные мероприятия по совершенствованию военных судов

В первой трети XIX века принимается ряд важных постановлений, регламентирующих военное кораблестроение, в том числе на ЧФ. В их числе:

— «О соблюдении правил при постройке судов и о порядке представления изобретений и усовершенствований в области кораблестроения»;

— «О введении в судостроении медных креплений вместо железных»;

— «Правила о предохранении судов в гавани»;

— «Об установлении постоянных правил для вычисления размеров основных частей корабля»;

— «О целесообразности замены при судостроении дорогостоящего свинца медными и железными листами» и др. [4].

Адмиралом А.С. Грейгом было введено понятие «строительный вес корабля», близкое к современному «стандартное водоизмещение», разработаны методики определения центра тяжести корабля путем его кренования и методика определения крена корабля при сильном волнении и залпе из всех орудий одного борта.

Мероприятия по совершенствованию конструкции корпуса судов были следующими:

— внедрение «параболического» метода проектирования корпуса;

— применение ридерсов и раскосин для увеличения прочности корпуса;

— соединение бака с ютом сплошной палубой, закрывающей шканцы;

— соединение палубных бимсов и шпангоутов металлическими кницами;

— введение в конструкцию кораблей медных креплений вместо железных и обшивки подводной части судов медными листами;

— замена каменного балласта на чугунный;

— замена пеньковых канатов на металлические якорь-цепи и др.

Мероприятия по совершенствованию парусного вооружения судов заключались в следующем:

— применение парусного вооружения с увеличенной высотой мачт, превышающей длину корабля, и радиально вынесенными за габариты корпуса судна реями с взаимозаменяемой системой парусов, что обеспечивало скорость линейных кораблей 1-го ранга до 10 уз и его поворот с диаметром циркуляции не более трех длин;

— применение на линейных кораблях стоячего такелажа из стальных тросов;

— использование более легкой и прочной парусины.

Мероприятия по совершенствованию артиллерийского вооружения судов были следующие:

- замена в качестве поставщика Луганского литейного завода, поставляющего пушки низкого качества, на Олонецкий завод;
- внедрение 68-фунтовых бомбических орудий;
- применение удлиненных орудий на линейных кораблях с числом пушек более 100;
- использование одинаковой высоты пушечных портов от палубы галерей;
- увеличение расстояния пушечных портов от ватерлинии;
- обшивка крюйт-камер свинцовыми листами и др.

Мероприятия по совершенствованию обитаемости кораблей вылились в следующее:

- применение на судах опреснительных установок;
- установка на судах специальных печей от сырости. На линейных кораблях ставилось 4 печи, на фрегатах-2, на остальных судах по одной;
- использование меньших запасов воды и провизии при плавании в ближней морской зоне для улучшения обитаемости и др.

В постройку кораблей на ЧФ большой вклад внесли корабельные мастера В.Г. Апостоли, А.С. Акимов, А.С. Катасонов, А.П. Мелихов, М.И. Суровцев, И.И. Тарусов, И.Я. Осьминин С.И. Чернявский и многие другие.

Российские парусные суда по техническому уровню не уступали судам Англии, Франции, Турции. Реализация мероприятий по совершенствованию парусных кораблей стала близка к пределу их возможностей. Наступало время пароходов с железным корпусом и гребными винтами вместо гребных колес у первых пароходов.

Значение Черноморского флота в реализации морской политики России в первой трети XIX века

Итогом русско-турецких войн первой трети XIX века стало присоединение к России большей части турецких владений на черноморском

побережье Кавказа и в устье Дуная. Успеху флота в морских операциях в немалой степени способствовал высокий технический уровень линейных кораблей, фрегатов и малых судов, их артиллерийского вооружения, материально-технического обеспечения. В числе морских операций этого периода следует упомянуть:

- участие в действиях Средиземноморской эскадры в 1804–1806 гг. отряда в составе двух линейных кораблей, двух фрегатов, шести корветов и четырех бригов;
- взятие турецкой крепости Анапа эскадрой Черноморского флота в составе пяти линейных кораблей, пяти фрегатов и восьми вспомогательных судов;
- атаки турецких укреплений на побережье Геленджикской бухты, крепостей Суджук-Кале, Сухум-Кале, Поти. Высадка десантов в крепость Трапезунд (Трабзон). Участие в штурме крепостей Измаил, Аккерман, Силистрия, Браилов и др.

Успешное проведение в 1833 г. уникальной Босфорской военно-морской операции (экспедиции), не имевшей аналогов и по своему замыслу, масштабности и способу проведения, подтвердило способность линейных кораблей, фрегатов, бригов и судов обеспечения ЧФ эффективно решать поставленные задачи не только в ближней, но и в дальней морской зоне. В течение 5 месяцев на рейде Константинополя развивались флаги 22 боевых кораблей с 1250 орудиями на борту и 11 судов обеспечения ЧФ [6]. В донесении князю А.С. Меншикову от 11 апреля 1833 года граф А.Ф. Орлов сообщал, что благодаря адмиралу М.П. Лазареву «эскадра приведена в блестящее состояние. Во внутреннем расположении судов сделаны некоторые улучшения, по части вооружения и наружного устройства также введены значительные перемены к красоте и удобству... Французский посол в разговоре со мной откровенно сознался, что хотя ему и было известно о существовании нашего флота в Черном море, однако он никак не ожидал увидеть его доведенным до такой степени совершенства» [6].

Вместе с тем силу ЧФ определяло не только количество кораблей и их вооружение, но и в первую очередь военно-морское искусство флотоводцев, высокий уровень подготовки экипажей, мужество и героизм моряков-черноморцев. Ярчайшим примером этому служит подвиг брига

«Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А.И. Казарского, когда 14 мая 1829 г. в бою с двумя турецкими линейными кораблями он нанес противнику серьезные повреждения и заставил отступить [5].

Литература

1. Об обращении Черноморских флотов корабельного и гребного, а равно и Черноморского Морского Правления и верфей, под ведомство Адмиралтейской Коллегии: № 17545: 12 ноября 1796 г.: Именной, данный Адмиралтейств Коллегии // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XXIV. Отд. I. — С. 3.
2. Белавенец П.И. Нужен ли нам флот и значение его в истории России. — СПб.: Товарищество Л. Голике и А. Вильборг, 1910. — С. 160.
3. Архив внешней политики Российской империи. Ф.180. Оп.517/1. Д. 3417. Л. 43–45.
4. История отечественного судостроения. Под ред. И.Г. Спасского. — СПб.: Судостроение, 1994.
5. Монаков М.С., Родионов Б.И. История российского флота в свете мировой политики и экономики (X–XIX вв.). — М.: Куликово поле, 2006.
6. Гребенщикова Г.А. Босфорская военно-морская операция. 1833 год. // Военно-исторический журнал. 2018. № 7. — С. 44–51.

Л.И. Спиридонова

ДОКУМЕНТЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА О БОСФОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В 1833 ГОДУ

Экспедиция Черноморского флота в Босфор в 1833 г. была продуманной и политически взвешенным решением русской дипломатии. Проведение Босфорской экспедиции 1833 г. нашло достаточно полное отражение в различных фондах нашего архива. Документы о состоянии русско-турецких отношений после окончания войны 1828–1829 гг., участие России в прекращении турецко-египетского конфликта и роль Черноморского флота в его разрешении находятся в фонде Канцелярии начальника Главного морского штаба (Ф. 205). Сложный процесс принятия решений по организации Босфорской экспедиции, распоряжения по флоту, состав судов, назначенных к плаванию, эти и многие другие документы хранятся в фонде Меншикова Александра Сергеевича, начальника Главного морского штаба Его императорского величества (Ф. 19). Действия Черноморского флота в ходе проведения Босфорской экспедиции широко представлены в документах фонда Управления главного командира Черноморского флота и портов Черного моря (Ф. 243). Переписка по вопросам подготовки Черноморского флота к проведению Босфорской операции хранится в фонде Грейги: Алексей Самуилович и Самуил Карлович, адмиралы (Ф. 8). Сведения о награждении участников Босфорской экспедиции, описание турецких медалей для награжденных находятся в фонде Инспекторского департамента Морского министерства (Ф. 283). Отдельные документы по изучению опыта подготовки и проведения боевых операций флота имеются в фонде Главного морского штаба (Ф. 417). Карты, планы, схемы боевых действий сосредоточены в фонде Атласы, карты и планы архива Центрального картографического производства ВМФ (Ф. 1331).

Комплекс указанных документов РГАВМФ дает представление об обострении отношений между Турцией и Египтом летом 1832 г.,

вылившимся в открытое противостояние. Армия Ибрагим-паши, сына египетского наместника Мегмет-Али, уверенно заняла Сирию и Палестину, древнюю столицу Турции город Конью и продвигалась к Константинополю. Летом 1832 г. положение турецкой армии осложнилось настолько, что правительство Николая I вынуждено было вмешаться в конфликт. Россия стала жестче действовать в отношении Египта. Отозвала из Александрии генерального консула, запретила капитанам всех купеческих судов оказывать в море любую помощь мятежному паше продовольствием и оружием. Соответствующие распоряжения были даны главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу А.С. Грейгу и командующему отрядом российских судов в греческих водах вице-адмиралу П.И. Рикорду. 6 июля 1832 г. адмирал А.С. Грейг доложил начальнику Главного морского штаба адмиралу А.С. Меншикову о том, что все распоряжения по Черноморскому флоту им сделаны. Соответствующий ответ был отправлен А.С. Меншикову с рейда Наполи-ди-Романия П.И. Рикордом¹. Сведения о развитии константинопольского кризиса 1832 — начала 1833 г., стремлении Англии и Франции ликвидировать русское влияние в Турции путем поощрения сепаратизма египетского паша Мегмет-Али имеются в переписке А.С. Грейга, М.П. Лазарева и русского посланника в Константинополе А.П. Бутенева². В Петербурге постепенно созрел план отправки экспедиции в помощь турецкому султану. В октябре 1832 г. Главный морской штаб предписал главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу А.С. Грейгу подготовить эскадру для похода в Константинополь. 15 ноября 1832 г. начальник Главного морского штаба адмирал А.С. Меншиков в секретном послании сообщает начальнику Черноморского флота и портов адмиралу А.С. Грейгу высочайшую волю приготовить флот к немедленному выходу в море, «ежели бы обстоятельства сего требовали»³. Главный морской штаб, учитывая слабость здоровья Грейга, решил поручить командование флотом в море начальнику штаба Черноморского флота опытному и энергичному контр-адмиралу М.П. Лазареву. 5 декабря

¹ РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1117. Л.1–5.

² Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 26, 27.

³ Там же. Д. 25. Л. 4–5.

1832 г. Николай I направил к турецкому султану своего представителя генерал-лейтенанта Н.Н. Муравьева, который должен был передать ему слова Николая I о готовности Черноморского флота оказать помощь при дальнейшем обострении событий⁴. Фрегат «Штандарт» с Н.Н. Муравьевым вышел из Севастополя и 9 декабря бросил якорь в заливе Буюкдере недалеко от дома российского посланника А.П. Бутенева. Турецкий султан Махмуд II просил русского царя прислать флот и 20–30 тысяч десантного корпуса. Такого количества войск Россия прислать не могла, а вот корабли Черноморского флота могли быть подготовлены к предстоящей кампании.

Подготовка константинопольской экспедиции, проходившая в обстановке строжайшей тайны, нашла отражение в регулярных докладах Грейга Меншикову в течение всего ноября 1832 г.⁵ Наибольшее внимание уделялось подготовке флота к выходу в море: все суда были осмотрены и по итогам этого осмотра составлен список судов, готовых к выходу в море. В списке отмечалось техническое состояние других судов и время, необходимое для устранения неполадок по корпусу и вооружению⁶. Сведения о запасах продовольствия на складах в Севастополе были получены от временного военного губернатора Севастополя вице-адмирала К.Ю. Патаниоти. Были подготовлены выписки из трактатов и постановлений относительно порядка салютации российских кораблей и крепостей. В фондах архива хранится обширная переписка адмирала А.С. Грейга с министром финансов графом Е.Ф. Канкриным об ассигновании Черноморскому флоту 1 млн руб. ассигнациями и 2000 голландских червонцев для спешной подготовки флота и по приказанию Николая I, в случае надобности, о дополнительном выделении еще до 8000 червонцев из запасов, имеющихся у чрезвычайного посланника в Константинополе⁷. Одновременно в канцелярии начальника Главного морского штаба собирали сведения о составе и вооружении кораблей египетского флота. Количественный состав египетского флота приводится в документах кан-

⁴ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1220. Л. 7–10.

⁵ Там же. Л. 13–21.

⁶ Там же. Л. 26–32.

⁷ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1222.

целярии Главного морского штаба. Это пять 100-пушечных, один 120-пушечный, один 110-пушечный и два 84-пушечных корабля. В дополнение египетский флот имел фрегаты и корветы, захваченные в Средиземном море у турецкого флота⁸. Анализ состояния египетского флота и портов содержится в специальной записке, составленной сотрудником русской дипломатической миссии капитан-лейтенантом Ф.С. Лутковским⁹. В своей записке он приводит сведения об Александрии, описывает старый и новый порты, условия плавания вблизи Анатолийского берега, устройство адмиралтейства, приводит сведения об адмирале египетского флота Осман-паше, командирах египетских судов, набранных из европейцев, и экипажах. Заканчивая записку, Лутковский пишет, что все сведения он собирал как бы мимоходом, чтобы не вызвать у кого-либо подозрений.

Состояние Черноморского флота на тот момент описывает начальник штаба Черноморского флота, назначенный на должность командующего эскадрой, контр-адмирал М.П. Лазарев в письме к своему другу А.А. Шестакову: наружность кораблей хороша, внутренность — все худо, рангоут сделан дурно, паруса тоже, вооружены еще хуже. Грейгу все наскучило, и он ко всему сделался равнодушным, третий год флот не выходит в море¹⁰. Лазарев энергично берется за дело. Срочно составляется инструкция командующему эскадрой. В рапорте Грейгу он перечисляет все нужды эскадры, приготовляемой к походу в Босфор. Замечает, что испытывает особенную потребность в морских картах, просит командировать в Севастополь парусного мастера, чиновника для дипломатической переписки, писарей для ведения дел. Лазарев составляет приказы о введении некоторых улучшений в устройстве рангоута и такелажа, о состоянии артиллерии на судах эскадры, о введении в действие на судах эскадры «правил о приготовлении корабля к бою»¹¹. Издаёт приказ о назначении корабля «Память Евстафия» флагманским кораблем эскадры¹².

⁸ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 168. Л. 16–17.

⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–11.

¹⁰ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 775. Л. 18–19.

¹¹ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2696. Л. 2, 5, 16–17, 44–47.

¹² Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 61.

5 декабря 1832 г. Лазарев докладывает Грейгу о готовности к выходу в море 84-пушечных кораблей «Чесма», «Память Евстафия», «Анап», «Императрица Екатерина II», 60-пушечных фрегатов «Архипелаг», «Тенедос», «Эривань», корвета «Сизополь» и брига «Пегас», всего 9 судов¹³. Слухи о подготовке Черноморского флота к выходу в море дошли до египетского паши и заставили его приостановить наступление. Однако М.П. Лазарев воспользовался этой передышкой и продолжил подготовку кораблей и экипажа к плаванию. 12 января 1833 г. он приказывает всем перебраться на суда, брать собой вещи, но не новые, а те, которые можно выбросить после использования, чтобы не было распространения инфекций. Так как в Севастополе сухопутных войск не было, в Одессе приступили к подготовке десантного отряда для отправки в Константинополь в составе одной егерской бригады, одной легкой артиллерийской и одной саперной роты, до 100 человек казаков с седлами, но без лошадей. Одновременно началась подготовка второго десантного отряда¹⁴.

1 февраля 1833 г. М.П. Лазарев получил письмо от А.П. Бутенева с просьбой как можно скорее прибыть к Константинополю, так как египетский паша с войском приближается к столице Оттоманской Порты и от прибытия русского флота зависит участь турецкой столицы. Содержание всех полученных в Севастополе депеш Лазарев сообщает начальнику Главного морского штаба Меншикову, 2 февраля 1833 г. эскадра двумя кильватерными колоннами покинула Севастопольский рейд. 8 февраля русские корабли вошли в Босфор и остановились в Буюкдере напротив французской и английской миссий. Посланцы от турецкого султана обратились к Лазареву с просьбой покинуть Босфор и перейти на рейд Сизополя в западной части Черного моря. Лазарев отказался менять планы пребывания эскадры, сначала сославшись на постоянно дующие северные ветры, затем на то, что вторая эскадра под командованием контр-адмирала М.Н. Кумани с десантом на подходе к Босфору. Истинные причины своего поведения Лазарев объяснил Меншикову в рапорте, хранящемся в архиве¹⁵. Действительно, вторая эскадра

¹³ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2520. Л. 6–7.

¹⁴ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 25. Л. 127–129.

¹⁵ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1364. Л. 8–10.

вошла в Босфор 24 марта в составе 84-пушечных кораблей «Императрица Мария» (флаг Кумани), «Пармен», «Адрианополь», фрегата «Тенедос», четырех транспортов, семи зафрахтованных купеческих судов, которые приняли в Одессе десантные войска и казаков в количестве 5 тыс. 500 чел. с лошадьми и артиллерией. 12 апреля 1833 г. на рейд Буюкдере пришла 3-я эскадра под флагом контр-адмирала О.И. Стожжевского из четырех кораблей (110-пушечные «Париж» (флагман), «Пимен», «Пантелеймон», «Иоанн Златоуст»). Затем для усиления и обслуживания парусных судов пришли пароходы «Метеор» и «Громоносец». Общая численность войск вместе с турецкой конницей доходила до 11 тыс. чел. На барказах войска были перевезены на азиатский берег Босфора. Лазарев доложил Меншикову о ходе переговоров в Константинополе, на которых присутствовали посланник А.П. Бутенев, командующий сухопутными войсками Н.Н. Муравьев и М.П. Лазарев. Присутствие русских войск и флота заставили египетского пашу прекратить военные действия и возобновить мирные переговоры. 2 апреля 1833 г. Лазарев отправил в Главный морской штаб новое донесение о согласии Ибрагим-паши прекратить военные действия, очистить занятые провинции и признать себя подданным турецкого султана¹⁶.

8 апреля 1833 г. Лазарев получил уведомление из Главного морского штаба о назначении опытного дипломата генерал-адъютанта графа А.Ф. Орлова чрезвычайным послом в Константинополь. 23 апреля Орлов прибыл в Константинополь на корвете «Пендераклия» в сопровождении парохода «Громоносец». Документы, хранящиеся в фонде главного командира Черноморского флота и портов, содержат копию Высочайшего повеления о назначении графа А.Ф. Орлова личным представителем императора в Константинополе. Николай I возложил на Орлова общее руководство политикой России на Босфоре и наделил его обширными полномочиями, включая право объявлять войну, открывать военные действия, заключать мир. В соответствии с инструкцией, данной Орлову, все находящиеся в Босфоре морские и сухопутные силы переходили в его подчинение. В документах особо отмечалось право на поднятие кайзер-флага на грот-брам-стеннге военного корабля, на котором посланник будет пребывать. Здесь же имелось словесное

¹⁶ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2925. Л. 1–2.

описание флага и его изображение. На будущее флаг предназначался для всех чрезвычайных послов. Документы о назначении Орлова, его прибытии в Константинополь, смотре эскадры, ее составе, сведения о командирах и личном составе хранятся в делах канцелярии Главного морского штаба¹⁷.

Во время пребывания эскадры в Босфоре несколько инженерных офицеров и лейтенанты Е.В. Путятин и В.А. Корнилов по заданию Лазарева были отправлены в проливы для промера глубин, составления описи береговой черты, изучения состояния укреплений Босфора и Дарданелл. В результате проведенных работ Лазарев получил полную картину состояния обороны проливов. В архиве сохранилась подборка из 9 планов крепостей по азиатскому и европейскому берегам пролива Дарданеллы¹⁸. Одна из них — замок Килид-Багар и при нем 65-пушечная батарея Намазия, расположенная в самом узком месте пролива против азиатского Ченак-кале, считалась главным из укреплений на европейском берегу. На азиатском берегу Дарданелл важнейшим укреплением был замок Кале-Султане. В небольшом городке у крепости располагались европейские миссии, в гавани имелись якорные стоянки для турецкого флота. Всего около 400 орудий обстреливали пространство на 7 итальянских миль и создавали угрозу кораблям, пытающимся прорваться в Мраморное море. Укрепления Босфора были представлены общей картой пролива с показанием размещения артиллерийских орудий по берегам пролива и углов обстрела. В архиве хранится 20 листов с планами крепостей Босфора и один лист с подробным изображением всех наиболее важных объектов пролива: гавань Буюкдере, месторасположение русских и турецких войск, султанская пристань и место подписания Ункяр-Искелесийского мира. На представленных планах можно видеть мощную 53-пушечную батарею Маджар на азиатском берегу, 23-пушечную батарею Дели-Табиа и 24-пушечную батарею Румели-Кавак на европейском берегу. В южной части Босфора обозначено место — расположение древних замков Анадоли и Румели Гиссар, развалины генуэзских крепостей. К планам приложены две брошюры с подробным описанием всех

¹⁷ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1364. Л. 115–118; Д. 1366. Л. 1–6.

¹⁸ Там же. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 122.

укреплений Босфора¹⁹. При десантном отряде в Турции находился полковник Генерального штаба Мендом, который в 1833 г. составил записку о босфорских укреплениях и планы батарей на европейском и азиатском берегах²⁰.

26 июня последовало заключение Ункяр-Искелесийского мирного договора. Союзный договор между Россией и Турцией заключался на 8 лет. Это был оборонительный союз, содержащий обязательства взаимной военной защиты. Россия гарантировала неприкосновенность территории Турции. Последняя обязалась закрыть для всех военных судов иностранных государств доступ в Дарданелльский пролив. 28 июня М.П. Лазарев собрал весь военный флот, десантные отряды и покинул Босфор. Всего русские морские силы составили 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 корвета, бриг, 2 бомбардирских судна, 2 парохода, 1250 орудий и около 11 тыс. чел. сухопутных войск. Корабли проследовали в Феодосию, десантные войска покинули корабли и разместились на карантин. 22 июля флот возвратился в Севастопольскую бухту. 2 августа последовал указ о назначении А.С. Грейга членом Государственного совета, М.П. Лазарева — временно исполняющим обязанности главного командира Черноморского флота и портов. Император Николай I предложил «в воспоминание пребывания войск наших на азиатском берегу Босфора в одном лагере с некоторыми турецкими войсками наградить штаб и обер-офицеров и нижних чинов сих последних особыми медалями: штаб и обер-офицеров золотыми, нижних чинов — серебряными»²¹. Турецким генералам были пожалованы ордена. Участники Босфорской экспедиции получили награды от турецкого султана. После утверждения Николаем I права на принятие наград и ношения их на ленте красного цвета был составлен список представленных к награждению и направлен для утверждения в Инспекторский департамент Морского министерства. Золотые турецкие медали, украшенные бриллиантами, получили вице-адмирал М.П. Лазарев, командир 2-й бригады 5-й флотской дивизии контр-адмирал М.Н. Кумани (флагманский корабль «Императрица Мария»),

¹⁹ Там же. Д. 155.

²⁰ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–17.

²¹ Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 2898. Л. 1.

командир 1-й бригады 4-й флотской дивизии контр-адмирал О.И. Стожевский (корабль «Париж»), начальник артиллерии Черноморского флота генерал-майор В.А. Залеский (корабль «Адрианополь»). Офицеры получили золотые медали без украшений, нижние чины — серебряные медали. Всего по спискам, составленным морским ведомством, награды получили 11463 чел.²² Так закончилась операция, которую П.С. Нахимов в письме к М.Ф. Рейнеке в октябре 1838 г. назвал блестящей Константинопольской кампанией, сожалея, что не принял в ней участия, так как получил назначение в Черноморский флот после ее окончания²³.

²² Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 2958. Л.1–5, 16–17.

²³ Там же. Ф. 1166. Оп. 1. Д. 9. Л. 14–15.

И.О. Ивановский

**ПОДВИГ И ТРАГЕДИЯ
АЛЕКСАНДРА КАЗАРСКОГО —
КОМАНДИРА БРИГА «МЕРКУРИЙ»**

На протяжении почти двух столетий отношения России с Турцией развивались не всегда успешно. Обе великие империи — Российская и Османская чаще оказывались реальными военными противниками, чем союзниками.

Но в первой трети XIX века в отношениях этих держав произошло событие, по праву относящееся к разряду уникальных и неординарных.

В 1833 году эскадра Черноморского флота с сухопутным десантом провели беспрецедентную Босфорскую военно-морскую операцию (экспедицию), в ходе которой Андреевский флаг развевался в турецкой столице Константинополе в течение пяти месяцев.

Босфорская операция 1833 года не имела аналогов и по своему замыслу, масштабности и способу проведения являлась грамотным, продуманным, своевременным и политически верным решением руководства России.

По сути, оказав тогда военную поддержку турецкому султану, Николай I спас от развала Османскую империю и сохранил престол Махмуду II.

Перед этой операцией в истории русского флота произошли два ярких события. Это подвиг линейного корабля «Азов» под командованием капитана 1 ранга Михаила Петровича Лазарева при Наваринском сражении в 1827 году и подвиг брига «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского в 9-й Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Судьба этих офицеров сложилась по-разному, но общим было то, что корабли, которыми они командовали до Босфорской экспедиции, были впервые в истории флота за победы в тяжелейших морских сражениях удостоены высочайшей награды Российской империи — Георгиевского флага и вымпела. В дальнейшем на долю этих героев выпала секретная подготовка Черноморской эскадры с сухопутным десантом к проведению Босфорской операции.

Легендарным заслугам М.П. Лазарева на службе Отечеству в современной историографии посвящено множество работ.

Второй герой, который принимал активное участие в подготовке Босфорской операции, был флигель-адъютант императора, капитан 1 ранга Александр Иванович Казарский, который был отправлен на Черноморский флот одновременно с Лазаревым.

О героическом сражении брига «Меркурий» под его командованием в исторических и архивных публикациях написано достаточно много, но о его последующей деятельности в свите императора материалов мало и они отчасти достаточно противоречивые.

Случайно ли император Николай I при подготовке Босфорской операции одновременно отправил на Черноморский флот двух заслуженных офицеров, которым полностью доверял, или это был скрытый умысел?

Для ответа на этот вопрос вернемся к итогам Наваринского сражения и его последствиям.

Сражение в Наваринской бухте состоялось в необычных условиях. Ни Россия, ни Великобритания, ни Франция в этот момент не находились с Турцией в состоянии войны. Более того, Лондон и Париж вообще готовы были поддержать Порту в войне с греками, чтобы не допустить усиления влияния России в регионе. А Российская империя не могла не разделять стремления Греции освободиться от трехсотлетнего османского владычества. Во-первых, греки были единоверцами — православными, а во-вторых, поддержка Греции позволяла ослабить Турцию и изменить баланс сил в регионе.

В результате четырехчасового боя потери турецко-египетской эскадры составили более 60 кораблей и около 7 тысяч убитыми и ранеными.

Союзники не потеряли ни одного корабля, но в личном составе 181 убитого и 564 раненых, после сражения их флот оставался в Наваринской бухте до 26 октября 1827 года.

В различных пособиях для учебных заведений флота отмечается, что в сражении был уничтожен весь османский флот. Если согласиться с таким заявлением, то возникает вопрос: с кем воевал Российский флот в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.? Известно, что в Наваринском сражении турки потеряли всего три линейных корабля (один сгорел, один получил серьезные повреждения и не подлежал

восстановлению, а последний превратили в плавучую тюрьму), но это только третья часть турецкого флота!

После Наваринского сражения в составе турецкого флота осталось еще 6 линейных кораблей, 4 фрегата и более 10 мелких судов, а это внушительная сила, с которой следовало считаться. Кроме того, многие отечественные и зарубежные исследователи несколько переоценивают Наваринское сражение, считая его кульминационным пунктом в греческом освободительном движении. Но ведь после Наварина война за независимость Греции продолжалась еще около двух лет (Адриано-польский мирный договор был подписан только 2 сентября 1829 года).

В Европе отношение к Наваринской победе было неодинаковым, оно подверглось самой разнообразной оценке.

Австрийский император Франц II называл адмирала Кодрингтона и всех остальных убийцами.

Французский король Карл X в тронной речи говорил, что Наварин покрыл славой знамена Франции и служит блестящим залогом согласия трех держав.

Английский король Георг IV назвал в своей парламентской речи эту битву неприятным событием. Подписывая документ о награждении Кодрингтона орденом Бани, король на полях приказа написал: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслуживает веревки».

Иначе встретил известие о Наваринской победе русский император Николай I. Он считал это событие свидетельством единства союзников и наградил русскими орденами командующих английской и французской эскадрами.

В письме к вице-адмиралу Кодрингтону — командующему объединенной эскадрой царь писал: «Вы одержали победу, за которую Европа должна быть вам вдвойне признательна... Ваше имя принадлежит отныне потомству. Русский флот гордится тем, что заслужил под Наварином Ваше одобрение...»

А теперь самый интересный вопрос — а что же Россия? Наша страна не получила от Наваринского сражения ничего, кроме того, что оно подтолкнуло ее к новой войне с Турцией. Тем не менее Наваринскому сражению мы уделяем гораздо больше внимания, чем любому другому

сражению отечественного парусного флота. Наши прославленные адмиралы с их очень важными для страны победами «просто отдыхают» в тени Наварина.

Я вовсе не говорю, что надо забыть героев этого сражения. Но, может быть, нам надо лучше знать историю флота, тогда мы сможем более объективно оценить каждое событие и воздать должное его героям.

Турецкий султан Махмуд II был возмущен тем, что без объявления войны три европейские державы напали в турецких водах на его эскадру и уничтожили ее.

Сначала он думал совершить ответное «достойное» действие — вырезать посольства союзных держав в Константинополе: французское, английское и русское. Османь сообщили послам о том, что весь состав посольств будет арестован. Французский, русский и английский послы сказали, что они будут сражаться до последнего. Если на них будет поднята рука и кто-то из них погибнет, то три союзные державы просто сметут Константинополь с лица земли и Османской империи придет конец.

Послов никто не вырезал, их даже не посадили в тюрьму. В декабре 1827 года они уехали сами. Это не было объявлением войны, но демонстрацией полного разрыва взаимных отношений. Более того, уже в декабре Англия и Франция быстро восстановили хорошие отношения с Турцией, пообещав ей материальную помощь и свалив всю вину на русских.

Турецкий султан Махмуд II 8 декабря 1827 года выпустил гатти-шериф (приказ султана, имеющий силу закона, который должен быть немедленно исполнен).

Любопытны формулировки из этого документа:

«...Двор Российский есть непримиримый враг народа мусульманского в Оттоманской империи. Именно Россия толкнула Англию и Францию к противостоянию Порте, именно Россия возбудила греков на восстание.

Турция не будет соблюдать впредь соглашения и призывает всех мусульман встать против России...»

Султан разорвал все прежние договора с Россией и призвал мусульман к «священной войне». Он закрыл Босфор и Дарданеллы

для русских судов. Русских купцов задерживали и изымали все грузы. Склады в Одессе, Тавриде, Азове ломились от русской пшеницы, торговые люди терпели страшные убытки.

В Константинополе фанатики избивали русских, громили торговые лавки. Немало русских оказалось в тюрьме.

8 февраля 1828 года гатти-шериф по русским дипломатическим каналам был получен императором. Николай I принимает решение объявить Турции войну. Формально объявление войны последовало 14 апреля 1828 года (через 5 месяцев после Наваринского сражения). Так началась девятая Русско-турецкая война (1828–1829 гг.) из двенадцати, как считают современные историки.

Черноморскому флоту была поставлена задача блокировать Дарданеллы, занять Анапу и ряд турецких крепостей и портов (Варна, Инада, Бургас, Сизополь и др.), Дунайской гребной флотилии — оказать содействие армии в ее операциях на Дунае.

Эскадра Черноморского флота 21 апреля под командованием вице-адмирала А.С. Грейга в составе 7 линейных кораблей, 4 фрегатов, 2 бомбардирских судов, парохода, 11 мелких судов и военного транспорта с десантом в составе 2 полков пехоты и батареинной роты, посаженным на 8 зафрахтованных торговых судов, вышла из Севастополя для операций против турецкой крепости Анапа.

В состав эскадры вошел бриг «Соперник», ставший на военное время транспортом под командованием малоизвестного тогда еще лейтенанта А.И. Казарского.

«Соперник» был заложен 9 января 1825 года на Херсонской верфи. Спущен на воду 21 мая 1826 года, имел следующие размеры: длина 22,9 м, ширина 7 м, осадка 3,4 м. Вооружение — 10 орудий.

Для увеличения количества бомбардирских кораблей в эскадре на транспорт по приказу А.С. Грейга был установлен «единорог». Именно в таком качестве (после своей «прямой» работы по высадке войск и доставке припасов) «Соперник» принял участие в осаде Анапы. Малая осадка судна позволила ему подойти к крепости по мелководью (чего не могли делать боевые корабли флота) и обстреливать укрепления Анапы. За время осады Анапы «Соперник» получил 6 пробоин и 2 повреждения рангоута, но продолжал свою работу.

За участие во взятии Анапы Казарский был произведен в чин капитан-лейтенанта. Затем, за участие во взятии Варны он был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и переведен на бриг «Меркурий». С ним Александр Иванович вошел в историю.

Бриг «Меркурий» был заложен 28 января 1819 года в Севастопольском адмиралтействе и спущен на воду 7 мая следующего года. Корабль строился из дуба по чертежам корабельного мастера Ивана Яковлевича Осминина.

Бриг представлял собой небольшое судно с двумя непрерывными палубами вдоль всего корпуса. Верхняя — главная орудийная палуба, нижняя — специальный съемный настил между подпалубным помещением и трюмом. На нем находились матросские кубрики, парусные, канатные, провиантские кладовые, камбуз, крюйт-камера и другие вспомогательные помещения. В кормовой части в небольших выгородках располагались капитанская каюта и офицерские помещения. Его главные отличия от других бригав русского флота — меньшая осадка и наличие весел (по семь с каждого борта), которые вставлялись в специальные отверстия (гребные шпигаты) в фальшборте. Гребли этими веслами стоя. «Меркурий» был одним из первых русских бригав, при постройке которого применялась система набора по методу английского инженера Р. Сепингса — с диагональными связями-ридерсами. Эта прогрессивная по тому времени система увеличивала прочность корабля, уменьшала спусковой перелом и раскачку элементов. Бриг был остойчив и хорошо держал высокую волну, однако в тихую погоду «грузнел» и терял ходовые качества.

«Меркурий» имел две мачты (фок и грот). Каждая мачта несла четыре рея и соответственно четыре прямых паруса. Также на грот-мачте имелся гафельный парус, улучшающий маневренность. Общая площадь парусов — 856 м². Нос судна украшала фигура Меркурия, реконструкция которой теперь представлена в атриуме ЦВММ.

Артиллерийское вооружение брига состояло из восемнадцати 24-фунтовых (калибр 24 фунта, или 152 мм) карронад (короткоствольные орудия ближнего боя) и двух длинноствольных 3-фунтовых пушек (калибр 3 фунта, или 76 мм).

Карронады устанавливались на верхней палубе вдоль бортов и по боевой тревоге выдвигались в орудийные порты. Пушки, имевшие по сравнению с карронадами большую дальность стрельбы, устанавливались у носовых пушечных портов и носили название «погонных», при необходимости они перекатывались на корму и выдвигались в открывающиеся фальш-окна.

Главным преимуществом карронад был малый вес — так, ствол (здесь и далее — для 24-фунтового орудия) карронады весил 753,5 кг, а масса обыкновенного корабельного орудия такого же калибра составляла от 1900 до 2500 кг. Однако при этом карронады значительно проигрывали в дальности стрельбы — прицельный огонь был возможен на расстоянии не более 250–300 м, а для обычной пушки 800–1000 м.

Длина погонного орудия — 1501 мм, вес сплошного ядра 12,1 кг. Максимально возможная дальность стрельбы — до 1 км. Расчет орудия (по штатной ведомости «Меркурия») — 5 человек.

В боекомплект 24-фунтовой карронады входили сплошные ядра, осколочные и фугасные гранаты, цепные кнйпшпели (полуядра на цепи для разрушения такелажа), брендскугели (зажигательные снаряды) и картечь.

Экипаж брига насчитывал 115 человек. В это число входили 5 офицеров, 5 квартирмейстеров, 24 матроса 1-й татьи, 12 матросов 2-й статьи, 9 бомбардиров и канониров, 43 старших юнг, 2 барабанщика, 1 флейтщик и 14 прочих нижних чинов.

Свое имя бриг получил в честь катера «Меркурий», отличившегося во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг.

Основные характеристики брига «Меркурий».

Длина по палубе 30,9 м. Длина по ватерлинии 23,6 м. Ширина с обшивкой 9,7 м. Углубление форштевнем 2,74 м. Углубление ахтерштевнем 3,96 м. Глубина интрюма 2,94 м. Водоизмещение 445 т.

Артиллерийское вооружение: 24-фунтовые карронады — 18 шт., 3-фунтовые пушки — 2 шт. Экипаж 115 человек.

Всего согласно сохранившейся ведомости на постройку брига ушло: около 1200 кряжей (отрезок нижней части ствола непосредственно над корнем) дуба длиной в среднем около от 20 футов (6,1 м) до 15 футов

(4,5 м) и сечением около 15×15 дюймов (38×38 см), 460 сосновых бревен и 820 сосновых брусев и досок.

На обшивку подводной части для защиты от обрастания и гниения было затрачено: медных листов обшивочных длиной 4 фута и шириной 14 дюймов — 1300, гвоздей медных обшивочных — 130000 шт.

На обработку всех элементов конструкции ушло 2 пуда свиного и 4 пуда говяжьего сала, 30 фунтов голландской сажи, 60 пудов жидкой смолы и 2 — постного масла.

После окончания постройки «Меркурий» вошел в состав 32-го флотского экипажа. В его составе бриг прослужил все 37 лет своей карьеры.

В мае 1829 года отряд русских кораблей в составе 44-пушечного фрегата «Штандарт» и двух 20-пушечных брига «Орфей» и «Меркурий» получил приказ крейсировать у выхода из пролива Босфор. Находясь в 13 милях от пролива, русские моряки 14 мая обнаружили приближающуюся турецкую эскадру в числе 14 судов (как потом стало известно — 6 линейных кораблей, 2 фрегата, 2 корвета, бриг и 3 небольших парусных судна).

Более быстроходные «Штандарт» и «Орфей», чтобы лучше разглядеть противника и определить, с какими силами на этот раз вышел турецкий адмирал, решили ближе подойти к вражеской эскадре. Сберегая более тихоходный корабль отряда, на фалах «Штандарта» затрепетал сигнал: «"Меркурию" — лечь в дрейф». Принимать неравный бой приказа не было. Пройдя около шести миль и сосчитав турецкие вымпелы, «Штандарт» с «Орфеем» повернули назад, чтобы предупредить основные силы русского флота.

Неприятельская эскадра устремилась в погоню. Очень скоро быстроходный «Штандарт» поравнялся с «Меркурием». На его мачте взвился новый сигнал: «Избрать каждому курс, каким судно имеет преимущественный ход». «Штандарт» и «Орфей» резко вырвались вперед и быстро превратились в два пушистых облачка на горизонте...

За кормой «Меркурия», который нес все возможные паруса, неумолимо вырастал лес мачт турецких кораблей. К русскому бригу приближались лучшие турецкие ходоки — 110-пушечный «Селимие» под флагом капудан-паши и 74-пушечный «Реал-Бей» под флагом младшего флагмана, они постепенно настигали «Меркурий».

Линейный корабль «Селимие» (названный в честь султана Селима III) 1796 года постройки, водоизмещением 4732 т, на 1829 год имел следующее вооружение: двадцать восемь 36-фунтовых длинных пушек, четыре 110-фунтовых камнемёта (мортиры, кидающие каменные ядра), тридцать 24-фунтовых орудий, четыре 75-фунтовых камнемёта, тридцать четыре 18-фунтовых орудия, двадцать восемь 12- или 9-фунтовок, в это же число входили 36-фунтовых карронады. Всего 128 орудий.

Второй турецкий линейный корабль проходит в русской литературе под названием «Реал-бей». Такого названия в турецком флоте не было, Реал — это контр-адмиральский корабль. Какой корабль доподлинно составил пару «Селимие» неизвестно. На это место претендуют «Мукакадеме и Хайыр» или «Буруджу Зафер» («Созвездие победы»), скорее всего — второй. Оба были построены по французскому проекту, обшиты медью, водоизмещение около 3000 т. Вооружение: двадцать восемь 36-фунтовых пушек, тридцать 18-фунтовок, четырнадцать 12-фунтовок, четыре 36-фунтовые карронады.

Остальная турецкая эскадра легла в дрейф, ожидая, когда адмиралы захватят либо потопят русский бриг. Шансы на спасение у «Меркурия» были ничтожны (турки имели десятикратное превосходство в числе пушек, а если принять во внимание их калибр, то преимущество у врага было тридцатикратным!), почти не оставляли надежды на благополучный исход боя, в неизбежности которого уже никто не сомневался.

Соотношение сил в том бою поражает — 18 пушек против 184, 115 человек против 1200. Турки шли торжественно, словно на параде перед султанским дворцом. Марсы, салинги и даже реи были унижены красными фесками. Турецкие матросы яростно кричали и размахивали кривыми саблями и абордажными топорами. Тихоходный бриг показался туркам легкой добычей.

Они считали, что вот-вот — и их ждут награды и почести. Корабли мощные — один залп, и от брига осталось бы одно воспоминание. Перед экипажем «Меркурия» маячила перспектива позора, плена, спуска флага, что для русского моряка было хуже смерти.

Командир корабля Александр Иванович Казарский понимал, что бой неизбежен. Ему пришлось принимать решения, от продуманности

которых зависела честь, жизнь экипажа и судьба корабля. Он решил сражаться до конца.

На палубе брига Казарский собрал офицеров корабля. Как позже он писал в своем рапорте командующему Черноморским флотом адмиралу А.С. Грейгу от 14 мая 1829 года № 130 (подлинник которого находится в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота), по старой морской традиции первым попросили высказаться самого молодого офицера — поручика корпуса штурманов Прокофьева, который предложил: «Взорвать бриг, когда он будет доведен до крайности».

Далее Казарский продолжает: «Вследствие этого мнения, принятого всеми единогласно, было положено защищаться до последней возможности и если будет сбит рангоут, или откроется большая течь, тогда схватиться с ближайшим неприятельским кораблем, и тот офицер, который остается в живых, должен зажечь крюйт-камеру, для чего был положен на шпиль пистолет».

Казарский также обратился к нижним чинам и объяснил им, «чего ожидает от них Государь и чего требует честь императорского флага, нашел в команде те же чувства, как и в офицерах: все единогласно объявили, что будут до конца верны своему долгу и присяге».

Матросы корабля поддержали решение офицеров троекратным «Ура». Кормовой флаг прибили к гафелю (наклонному рею), чтобы он не мог спуститься во время боя.

На бочку с порохом в крюйт-камере положили заряженный пистолет, последний из живых должен был выстрелом взорвать корабль. Сбросив с кормы в море ял и приготовив документы к возможному уничтожению, команда приготовилась начать бой.

Казарский понимал, что при соотношении артиллерии 1 к 10 шансов уцелеть у брига нет: один залп любого турецкого корабля с эффективной дистанции мгновенно уничтожит «Меркурий».

Александр Иванович предполагал, что после разгрома турецкого флота в Наваринском сражении османы практически лишилась опытных капитанов и штурманов своего флота, а команда турецких кораблей, которые преследовали «Меркурий», имеет слабую подготовку в управлении парусами, и в условиях боя высока вероятность совершения ошибки.

Кроме того, он знал, что при слабом ветре густой дым от залпов долго будет служить завесой для брига, маневр которого может быть турками замечен не сразу.

Казарский принимал во внимание особенности турецкой артиллерии: калибр, эффективную дальность, скорострельность, расположение на корабле. Понимал, что обязан маневрировать так, чтобы турки могли вести огонь только из погонных пушек, стреляющих по ходу движения. И опять надеялся на маневр. Понимая, что он может уйти только от потерявших ход вражеских кораблей, рассчитывал на свои 18 гладкоствольных карронад, основная задача которых в этом бою перебить рангоут кораблей противника — мачты, реи, стеньги.

Он дал команду приготовить книпели — соединенные между собой цепью ядра. Также он рассчитывал, что подготовка его артиллеристов обеспечит нужную скорострельность. А еще он надеялся, что турки будут полагаться более на психологическое подавление воли русских, чем на искусство боя, и будут надеяться, что командир брига откажется от сопротивления и поэтому они захотят не уничтожить, а захватить «Меркурий» и будут использовать не ядра крупного калибра, а картечь и книпели, которые не нанесут достаточно крепкому корпусу брига фатальных повреждений.

Много еще чего перед неминуемым боем старался учесть 32-летний капитан-лейтенант, глядя на приближающиеся громады турецких кораблей. Надежда была на подготовленный экипаж и маневренность брига. И они не подвели.

Первым атаковал «Селимие». Он хотел зайти в корму брига, чтобы произвести залп. «Меркурий» уклонился и сам дал полный залп по противнику. Бригу удалось уклониться от первого бортового залпа турецкого флагмана и в течение получаса от последующих. Вражеский огонь велся только носовыми орудиями. Через несколько минут «Реал-бей» подошел к левому борту. Бриг взяли в клещи.

Русский корабль попал под перекрестный огонь 55 пушек правого борта турецкого флагмана и 37 пушек левого борта вице-адмирала. С адмиральского корабля на русском языке предложили сдаться. «Меркурий» огрызнулся — прогремел залп из всех пушек и ружей. Туркам пришлось убрать с марсов и реев abordажные команды,

приготовившиеся к захвату брига. Они были поражены: «легкая добыча» собралась принять бой, более того она собиралась атаковать.

Турки стреляли по «Меркурию» всем, чем только можно было заряжать орудия: ядрами, особыми снарядами для поражения парусов и снастей, картечью. Вражеские орудия, стрелявшие почти в упор, ревели с двух сторон.

Ветер, словно насмехаясь над русскими моряками, то пронесился над самой поверхностью воды и паруса «Меркурия» наполнялись, то снова стихал, и паруса его обвисали. А турецкие корабли с их огромной парусностью приближались и приближались. Казарский заметил, что «Селимие» снова пытается пройти по правому борту у «Меркурия» и сделать залп всей своей артиллерией.

У Казарского оставалось лишь одно решение, подходившее для такой ситуации. Оно требовало необыкновенной смелости и веры в мастерство своей команды. И Александр Иванович принял его. Посмотрев на наполнившиеся ветром паруса, он, не повышая голоса, скомандовал к повороту, рассчитав его таким образом, чтобы пройти под самым форштевнем 110-пушечного турецкого корабля. Матросы «Меркурия», не замечая ядер, свистевших вокруг, разбежались по реям. Подчиняясь людям, «Меркурий» стал забирать в правую сторону. Помогло еще и то, что низкая квалификация турок и неумелое управление парусами при маневрировании, привела к тому, что сперва один, а потом и другой корабль развернуло носом к ветру, что дало бригу и время, и возможность маневра.

Курс, уверенно назначенный Казарским и точно выдержанный рулевым, привел к тому, что бриг выскользнул из огненных тисков.

Турки, не сразу заметив это в дыму, продолжали еще некоторое время вести огонь. Ядра с «Селимие» в упор расстреливали «Реал-бей». А оттуда усердно палили по своему же флагману. Вопли и проклятия, раздававшиеся на турецких кораблях, достигали брига. Как ни серьезен был момент, но на палубе «Меркурия» раздался смех.

Бриг умело уходил от бортовых залпов линейных кораблей и отстреливался изо всех сил. Канониры «Меркурия» сосредоточили огонь на рангоуте и такелаже «Селимие». Одним из выстрелов нашим матросам удалось перебить такелаж, и его паруса повисли. Корабль потерял

скорость, был вынужден лечь в дрейф и прекратить бой. Но второй корабль доставил немало неприятностей бригау, целый час досаждал продольными залпами. Рано или поздно пара попаданий ядер могла бы стать критичной для русского корабля, поэтому Казарский пошел на отчаянный шаг. Он устремился прямо на вице-адмиральский корабль, на борту которого началась паника: турки предположили, что русские решили взорвать оба корабля. Риск был невероятный, потому что одного залпа из орудий большого калибра на малом расстоянии хватило бы, чтобы разнести «Меркурий» в щепки, но удача была на стороне русских моряков. Турки не успевали перезарядить свои пушки. С расстояния пистолетного выстрела бригаом было сделано два бортовых залпа, в щепки разнесших несколько рей так, что все паруса фок-мачты рухнули вниз, закрыв пушечные порты, и второй турецкий корабль потерял возможность совершать маневры, вести огонь и был вынужден прекратить погоню.

Сражаясь, противники отошли достаточно далеко от кораблей турецкой эскадры, лежащих в дрейфе, и у двух флагманов пропало желание получать большие неприятности от небольшого русского корабля. Его дерзость была им непонятна. Предположив, что на помощь могут идти основные силы русских кораблей, они приняли решение прекратить преследование брига «Меркурий», которое продолжалось уже 4,5 ч, и вернуться к своей эскадре.

Медленно уходил «Меркурий» от врага, залечивая на ходу раны. Корабль тяжело шел в военно-морскую базу в болгарском Сизополе, на встречу с основными силами Черноморской эскадры.

Внизу по-прежнему поскрипывали помпы. Непрерывно откачивали воду из пробоин в районе ватерлинии, чинили рангоут, такелаж и паруса. Судно получило 22 пробоины в корпусе, 133 — в парусах, 16 повреждений в рангоуте и 148 в такелаже. Все гребные суда были разбиты и повреждена одна карронада. В бою погибло 4 матроса, шестеро получили ранения. Казарский во время боя тоже получил ранение и контузию головы, но, несмотря на это, оставался на мостике и руководил боем.

На шпигеле перед крюйт-камерой лежал забытый заряженный пистолет. Казарский стал разглядывать его, затем взял, потом поднял руку.

Над притихшим морем прогремел выстрел в воздух. И не успело еще рассеяться сизое пороховое облачко, как раздался радостный возглас наблюдателя с марса: «Эскадра! Наши идут!»

На «Меркурии» не осталось ни одного человека внизу. Матросы выскочили на палубу. Белели повязки раненых. Под всеми парусами навстречу шла Черноморская эскадра.

На флагманском линейном корабле «Париж» адмирал Грейг не поверил, когда ему доложили, что идущий навстречу эскадре корабль это бриг «Меркурий», но когда он своими глазами увидел израненный корабль, прозвучала команда — «Большой сбор».

Бриг приближался, русские моряки эскадры, эти мужественные люди, не раз глядевшие смерти в лицо, при виде избитого маленького брига с дырами в парусах, лихо несущего Андреевский флаг, не стесняясь своей слабости, смахивали слезы из глаз. Это были слезы радости, восхищения и гордости.

«Меркурий» салютовал эскадре. Мимо Казарского и его героического экипажа в кильватерном строю проходили корабли эскадры. Гремели залпы салюта «Меркурию», гордо реяли Андреевские флаги, над морем звучало дружное «Ура»!

С флагмана передали приказание Казарскому прибыть к командующему. У «Меркурия» были перебиты все шлюпки. Идти к адмиралу было не на чем. Кроме того, форменный мундир Казарского был не в лучшем виде, особенно для визита к адмиралу, как этого требовал устав. Об этом сообщили на флагман. К «Меркурию» направили адмиральский катер. Казарский осмотрел свой мундир, перепачканный и прожженный в нескольких местах. На бортах болтались только две пуговицы. Остальные «с мясом» отлетели. А на голове по-прежнему красовалась повязка из половины шейного платка. Но переодеться уже было некогда. Адмирал Грейг, словно угадав, передал — явиться в том мундире, в котором командовал баталией. Тем временем катер подошел к «Меркурию», и Казарский спустился по штурмтрапу.

Адмиральский катер — легкая раззолоченная скорлупка — взлетал с волны на волну и с каждым взмахом весел быстро шел к парадному трапу флагмана. «Меркурий» удалялся, и Казарский оглянулся. Он знал, что разрушения на корабле большие, но не представлял себе, какие

они на самом деле. А были они очень велики. В парусах зияли огромные дыры, безжизненно болтались перебитые снасти, на бортах заплата, краска обгорела и облезла, пятна крови, засыпанные песком, разбитая карронада... По мере того как отодвигался за кормой «Меркурий», с носа вставал огромный трехдечный «Париж». Линейный корабль флагмана тяжело покачивался на волнах.

Адмирал Грейг вышел из каюты к правому парадному трапу, окинул взглядом команду, построенную на палубе, а потом стал спускаться медленно вниз, на нижнюю площадку трапа, висевшую над самой водой. И когда Казарский ловко выпрыгнул с катера и вступил на трап, над морем торжественно прогремело «ура», приветствуя героя.

Грейг пригласил Казарского в свою каюту, усадил в мягкое кресло и приготовился слушать доклад командира «Меркурия». Казарский подробно доложил Грейгу о бое. Адмирал не перебивал, только вопросы маневрирования заставлял повторять по нескольку раз.

В заключение Казарский отметил, что со стороны может показаться, что команда «Меркурия» совершила что-то сверхъестественное, но мы лишь выполнили свой долг перед Отечеством...

Прежде чем отпустить Казарского, Грейг приказал на следующий день представить рапорт обо всех славных делах экипажа во время боя, указав, что своей властью за такое геройство должным образом наградить не может и не хочет, поэтому будет докладывать по команде императору. А «Меркурий» под охраной всей эскадры пойдет в порт Сизополь.

После ухода Казарского адмирал, не выдержав, засел за донесение царю. Набрасывал черновик страшными каракулями, которые только один писарь на всей эскадре и мог разобрать. Грейг писал:

«Ныне имею счастье всеподданнейше довести сведения до Высочайшего Вашего Императорского Величества о происшествии, которому в летописях морских держав нет подобного...»

Затем стал описывать, как «20-пушечный российский бриг в продолжение многих часов сражался с достигшими его двумя огромными кораблями турецкого флота, под личной командой главных адмиралов и заставил их удалиться»...

«...Столь необыкновенное происшествие, доказывающее в чрезвычайной степени храбрость и твердость духа командира судна и всех

чиновного, обрешивших себя на смерть для спасения чести флага, ими носимого, превышает всякую обыкновенную меру награды, какую я могу назначить сим людям, и токмо благость и неограниченные щедроты Вашего Императорского Величества в состоянии вознаградить столь достойный удивления подвиг, который, подвергая всеподданнейше на благоусмотрение Ваше, Всемилостивейший Государь, подношу для себя табель о числе людей, на брига состоящих, и список офицерам оногo...»

Уже через день после знаменитого боя в рапорте на имя командующего Черноморской эскадрой командир «Меркурия» писал: «Имея честь донести Вашему Превосходительству о деяниях вверенного мне брига, я не имею ни слов, ни возможности описать жара сражения... А еще менее выразить отличную храбрость и усердие офицеров и команды, коих мужеством и расторопностью спасен российский флаг и бриг от неизбежной гибели...» Подлинник документа хранится в музее Черноморского флота.

Хотя в своем рапорте Казарский составил с присущей ему скромностью известие о небывалой победе маленького, почти безоружного брига над двумя сильнейшими турецкими кораблями, это облетело всю Россию.

Страна ликовала! В те дни газета «Одесский вестник» писала: «Подвиг сей таков, что не находится другого ему подобного в истории мореплавания; он столь удивителен, что едва можно оному поверить. Мужество, неустрашимость и самоотвержение, оказанные при сем командиром и экипажем "Меркурия", славнее тысячи побед обыкновенных».

Будущий герой обороны Севастополя контр-адмирал В.И. Истомин о моряках «Меркурия» в одном из своих писем писал: «Такого самоотвержения, такой геройской стойкости пусть ищут в других нациях со свечой...»

Победа «Меркурия» была настолько фантастична, что некоторые знатоки военно-морского искусства отказывались в это верить. Но когда факт блестящей победы официально подтвердила турецкая сторона, завистники приумолкли.

Накануне Крымской войны 1853–1856 гг. в архиве бывшего вице-канцлера Нессельроде было обнаружено и опубликовано письмо,

доставленное в Россию секретным агентом. Автором письма был штурман «Реал-бея». Часть письма была посвящена бою «Меркурия». Это письмо было опубликовано в одном из номеров журнала «Морской сборник» за 1850 год и стало достоянием российской общественности.

Вот что писал турок: «22 мая мы вышли из пролива, и к ночи, после различных эволюций, обнаружили Русский флот, состоящий из 14 судов, между которыми были шесть линейных кораблей.

Мы пошли снова к проливу, и 25-го числа взяли один 36-пушечный фрегат, который без боя спустил Андреевский флаг при нашем приближении. Капитан того фрегата оставался до вчерашнего дня на нашем судне, он украшен многими орденами и очень хорошо объясняется на итальянском языке, имя его Семен Михайлович Стройников, а фрегат называется «Рафаил».

Над неповрежденным русским кораблем взвился алый османский флаг со звездой и полумесяцем. Вскоре корабль получил новое имя «Фазли Аллах», что значит «Дарованный Аллахом». Случай с «Рафаилом» — для русского флота небывалый, а потому особенно чувствительный.

Во вторник, с рассветом, приближаясь к Босфору, мы заметили три русских корабля: два фрегата и бриг; мы погнались за ними, но только догнать могли один бриг, в три часа пополудни.

Корабль капитан-паши и наш открыли тогда сильный огонь. Дело неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться, он дрался, маневрируя со всем искусством опытного военного капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сражение, и он со славою продолжал свой путь. Бриг сей должен потерять, без сомнения, половину своей команды, потому что один раз он был от нашего корабля на пушечный выстрел, и он, конечно, еще более был поврежден, если бы капитан-паша не прекратил огня часом ранее нас и сигналом не приказал нам то же сделать. В продолжение сражения командир пленного русского фрегата говорил мне, что капитан сего брига никогда не сдастся, и если он потеряет всю надежду, то тогда взорвет бриг свой на воздух.

Ежели в великих деяниях древних и наших времен находятся подвиги храбрости, то сей поступок должен все оные помрачить, и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храме Славы:

Он называется капитан-лейтенант Казарский, а бриг — «Меркурием»; с 20-ю пушками, не более, он дрался против 220 в виду неприятельского флота, бывшего у него на ветре».

Имя Казарского было на устах у всей России. Еще вчера скромный морской офицер, не окончивший даже Морского корпуса, в один день стал национальным героем. Подвиг «Меркурия» вдохновлял художников и поэтов. Лучшие баталлисты страны Айвазовский и Чернецов описывали это событие масляными красками на многометровых полотнах. Известный поэт-партизан, герой Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов посвятил ему возвышенные строки.

Через два месяца после боя, получив известия о подвиге «Меркурия», император Николай I собственноручно подписал Высочайший указ на имя Морского министра, приведем его полностью:

«...32-го флотского экипажа 18-пушечному бригу «Меркурий», за славные подвиги с двумя неприятельскими кораблями, дарован флаг с знаменем св. великомученика и победоносца Георгия.

Мы желаем, дабы память беспримерного дела сего сохранилась до позднейших времен, вследствие сего повелеваем вам распорядиться: когда бриг сей будет приходить в неспособность продолжать более служение на море, построить по одному с ним чертежу и совершенным с ним сходством во всем другое такое же судно, наименовав его "Меркурий", приписав к тому же экипажу, на который перенести и пожалованный флаг с вымпелом; когда же и сие судно станет приходить в ветхость, заменить его новым, по тому же чертежу построенным, продолжая сие таким образом до времен позднейших.

Мы же желаем, дабы память знаменитых заслуг команды брига "Меркурий" и его никогда во флоте не исчезала, а, переходя в род на вечные времена, служила примером потомству».

Во исполнение Высочайшего указа приказом командующего Черноморским флотом было объявлено:

«В воздаяние блистательного подвига брига "Меркурий", вышедшего победителем из беспримерного боя 14 мая, им выдержанного против двух турецких кораблей, Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил: командира капитан-лейтенанта Казарского в капитаны 2-го ранга, и сверх того кавалером ордена Св. Георгия

4-го класса; лейтенантов Сварятина и Новосильского, мичмана При-тулова и поручика корпуса флотских штурманов Прокофьева следующими чинами, и первых орденами Св. Владимира 4-й степени, а Прокофьева, как предложившего мужественный совет взорвать бриг, орденом Св. Георгия 4-го класса.

Всем нижним чинам знаки отличия Военного Ордена. Всем вообще, как офицерам, так и нижним чинам, в пожизненный пенсион двойной оклад жалованья по окладу, какой они получали до настоящего времени.

Вместе с тем Его Императорское Величество соизволил отличить и сам бриг, пожалованием на оный Георгиевского флага. А дабы увековечить в роде сих офицеров памятью примерной их храбрости и мужественной решимости на очевидную погибель, Государь Император соизволил повелеть, чтобы пистолет, как оружие избранное ими для взорвания на воздух при невозможности продолжать оборону, был внесен в гербы их».

Помимо всех других наград тогда же Николай I назначил Казарского и флигель-адъютантом, то есть личным адъютантом для исполнения особо важных дел и имеющего прямой доступ к императору. Тогда же была выбита и специальная памятная медаль в честь этого достославного события.

Кораблестроительный департамент Морского министерства получил приказание изготовить для «Меркурия» Георгиевский флаг и вымпел. Заказ лично выполнял управляющий рисовальной мастерской кораблестроительного департамента подпоручик Коротков. В марте 1830 года флаг и вымпел были доставлены в Севастополь. Однако в это время а черноморском побережье свирепствовала холера. Время не подходило для церемоний. Торжественный подъем флага и вымпела состоялся только спустя несколько месяцев.

В архиве удалось разыскать описание этой церемонии.

«...2 мая 1830 года вечером на шканцах "Меркурия", сверкая эполетами и орденами, собрались высшие чины Черноморского флота и эскадры. Против адмиралов и офицеров, боясь шелохнуться, застыли в строю несколько матросов в киверах и унтер-офицеров без оружия. На изящном столике лежали флаг и вымпел, накрытые флагом второй черноморской дивизии. Начальник штаба эскадры с помощью двух

офицеров брига прикрепил полотнища к фалам. Затем их положили обратно на стол, снова накрыли флагом дивизии и унесли в каюту, приставив к ней часового.

Утро 3 мая выдалось погожее и солнечное. Легкий ветерок разгуливал над гаванью. В три шеренги у грот-мачты построились матросы брига. Лицом к флагу стоял вооруженный караул. В полной парадной форме на бриг поднялся адмирал Грейг, за ним офицеры штаба и командиры кораблей, стоявших на Севастопольском рейде. Обойдя строй и поздоровавшись с командой, Грейг приказал принести флаг и вымпел.

Раздались команды: "На плечо!" — для караула и "По реям!" — для остальной команды. Матросы в белых форменках выстроились на реях, высоко над палубой. Грейг с ассистентами понес флаг к кормовому флагштоку, а новый командир брига капитан-лейтенант Степан Стерлингов и его помощники — вымпел к грот-мачте. На фалы встали штурманские офицеры кораблей эскадры.

— Георгиевский флаг и вымпел поднять!..

Загрохотали барабаны, загремели оркестры. Заглушая все, заревели орудия «Меркурия» и остальных кораблей, находившихся в гавани и на рейде. Дым салюта стелился над морем...»

Кстати, бриг «Меркурий» после капитального ремонта еще долго служил на Черном море. Только в ноябре 1857 года поступило распоряжение «о разборке его по совершенной ветхости». Однако имя его было приказано сохранить в русском флоте с передачей соответствующему кораблю кормового Георгиевского флага.

Разумеется, выполнить с абсолютной точностью повеление Николая I строить суда по чертежам легендарного «Меркурия» на флоте не могли. Время и технический прогресс определяли новые правила и требовали современных кораблей других типов.

Поэтому новый император Александр II подписал Указ, которым уточнил распоряжение своего венценосного отца. Было решено новым кораблям, названным в честь брига «Меркурий», присваивать наименование «Память Меркурия». Такому кораблю переходили по наследству все пожалованные бригу «Меркурий» отличия, прежде всего кормовой Георгиевский флаг — редкая на флоте и очень высокая награда.

С тех пор в русском, а потом и в советском флотах все последующие корабли носили имя «Память Меркурия».

Первый корабль после «Меркурия» — корвет Черноморского флота, спущенный на воду в 1865 году, был назван «Память Меркурия». После его списания в 1883 году сошел на воду крейсер «Память Меркурия».

В 1907 году в «Память Меркурия» переименовали крейсер «Кагул». Он носил такое название до 1918 года, но потом власти Украины переименовали его в «Гетмана Ивана Мазепу». Украинцам не захотел служить почти весь экипаж корабля, который покинул его, забрав с собой Георгиевский флаг.

Уже в 1960-е годы советское командование пришло к выводу о необходимости возвращения к славным традициям русского флота.

Имя «Память Меркурия» получило малое гидрографическое судно. Его судьба была трагической. В 1990-е годы судно за неимением средств занялось коммерческими грузовыми рейсами между Крымом и Турцией и в 2001 году затонуло в 90 милях от Севастополя. В той катастрофе погибли 7 членов экипажа и 13 пассажиров.

История распорядилась так, что некоторое время в составе ВМФ России не было корабля под таким названием, что вызывало недоумение и тревогу в сердцах патриотов страны. Когда в марте 2019 года, в пятую годовщину воссоединения Крыма с Россией, на полуостров прибыл глава государства Владимир Путин, в Севастополе горожане обратились к нему с просьбой возобновить славную традицию постройки кораблей с именем «Меркурий».

Верховный главнокомандующий тогда сказал: «В этом году мы закладываем пять новых кораблей для различных флотов, в том числе для Черноморского флота. Можно один из них назвать "Меркурий"».

В дальнейшем 23 апреля 2019 года Президент Владимир Путин посетил церемонию закладки двух серийных фрегатов на заводе «Северная верфь». После закладки была произведена стыковка блоков корпуса корвета «Меркурий».

Затем в Балтийске, 13 мая 2023 года состоялась торжественная церемония приема в состав ВМФ России нового корвета «Меркурий» и подъема на нем Георгиевского Военно-морского флага.

После подъема Георгиевского флага некоторые историки высказывали свое мнение о более правильном наименовании нового корабля «Память Меркурия». Спор историков несколько затих после выхода Указа Президента Российской Федерации от 23.07.2021 № 428 «О Военно-морском флаге Российской Федерации», где в 12-й статье сказано: «В память о выдающихся подвигах российского флота кораблю, которому присвоено название «Азов» («Память Азова») или «Меркурий» («Память Меркурия»), вручается Георгиевский военно-морской флаг...»

Так кто же был этот блистательный герой Казарский?

Александр Казарский родился 16 июня 1798 года на белорусской земле в местечке Дубровно Витебской губернии в небогатой семье отставного губернского секретаря, управляющего имением князя Любомирского. Отец Саши — Иван Кузьмич Казарский, мать — Татьяна Гавриловна. Его дед Кузьма Иванович Казарский служил на Черноморском флоте в лейтенантском чине и еще в екатерининское время сражался против турок.

В семье Казарских было пятеро детей: Прасковья, Екатерина, Матрена, Александр и Иван.

Обучение грамоте Казарский получил в церковно-приходской школе. Священник Дубровненского православного прихода обучал его грамоте, а местный ксендз преподавал основы математики, латыни и французского языка.

В 1808 году к Казарским приехал двоюродный брат отца и крестный Александра надводный советник Василий Семенович Казарский, недавно назначенный на чиновничью должность в интендантском управлении Черноморского флота. Согласно Табели о рангах его чин соответствовал подполковнику. Дядя предложил определить Сашу в Черноморское штурманское училище в Николаеве.

На прощание Иван Кузьмич якобы сказал сыну: «Честное имя, Саша, — это единственное, что оставлю тебе в наследство». Много лет спустя, заполняя очередной «формулярный список о службе и достоинствах», флигель-адъютант капитан 1 ранга А.И. Казарский в графе «имеет ли за собою, за родителями или, когда женат, за женою недвижимое имение», напишет: «Не имею».

Занятия в училище проводили весьма опытные и грамотные офицеры, ранее участвующие в морских сражениях и длительных плаваниях, которые приоткрывали юношам страницы славного боевого пути русского флота.

30 августа 1813 года Александр Казарский был записан в Черноморский флот гардемаринном и уже через два года произведен в первый офицерский чин.

В кают-компании бригантин «Десна» и «Клеопатра», на которых Казарский плавал после окончания училища, хорошо помнили веселого, стройного и красивого мичмана. Надеясь найти живое дело в пограничной службе, Казарский подал рапорт о переводе на Дунайскую флотилию, после чего был назначен в Измаил командиром отряда канонерских лодок.

Перед отъездом в Измаил Казарский испросил отпуск, который провел на родине в Дубровно. Отца и младшей сестры Матрены к этому времени уже не было в живых, а сам дом разграблен. Сохранились свидетельства, что во время французской оккупации Матрена бросилась в Днепр, спасаясь от насильников. Мать Татьяна Гавриловна, похоронив мужа и дочь, уехала к своим родственникам в Малороссию. Не сложилась судьба и еще у одной сестры Казарского — Екатерины, которая вышла замуж за обманувшего ее пехотного поручика-двоеженца. Когда обман раскрылся, Екатерина с горя постриглась в монахини. Устроить свою жизнь смогла лишь старшая сестра Прасковья, которая вышла замуж за помещика средней руки и вполне счастливо жила недалеко от Орла. Посетив отеческое пепелище, Казарский уже больше никогда туда не возвращался.

Забегая вперед, скажем, что за оставшиеся 18 лет жизни Казарский так и не завел собственного дома. Его пристанищем были каюты кораблей да казенные квартиры.

Последующая служба Казарского на Дунае растянулась на пять лет. Затем была служба на фрегате «Евстафий» под командой капитана 2 ранга Ивана Скаловского. Служба под его началом оказала большое влияние на Казарского, как на боевого офицера. Иван Скаловский был личностью замечательной. История хранит подвиг бригаа

«Александр» под его командованием при поединке с несколькими французскими кораблями.

Тогда же Скаловский оказался командиром и учителем для Казарского, которому в самом скором времени предстояло повторить и превзойти подвиг командира «Александра». Зигзаги человеческих судеб порой настолько удивительны, что перед ними меркнет любая фантазия...

После фрегата «Евстафий» Казарский плавал на шхуне «Севастополь», транспортах «Ингул» и «Соперник», командовал катером «Сокол», служил на бриге «Меркурий», линейном корабле и снова на бриге «Меркурий».

А как он выглядел, Александр Казарский? Хорошо знавшая его Е. Фаренникова оставила нам такие воспоминания: «Молодой человек, невысокого роста, стройный, с темными волосами, приятным, умным, подвижным лицом. Живой собеседник, остряк, шутник и любезный со всеми, он не любил сидеть на одном месте».

А теперь заглянем в «Общий морской список», содержащий основные служебные данные на всех офицеров Российского флота. В отношении А.И. Казарского там сказано следующее:

«1811 г. Поступил на службу в Черноморский флот волонтером. Принят в штурманский класс Николаевского училища.

1813 г. Пожалован в гардемарины.

1815 г. Произведен в мичманы.

1816–1819 гг. Командовал кораблями в составе Дунайской флотилии.

1819 г. Произведен в лейтенанты.

1822 г. Командовал транспортом "Ингул".

1823 и 1824 гг. На корабле "Император Франц" крейсировал в Черном море.

1826 г. Командовал бригам "Соперник".

И вот теперь он командир «Меркурия».

Оправившись от контузии после знаменитого боя с турецкими кораблями, императором пожалованный в капитаны 2 ранга Казарский был назначен командиром 44-пушечного фрегата «Поспешный», а в начале 1830 года командиром 60-пушечного фрегата «Тенедос».

За отличие по службе Казарский был произведен в капитаны 1 ранга. Однако командовать новым кораблем ему так и не удалось.

В 1830 году вместе с князем Трубецким Казарский, как представитель русского флота, был направлен в Лондон для поздравления английского короля Вильгельма IV. Английские моряки встречали российского героя со всей торжественностью. После возвращения из Лондона Казарский по личному указу Николая I был вызван в Петербург.

В столице его фигурально «носят на руках», имя его гремит по всей России. Александр Пушкин в тот день записывает в дневнике: «Сегодня двору был представлен блистательный Казарский».

Император Николай I назначает капитана 1 ранга Казарского своим флигель-адъютантом. В 1832 году Казарский инспектирует Казанское адмиралтейство, выезжает с ревизиями в различные губернии. С каждым разом поручения императора становятся все серьезней. Николай I поручает флигель-адъютанту задачу государственной важности: Казарский выезжает на Север, где исследует возможность организации нового водного пути из Белого моря до Онеги. Он прошел весь путь по рекам и озерам, спустя столетие этот проект был реализован под названием «Беломорско-Балтийский канал».

Перед Казарским открывались широкие перспективы...

Однако к удивлению дворцовой элиты оказалось, что Александр Иванович был известен еще и тем, что не брал взяток.

В это время при Николае I в империи впервые проблема коррупции была поднята на государственный уровень, был разработан Свод законов, регулирующий ответственность за взяточничество. С присущей ему иронией Николай I относился к успехам в этой области, говоря, что в его окружении не ворует только он сам и его наследник.

Император Николай I надеялся, что миссию по поиску казнокрадов сможет выполнить неподкупный Александр Казарский.

Получив от императора весь спектр заданий и широких полномочий, царский посланник флигель-адъютант Александр Казарский буквально впрягается в новую для себя ревизорскую работу. С его подачи прошли громкие процессы, изобличающие казнокрадов в Нижнем Новгороде и Саратовской губернии.

До императора давно доходили сведения о неблагополучном положении с обеспечением Черноморского флота. На смену адмиралу А.С. Грейгу, давно потерявшему нюх на казнокрадство, в феврале 1832 года начальником штаба назначается контр-адмирал М.П. Лазарев. Черноморский флот вступал в новый этап своего развития.

Сразу после назначения Лазарев докладывал о состоянии Черноморского флота. Он писал: «... "Париж" совершенно сгнил, и надобно удивляться, как он не развалился... "Пимен" кроме гнилостей в корпусе имеет все мачты и бушприт гнилыми до такой степени, что через фок-мачту проткнули железный шомпол насквозь!.. А фрегат "Штандарт" чуть не утонул»...

Осенью 1832 года турецкий султан обратился к России с просьбой о помощи в борьбе со своим восставшим вассалом — египетским пашой. Боясь, что в результате турецкой междоусобицы англичане попытаются захватить черноморские проливы, Николай I принимает решение подготовить к походу на Босфор эскадру Черноморского флота.

Но в это время на Черноморском флоте происходили дела удивительнейшие! Только представьте себе, что император дает указание командующему флотом готовить флот к экспедиции на Босфор, а из Николаева следует раздраженный ответ: кораблей мало и сил для экспедиции у нас нет! Император приказывает: экспедицию все равно готовить, корабли чинить, средства изыскать, а руководить экспедицией лично командующему! В ответ из Николаева от Грейга: руководить не могу, так как болею.

Что делать Николаю I в ситуации, когда черноморская фронда полностью блокирует и игнорирует его решения? На черноморских адмиралов он надеяться уже никак не может. Николай прекрасно понимает, что поручи им организацию экспедиции, те преднамеренно и сознательно погубят дело, сославшись при этом на то, что они, дескать, обо всем предупреджали заранее.

Выход один — полностью отстранить от организации экспедиции местных флотских начальников и поручить все особо преданным и лично ему подчиненным людям.

Но такой человек на Черном море пока у императора был только один — контр-адмирал Лазарев. Одному ему было просто физически всюду не успеть.

И тогда срочным порядком на Черное море командирится флигель-адъютант Казарский. Он недавно с флота и знает особенности, поэтому его не обмануть. Он честен, храбр и лично предан императору, а значит, разобьется в лепешку, но выполнит его приказ.

Он, наконец, обладает хорошими организаторскими способностями, что в данной ситуации весьма немаловажно. Если Лазарев должен был сосредоточить свое внимание на подготовке кораблей и войск, а также руководстве ими, то на Казарского были возложены все тыловые и хозяйственные функции. Полномочия при этом Казарскому были даны не простые, а адмиральские! Все чины флота обязаны выполнять его распоряжения и указания, оказывать всемерное содействие. Флигель-адъютант действовал от имени императора, и любое противодействие расценивалось как измена интересам России. Казарский действует решительно.

Он сразу же отстраняет от подготовки экспедиции все местное начальство и берет всю хозяйственную власть в свои руки. Это не только пощечина Грейгу и его окружению, но и сигнал, что дни их всевластия уже сочтены.

Казарскому вменялось в обязанность организовать отправку эскадры к Босфору. Но это была лишь официальная часть задачи, кроме нее существовала еще и куда более важная — неофициальная. Бывшему командиру брига «Меркурий» Николаем I было велено: произвести доскональную проверку всех тыловых контор Черноморского флота, разобраться с коррупцией в руководстве флота и на частных верфях, вскрыть механизмы хищения денег при торговле хлебом в портах, то есть разворошить местное воровское гнездо. Эпоха Грейга подходила к своему бесславному концу, и император желал навести, в конце концов, законный порядок на Черном море.

Прибыв в Николаев, Казарский встретился с Лазаревым и получил от него конкретные указания по организации погрузки на корабли экспедиционной эскадры десантных войск и припасов.

Уже 13 марта 1833 года Казарский доносил в Главный морской штаб: «... При перевозке с берега войск и тяжестей не произошло ни малейшей потери, хотя корабли стояли в открытом море верстах в 3,5 от берега и не употреблено других гребных судов, кроме принадлежащих Черноморской эскадре».

С возложенной на него задачей капитан ранга Казарский справился блестяще. Николай I мог быть доволен своим флигель-адъютантом. Но можно только представить, какую ненависть вызвала деятельность нашего героя у местной камарильи!

20 февраля 1833 года 4 линейных корабля, 3 фрегата, корвет и бриг под командованием М.П. Лазарева покинули Севастополь и 26 февраля стали на якорь у Стамбула.

К ужасу окружения Грейга после отправки эскадры Лазарева к Босфору Казарский не покидает флот, как ожидалось, а, наоборот, принимается за генеральную ревизию тыловых контор и складов в черно-морских портах.

Вначале он работает в Одессе, где вскоре вскрывает ряд крупнейших хищений и недостач.

Казарский доносил императору: «... С 1830-го по 1833 год ни один корабль ЧФ не выходил в море. Все текущие ремонты на кораблях были, по сути, откровенно, в наглую запрещены обер-интендантом флота. А учебный процесс сократился до одного месяца в году.

На все требования исправления положения и назревшем реформировании, исходящие от начальника штаба ЧФ контр-адмирала М.П. Лазарева, из канцелярии командующего флотом адмирала Грейга поступали отказы...»

Тем временем Казарский завершает ревизию Одесского порта. Масштабы размеров вскрытых хищений потрясают. Казарский выявил в Одессе разветвленный подпольный тыловой флотский синдикат, жирующий на вывозе за границу российского хлеба.

Дело в том, что командующий флотом в то время одновременно являлся и главным начальником черноморских портов. Ему подчинялись все порты, в том числе и торговые Черного и Азовского морей со всеми службами, причалами, складами, таможней, карантинной, торговыми

судами. Именно через эти порты шел в то время основной грузооборот внешней торговли, и прежде всего ее главной составляющей — пшеницы. В 1836 году чистый доход одесского бюджета превышал валовую выручку всех российских городов, за исключением Петербурга и Москвы. Одессе был дарован в 1817 году режим «порто-франко» (свободного порта). Режим беспошлинной торговли способствовал быстрому превращению Одессы в центр внешней торговли.

После Одессы Казарский переезжает в Николаев, чтобы разобраться с состоянием дел в центральных управлениях Черноморского флота.

Допустить полный разгром, подобный одесскому, черноморские финансовые воротилы не могли, было решено попытаться тупо купить честнейшего флигель-адъютанта, но он не брал взяток — последовало полнейшее фиаско. И тогда у флотской «мафии» созрел злодейский план физического уничтожения А.И. Казарского.

Знал ли Казарский о готовящейся для него смертельной ловушке? Думается, что да, знал. Об этом, вероятнее всего, позаботился его вернейший боевой товарищ, бывший командир 3-й вахты на бриге «Меркурий», флотский штурман Петр Прокофьев, который в 1833 году заведовал Севастопольским телеграфом и имел возможность соединить воедино все конфиденциальные телеграфные сообщения участников заговора с тем, чтобы четко сложить два плюс два...

Но отважный Казарский, как и «Меркурий», ощутив себя вновь на боевой вахте против превосходящих сил противника в лице черноморских «олигархов», не поддался ни меркантильному искусу, ни страху, несмотря на предупреждение Прокофьева.

Как хороший тактик, Казарский предполагал покушение и поэтому был осторожен, даже хозяйку пансиона, где он остановился, заставлял пробовать блюда, ему подаваемые. На приемах же у «гостеприимных» чиновников города старался ничего не есть и не пить. Но когда одна из местных светских львиц из собственных рук поднесла чашку кофе, аристократ духа, морской офицер не смог отказать красивой даме...

Его кончина была ужасной, со всеми признаками отравления огромной дозой мышьяка. Причем злодеяние роковым образом свершилось 16 июня 1833 года — в день рождения Казарского. Последние слова,

по показаниям его денщика, были: «Бог меня спасал в больших опасностях, а теперь убили вот где, неизвестно за что».

К чести Николая I он предпринял все возможные усилия, чтобы разобраться с таинственной смертью своего флигель-адъютанта. Расследование он поручил шефу корпуса жандармов генералу Бенкендорфу. Однако следствие ничего не открыло. Впоследствии из Петербурга прибыла комиссия, труп Казарского эксгумировали, внутренности извлекли, увезли в столицу, но повторное следствие также ничего не открыло. Расследование загадочных обстоятельств смерти безуспешно велось несколько лет.

Одним словом, не от оружия противника, а от яда из рук соотечественников погиб герой русского флота.

Похоронили Александра Ивановича Казарского в Николаеве, на городском кладбище у церкви Всех Святых. Проект памятника на могиле А.И. Казарского был разработан архитектором А.А. Авдеевым. Он сделан из черного полированного гранита в виде вертикальной плиты высотой около 3 м. На лицевой стороне, обращенной к церкви, сверху на круглом медальоне, окруженном лавровым венком, выгравирована дата боя брига «Меркурий»: «14 мая 1829 г.» Внизу на пьедестале под стеклом — рельефное изображение брига "Меркурий", идущего под всеми парусами. Посредине лаконичная надпись бронзовыми буквами: «Казарский». На противоположной стороне памятника сверху — рельефный бронзовый медальон с портретом Казарского, окруженный лавровым венком. Внизу — бронзовый герб Казарского в виде брига и пистолета.

Там же находятся могилы штурмана Прокофьева и некоторых матросов брига «Меркурий», завещавших похоронить их после смерти рядом со своим командиром.

В Севастополе по инициативе командующего Черноморским флотом адмирала М.П. Лазарева на центральном городском холме воздвигли памятник в честь подвига брига «Меркурий». Памятник создавался по проекту Александра Павловича Брюллова, был заложен в 1834 году к пятилетию боя и открыт в 1839-м. Деньги на его установку были собраны моряками Российского флота. На постаменте лаконичная надпись:

«Казарскому. Потомству в пример». Легенда гласит, что автором этой надписи является сам Николай I...

А что, если бы... капитан 1 ранга А. Казарский все-таки довел свое праведное дело до конца и на флоте произошла бы грандиозная зачистка и в нужном темпе стали бы осуществляться реформы?

Можно сегодня не сомневаться, что вскрытые спустя 22 года вопиющие «тыловые» факторы позора проигранной войны куда менее болезненно сказались бы на подготовке России к неизбежно надвигающейся Крымской кампании 1853–1856 годов.

А.И. Мандрька

УВЕКОВЕЧЕНИЕ ПАМЯТИ ВЫДАЮЩИХСЯ АДМИРАЛОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА В ШКОЛЬНЫХ МОРСКИХ МУЗЕЯХ ГОРОДА НОВОРОССИЙСКА

В статье раскрывается история создания и развития музея адмирала М.П. Лазарева МБОУ СОШ № 12 и музея адмиралов Черноморского флота МАОУ СОШ № 34 города Новороссийска. Для увековечивания памяти выдающихся адмиралов Черноморского флота в школьных морских музеях Новороссийска разработаны гербы с их описанием и идеологией. Раскрываются основные направления совместной работы педагогов, обучающихся, родительской общественности и партнеров в новороссийских школьных музеях морской направленности. Отмечается эффективная система музейных событий, состоящая из экскурсий, выставок, выездных выставок, заседаний Клуба интересных встреч, участия в музейных конкурсах, Лазаревских чтений и др. О работе школьных морских музеев Новороссийска в различных изданиях опубликованы статьи и очерки. Отмечается, что в школьных морских музеях Новороссийска увековечивается память выдающихся адмиралов Черноморского флота.

Одной из форм увековечения памяти выдающихся деятелей отечественной истории является создание музеев, произведений искусства и литературы, публикации о выдающихся личностях, которые внесли большой вклад в развитие России.

Постановлением администрации муниципального образования город Новороссийск № 1050 от 11 февраля 2014 года средней общеобразовательной школе № 12 было присвоено имя адмирала Михаила Петровича Лазарева.

Михаил Петрович Лазарев — мореплаватель, флотоводец, один из первооткрывателей Антарктиды, главный командир Черноморского флота в XIX веке, один из основателей Новороссийска.

21 июня 2019 года на заседании педагогического совета новороссийской средней общеобразовательной школы № 12 (директор Балы-

шева С.В.) педагог Александр Ильич Мандрыка предложил создать школьный музей адмирала Михаила Петровича Лазарева. Было принято положительное решение о создании школьного музея выдающегося адмирала.

Большой вклад в его создание внесли вице-адмирал Евгений Васильевич Орлов и председатель Новороссийского Морского собрания капитан 1 ранга Валерий Борисович Филиппов.

Для музея было выделено помещение. Началась работа над созданием музейных фондов. Были заключены соглашения о сотрудничестве и взаимодействии с Краснодарской краевой общественной организацией «Новороссийское Морское собрание», новороссийским местным отделением Краснодарского регионального отделения Русского географического общества (председатель Камбарова Е.А.), Новороссийским городским историческим обществом (председатель Новиков С.Г.).

Геральдмастер Заяц Вадим Николаевич создал герб и вымпел музея адмирала М.П. Лазарева.

Описание герба.

Медальон с портретом М. П. Лазарева в золоченой овальной раме с его инициалами на золоченой ленте на фоне лавровой и дубовой ветвей, окаймленный по верхней кромке лазоревой девизной лентой с золоченой надписью: «Средняя образовательная школа № 12», расположен на арматуре из скрещенных гусиных перьев белого металла в андреевский крест на фоне серебряного адмиралтейского флага, на перекладине которого родовой девиз адмирала Лазарева «Disce pati» (учись терпеть. — Ред.). Увенчана арматура золоченым навершием горящего факела с гербом Новороссийска поверх чаши факела.

Идеология герба.

Портрет выдающегося флотоводца адмирала М. П. Лазарева, чье имя носит школа, указывает на высокое покровительство. Факел в навершии символ света — знаний. «Ученье — свет, а неученье — тьма». Гусиные перья серебряного металла — символ старания и прилежания в учебе. Якорь — символ надежды возвращения домой из дальних походов. Кроме этого, на кораблях священники часто использовали перекрестие якоря как «крест». Молились на перекрестие. В нашем

случае он еще олицетворяет символ ВЕРЫ. Герб города указывает на территориальное покровительство.

Музей адмирала М.П. Лазарева МБОУ СОШ № 12 г. Новороссийска был открыт 1 сентября 2019 года, официально зарегистрирован в Федеральном центре детско-юношеского туризма и краеведения (Свидетельство № 19734 от 19 декабря 2019 года) и внесен в реестр школьных музеев Российской Федерации.

В музее М.П. Лазарева МБОУ СОШ № 12 активно ведется работа над исследовательскими проектами: «Детские годы М.П. Лазарева», «В Морском кадетском корпусе», «М. П. Лазарев — участник Отечественной войны 1812 года», «Первое кругосветное плавание на корабле "Суворов"», «Второе кругосветное плавание Михаила Петровича Лазарева на шлюпе "Мирный". Открытие Антарктиды», «Третье кругосветное плавание на фрегате "Крейсер"», «М.П. Лазарев — командир корабля "Азов"», «Герой Наваринского сражения», «М.П. Лазарев — начальник штаба Черноморского флота и портов, начальник Черноморского флота и портов», «Лазаревский Севастополь», «Михаил Петрович Лазарев — один из основателей Новороссийска», «Лазаревская школа», «Братья Лазаревы — адмиралы», «Семья М.П. Лазарева», «Награды М.П. Лазарева», «Увековечение памяти М.П. Лазарева в географических объектах», «М.П. Лазарев в филателии, живописи и нумизматике», «Экспозиции музеев России, посвященные великому мореплавателю и флотоводцу», «Карта морских походов М.П. Лазарева», «Лазаревский маяк», «Морской календарь», «Форма обмундирования и знаки различия на Военно-морском флоте XIX века», «Литература о М.П. Лазареве».

Успешно реализован совместный проект музея адмирала М.П. Лазарева и Новороссийского Морского собрания «Кругосветное путешествие вымпела музея адмирала М.П. Лазарева в Антарктиду». Школьники отслеживали путь вымпела музея на ОИС «Адмирал Владимирский» с декабря 2019 года по июнь 2020 года по маршруту: Новороссийск — Кронштадт — Лиссабон — Рио-де-Жанейро — Монтевидео — Антарктида — Кронштадт — Новороссийск.

Музей адмирала М.П. Лазарева пополнился пробами воды из Балтийского и Северного морей, Атлантического и Индийского океанов,

морей Беллинсгаузена, Скоша, Уэдделла. Проект «Путь выпела музея адмирала М.П. Лазарева школы № 12 города Новороссийска в Антарктиду» был представлен не только на Лазаревских чтениях, ежегодно проводимых на базе школьного музея, но и на Ушаковских чтениях в Государственном морском университете имени адмирала Ф.Ф. Ушакова.

3 сентября 2021 года в новороссийской средней общеобразовательной школе № 34 (директор Спичакова А.А.) по инициативе члена Новороссийского Морского собрания А.И. Мандрыки открыт музей адмиралов Черноморского флота.

Данная школа расположена в 13-м микрорайоне города, который носит имя Адмирала Флота Советского Союза, дважды Героя Советского Союза С.Г. Горшкова. С 1942 года он был заместителем командующего Новороссийского оборонительного района по морской части — членом Военного совета, участником Новороссийской оборонительной операции. На улице Видова в 2002 году С.Г. Горшкову был открыт бюст (скульптор С.А. Чиж). С Новороссийском также связаны имена многих прославленных адмиралов — М.П. Лазарева, П.С. Нахимова, Л.М. Серебрякова, И.С. Исакова и других. Поэтому в Новороссийске для открытия нового музея морской направленности существовали объективные предпосылки.

Большой вклад в его создание внесли вице-адмирал Евгений Васильевич Орлов, председатель Новороссийского Морского собрания и капитан 1 ранга Валерий Борисович Филиппов.

Музей адмиралов Черноморского флота МАОУ СОШ № 34 муниципального образования город Новороссийск 19 июля 2022 года официально зарегистрирован в ФГБОУ ДО «Федеральный центр детского и юношеского туризма и краеведения» (Свидетельство № 21083) и внесен в реестр школьных музеев Российской Федерации.

Созданы основные музейные экспозиции: «Черноморский флот в составе Российского флота», «Адмиралы Черноморского флота Российского императорского флота», «Адмиралы Черноморского флота ВМФ СССР», «Адмиралы Черноморского флота ВМФ Российской Федерации», «Адмиралы Новороссийской военно-морской базы Черноморского флота», «Отечество. Флот. Море».

Геральдмастер Заяц В.Н. создал герб музея.

Описание герба.

Черный овальный щит с золотой каймой, с тремя адмиральскими погонями (адмирал ВМФ СССР, адмирал флота Российской империи, адмирал ВМФ Российской Федерации), расположенными строилом вниз и увенчанные императорским вензелем Екатерины II, возложен на лазурный Андреевский крест со скрещенными по нему морским офицерским кортиком и подзорной трубой приборных цветов, в ореоле золоченого лаврового венка и покоится на адмиральском якоря серебряного металла. Под щитом золоченая книга с надписью: «МАОУ СОШ № 34». Во главе морская корона с тремя античными парусниками. На перекрестии якоря под короной и над адмиральским щитом расположен герб г. Новороссийска. Под арматурой, очерчивая обводы лап якоря, лазоревая девизная лента с надписью: «МУЗЕЙ АДМИРАЛОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА».

Идеология герба.

Три адмиральских погона на черном поле щита, увенчанные вензелем Екатерины II, символизируют преемственность военно-морских традиций русского флота, его славы и величайших побед. Андреевский крест с офицерским кортиком и подзорной трубой в ореоле лаврового венка поверх серебряного адмиральского якоря — объединяющий символ достойных дел русских адмиралов всех периодов нашей истории. Морская корона с античными парусниками указывает на древность преемственности наших военных флотских традиций в Черном море, которые подтвердил и укрепил своим подвигом капитан Казарский. Книга с надписью: «МАОУ СОШ № 34» указывает на принадлежность герба к данной школе. Лазоревая девизная лента с надписью: «МУЗЕЙ АДМИРАЛОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА» конкретизирует причастность герба к музею данной школы. Герб Новороссийска указывает местонахождение школьного музея.

Основными направлениями совместной работы педагогов, обучающихся, родительской общественности и партнеров в новороссийских школьных музеях морской направленности являются:

— изучение жизнедеятельности адмиралов Черноморского флота, в том числе путем проведения краеведческих исследовательских походов, экспедиций;

— научно-фондовая работа (комплектование, учет, научное описание, хранение музейных предметов и коллекций);

— экспозиционно-выставочная деятельность (организация мероприятий на основной экспозиции, подготовка и проведение внутри-музейных и выездных выставок);

— научно-методическая работа — осуществление методической помощи педагогическим работникам в подготовке и проведении образовательных мероприятий (подбор музейных предметов и т. д.);

— научно-исследовательская работа по изучению музейных предметов и коллекций, находящихся в музеях, архивах и т. д.;

— просветительная работа среди обучающихся и иных граждан;

— культурно-массовая работа, информационная деятельность;

— сотрудничество и взаимодействие с партнерами.

Создана эффективная система музейных событий, предусматривающая проведение экскурсий, выставок, выездных выставок. Например, уникальные выездные выставки, которые посетили гости из разных уголков Российской Федерации: «Адмирал Михаил Петрович Лазарев — первооткрыватель Антарктиды и основатель Новороссийска» и «Адмирал Серебряков — основатель города и порта» на корабле боевой славы «Михаил Кутузов» — филиале Центрального военноморского музея имени императора Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации; выездная выставка фронтового художника П.Я. Кирпичева «Возьми себе в пример героев-малоземельцев» у Поезда Победы на железнодорожном вокзале Новороссийска; заседания Клуба интересных встреч; участие в музейных конкурсах; Лазаревские чтения и др.

О работе школьных морских музеев города Новороссийска в различных изданиях опубликованы статьи и очерки [2–16].

Таким образом, в школьных морских музеях города Новороссийска достойно увековечивается память выдающихся адмиралов Черноморского флота.

Литература

1. Мандрыка А.И. Памяти флотоводца достойны // Педагогический вестник Кубани. 2019. № 3. С. 50–51.

2. Мандрыка А.И. Музей открыт для каждого // Педагогический вестник Кубани. 2020. № 1. С. 48–49.

3. Мандрыка А.И. О сильных и смелых // Педагогический вестник Кубани. 2021. № 4. С. 41–42.

4. Мандрыка А.И. Музей воспитывает // Педагогический вестник Кубани. 2023. № 3. С. 57–59.

5. Мандрыка А.И., Мандрыка Н.Г. Использование потенциала музейной педагогики в современном краеведческом образовании // Кубанская школа. 2021. № 2. С. 64–67.

6. Мандрыка А.И. Патриотическое воспитание юных граждан путем создания и развития музея адмирала М.П. Лазарева // Сборник статей и методических материалов Всероссийской практической конференции по музейной педагогике «Роль школьного музея в системе патриотического воспитания детей» — ВДЦ «Орленок», Туапсе: ООО «Туапсинская типография», 2021. С. 185–186.

7. Меланин В.Г. Первый моряк своего времени // Морские вести России. 2019. № 17.

8. Меланин В.Г. Миссия выполнена. Кругосветное путешествие вымпела новороссийского музея адмирала М.П. Лазарева // Морские вести России. 2020. № 11. С. 17.

9. Меланин В.Г. В музее великого флотоводца // Морские вести России. 2020. № 18. С. 2.

10. Меланин В.Г. Патриотами не рождаются. Их растят // Журнал «Виктория». 2022. № 1. С. 44–46.

11. Лапин Е. Первый музей Лазарева откроется в нашем городе // Новороссийский рабочий. 2019. 20 августа.

12. Лапин Е. Земля с Родины основателя Новороссийска // Новороссийский рабочий. 2019. 30 ноября.

13. Лапин Е. На музейную полку — из кругосветки // Новороссийский рабочий. 2020. 9 июля.

14. Лапин Е. От Антарктиды к берегам Цемесской бухты // Новороссийский рабочий. 2020. 5 декабря.
15. Лапин Е. Адмиралы встретятся в школьном музее // Новороссийский рабочий. 2021. 24 июля.
16. Лапин Е. На встречу к адмиралам // Новороссийский рабочий. 2021. 16 сентября

О.И. Вербовой

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА В РАЙОНЕ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ

Режим черноморских проливов на протяжении нескольких столетий был предметом межгосударственных переговоров и неоднократно подвергался изменениям. После завоевания османами Константинополя (1453 г.), а затем и всего Черноморского побережья России пришлось приложить большие усилия, чтобы, преодолев сопротивление Турции, добиться открытия Черного моря и проливов сначала для своих торговых, а затем и военных судов.

В 1774 г. был заключен Кючук-Кайнарджийский договор, в соответствии с которым русские торговые суда приобрели право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы. Затем в 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор, который не регулировал военное судоходство в проливах, однако утверждал свободу торгового мореплавания в них.

Ункяр-Искелесийским договором от 8 июля 1833 г. о мире, дружбе и оборонительном союзе между Россией и Турцией императорское правительство снова добилось подписания 15 июля 1840 г. в Лондоне конвенции, которая закрыла проход иностранным военным кораблям через проливы. В конвенции содержалась ссылка на якобы всегда существовавшее «древнее правило Османской империи» о запрещении прохода каких бы то ни было иностранных военных судов через Босфор и Дарданеллы. В следующем году, когда Франция вновь вошла в европейский концерт, Лондонская конвенция, подписанная 1 (14) июля 1841 г., становится конвенцией о проливах. Согласно статье 1 «султан, с одной стороны, объявляет, что он имеет твердое намерение на будущее время соблюдать начало непреложно установленное, как древнее правило его империи, и в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав входить в проливы Дарданеллы и Босфор, и пока Порты находится в мире, его Султанское Величество не допустит ни одного военного иностранного судна в сказанные проливы». Следует отметить, что точный смысл статьи 2 Лондонской конвенции 1841 г. свидетельствует о том, что международная регламен-

тация военного судоходства по Босфору и Дарданеллам была основана на коллективном обязательстве всех договаривающихся держав в отношении друг к другу, а не только к Турции и что эта регламентация отнюдь не связывалась с односторонним обязательством каждой из них в отношении только Турции. По Парижскому трактату от 18 (31) марта 1856 г. Черное море стало европейским морем, подчиненным специальному режиму конвенций, гарантированных державами. К Парижскому мирному договору 1856 г. прилагалось постановление о так называемой «нейтрализации» Черного моря, которое накладывало на Россию тяжелые обязательства — запрещало ей принимать какие-либо меры для защиты своего черноморского побережья и ограничивало количество военных судов для России и Турции.

Укрепление международного положения России позволило ей 18 (31) октября 1870 г. отменить ущемлявшие ее суверенитет положения Парижского мирного договора 1856 г. о нейтрализации Черного моря. Лондонская конвенция 1871 г. отменила установленную ранее «нейтрализацию» Черного моря. Россия и Турция получили право держать на Черном море неограниченное количество военных судов. Таким образом, были полностью восстановлены суверенные права России на море, что свидетельствовало о крупном успехе российской дипломатии. Однако оставался в силе установленный Лондонской конвенцией 1841 г. и Парижским мирным договором 1856 г. принцип закрытия черноморских проливов для военных кораблей других государств. При этом Конвенция 1871 г. внесла в него дополнение, предоставлявшее султану право открывать проливы в мирное время для военных кораблей «дружественных и союзных держав», если в Стамбуле будут считать это необходимым для обеспечения выполнения положений Парижского трактата 1856 г. Это дополнительное постановление было направлено непосредственно против России.

Берлинский конгресс 1878 г. внес серьезные изменения в систему международных отношений на Балканах, однако вопрос о статусе черноморских проливов не был пересмотрен. Берлинский трактат 1878 г. был невыгоден для России, но все же он не исключал возможности занятия Босфора, которое с открытием проливов становилось ненужным.

На протяжении XVIII–XIX вв. и в начале XX в. судьба Босфора и Дарданелл являлась составной частью международного Восточного вопроса, в котором были заинтересованы в большей или меньшей мере все великие европейские державы. Из нечерноморских стран особую активность здесь проявляли Англия и Франция, а позднее и Германия. В конце XIX в. образовались новые прибрежные государства — Румыния и Болгария, интересы которых также следовало принимать во внимание.

Режим черноморских проливов к началу XX в. был для России одним из самых сложных и острых вопросов. Проблема Босфора и Дарданелл снова встала перед Россией во время ее войны с Японией. В период Русско-японской войны Черноморский флот не смог прийти на помощь 2-й Тихоокеанской эскадре Рожественского, потому что Англия, находившаяся в союзе с Японией, блокировала его проход через проливы. После поражения царизма в Русско-японской войне и Первой русской революции большое значение отводилось политической стороне вопроса — задачам обороны черноморского побережья и усилению военной и морской мощи страны. Следовало учитывать, что для экономического развития Юга России необходимо было иметь выход к Средиземному морю. Западные же державы были заинтересованы в открытии проливов для военных и торговых флотов всех государств, и приходилось учитывать интересы Турции, которая искала поддержки в жизненно важном для нее вопросе о проливах у европейских держав. Османскую империю вполне устраивало закрытие проливов для военных кораблей иностранных государств, что давало ей известную безопасность и возможность контролировать морские перевозки. Действовавшие в это время постановления о проливах создавали трудные условия для русского флота. Когда Турция была в состоянии войны с любой державой, проливы не закрывались и, следовательно, в случае возможной русско-турецкой войны флоты союзных Турции держав могли, как и в Крымскую войну, войти в Черное море. Когда Турция пребывала в мире, Балтийский и Черноморский флоты были между собой разобщены, кроме того, последний фактически был заперт в Черном море, и Россия не могла им воспользо-

ваться на других морях. Добиться благоприятного изменения режима проливов России было весьма трудно, так как противниками данной перемены выступали не только державы Тройственного союза, но и страны Тройственного соглашения. Тем не менее закрытие проливов для военных кораблей всех держав, несмотря на свои негативные стороны в тот момент и на ближайшее время являлось для России все же более приемлемым. Это подтвердилось во время Боснийского кризиса, итало-турецкой войны, Балканских войн и конфликта, связанного с германской военной миссией Лимана фон Сандерса в Константинополе. Начиная с 1907 г., когда еще велась подготовка к заключению русско-английского соглашения по колониальным проблемам прежде всего Среднего Востока, Британия предлагала России открыть проливы для военных кораблей всех стран. Это же предложение она повторяла во время Боснийского кризиса и во время Первой Балканской войны. Нейтрализация проливов сулила России немалые внешнеполитические затруднения в будущем. Даже мелкие государства, такие как Румыния и Болгария, могли обзавестись военными флотами в Черном море, что в перспективе создало бы для России известные трудности. Великие державы, как, например, Англия или Германия, воспользовались бы правом свободного плавания через проливы для укрепления своих позиций в регионе. Для Англии это служило бы противовесом русскому влиянию в Персии, для Германии средством для продвижения на юго-восток, для охраны Багдадской железной дороги и т. д. В конце XIX — начале XX в. российским Генеральным штабом и Морским министерством возбуждался вопрос о занятии Верхнего Босфора и Черного моря в ответ на возможное появление в Дарданеллах и Стамбуле международной эскадры или занятие турецкой столицы иностранными войсками с суши. Но от столь радикальных планов каждый раз приходилось отказываться из-за слабости Черноморского флота, который не располагал необходимыми транспортными средствами для переброски десантного отряда в проливы, а по численности и мощи уступал флотам других держав, которые выступали против такой операции. Европейские державы, у которых были свои интересы на Ближнем Востоке, не собирались допускать утверждения России в Дарданеллах. В российском Генеральном штабе считали,

что главнейшая политическая и военная задача, практически еще осуществимая, мыслимая при деятельном участии Черноморского флота, — это занятие Босфора. Коренное национальное решение вопроса о проливах — это занятие нами не только Босфора, но и Дарданелл. Однако необходимо слишком счастливое стечение обстоятельств, чтобы явилась возможность такого решения в ближайшем будущем. Но, если занятие Дарданелл в ближайшем будущем трудно осуществимо, надлежало думать о владычестве на Босфоре. Большим успехом С.Д. Сазонова как дипломата является соглашение с Англией и Францией от 1915 г. (времени Первой мировой войны) о том, что после победоносного завершения мировой войны черноморские проливы и Константинополь перейдут к России. Переговоры с английским и французским послами по столь животрепещущему для страны вопросу Сазонов предпринял, по его словам, под свою личную ответственность, не испросив заранее разрешения царя и не посвятив в свои намерения кого-либо из членов правительства России. Сазонову пришлось мобилизовать все свое дипломатическое искусство, использовать сложившуюся военно-политическую конъюнктуру, затруднения союзников на Западном фронте, чтобы заставить их подписать соответствующее соглашение.

Однако Советская Россия не стала принимать участие в разделе Турции, отказавшись от захватнических целей царского режима. В начале ноября 1918 г., тотчас после подписания Мудросского перемирия, британский военно-морской флот вошел в Дарданеллы, Мраморное море и Босфор, а в 1920 г. державы Антанты во главе с Великобританией оккупировали Стамбул и ряд других районов Турции. Используя контроль над проливами, Антанта осуществляла вооруженную интервенцию и против Советской России.

Согласно Севрскому мирному договору 1920 г., подписанному Турцией и Антантой, вопрос о проливах разрешался в пользу империалистических держав. Было объявлено о демилитаризации проливов. Они открывались для военных судов всех государств и передавались под управление международной комиссии во главе с представителями Антанты, которая получала право содержать здесь свои войска, полицию, иметь свой флаг и бюджет.

Затем был заключен ряд договоров. Подписание Московского договора от 16 марта 1921 г. между РСФСР и Турцией способствовало, в частности, тому, что Турции удалось добиться отмены Севрского договора 1920 г.

Лозаннская конвенция 1923 г. установила режим в проливах, лишь незначительно отличавшийся от принятого в Севре. Проливы демилитаризовались и объявлялись открытыми для прохода любых военных судов. Подобный режим ставил черноморские государства под угрозу агрессии. В связи с этим СССР от участия в Лозаннской конвенции отказался.

На состоявшейся 22 июня — 21 июля 1936 г. конференции в Монтрё, в которой участвовали представители СССР, Великобритании, Франции, Турции, Болгарии, Греции и других стран, была принята новая конвенция о режиме черноморских проливов. В ходе ее выработки СССР добивался принятия такого статуса проливов, который обеспечивал бы безопасность границ СССР и других черноморских стран. С противоположных позиций выступила британская делегация, ратовавшая за неограниченный допуск любых кораблей в Черном море и «равенство» всех держав в отношении прохода их военных судов через Босфор и Дарданеллы. 20 июля 1936 г. была подписана Конвенция о режиме проливов, заменившая Лозаннскую конвенцию 1923 г. Конвенция 1936 г. (вступила в силу 9 ноября) является действующим и поныне международным договором, актом, определяющим современный правовой режим Черноморских проливов. В преамбуле указывается, что под определение «проливы», содержащееся в конвенции, попадают Дарданеллы, Мраморное море и Босфор. Режим черноморских проливов устанавливается конвенцией с целью обеспечения свободы судоходства «в рамках безопасности Турции и безопасности в Черном море прибрежных государств». Конвенция провозглашает «принцип права свободы прохода и мореплавания в проливах» без ограничения срока действия и соответствующей регламентацией прохода торговых и военных судов.

В случае участия Турции в войне ей предоставляется право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов во время войны, в которой Турция не участвует, проливы должны

быть закрыты для прохода военных судов любой воюющей державы. Турецкое правительство вправе ввести это положение в действие и в том случае, если решит, что Турция находится под непосредственной угрозой войны.

Ф.И. Тонковидов

РОССИЙСКОЕ КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

После победоносного шествия русской армии по Западной Европе в 1812–1814 годах Российская империя, став, как считали некоторые европейские политики и ученые, «жандармом Европы», сместила фокус внимания в сторону Балкан и черноморских проливов. Император Александр I, не веривший в необходимость наличия сильного военного флота на Юге России, не придавал большого значения обеспечению черноморского бассейна современными военными судами.

В течение своего тридцатилетнего царствования император Николай Павлович постоянно заботился о поддержании флота на должной высоте. Однако все меры, принимаемые им, показывают, что он никогда не думал о создании военно-морской силы, способной успешно бороться с соединенными флотами двух могущественных держав в Европе.

Черноморский флот в 1829 году состоял из 245 судов, в числе которых были 17 линейных кораблей, 4 фрегата, 4 парохода, 98 гребных судов, а также разные малые парусные суда. К началу 1853 года флот вместе с Дунайской флотилией состоял из 178 судов с 2572 орудиями, могущих выступить в море, и 13 судов с 328 орудиями, старых и timberовавшихся. В общем числе судов было 14 линейных кораблей с 1410 орудиями, 7 парусных фрегатов с 376 орудиями, 7 пароходо-фрегатов с 45 орудиями, 21 малый пароход с 78 орудиями и прочие мелкие суда. Сверх того, для Черноморского флота строилось 2 корабля и 2 винтовых корвета, для которых механизмы были заказаны в Англии.

Цифры показывают неоспоримый факт: Николай Павлович, несмотря на очевидно дряхлеющий образ Османской империи, серьезно относился к соседу, ведь, как показала история, турки обладали сильной военной мощью, которую следовало бы опасаться. Пройдя глубокую реорганизацию армии по подобию европейских стран, османы стали по-настоящему грозным соседом. Рассматривая геополитическое положение, можно сказать, что хранитель Босфора стал некой базой для Англии и Франции, базой для дальнейшего подавления

страны, которая прогнала Наполеона через половину Европы. Конечно, это не могло не беспокоить российского императора.

Для всестороннего понимания ситуации, сложившейся на Черноморском флоте, следует подробнее ознакомиться с характером кораблестроения на берегах Черного моря. Сложилось так, что судостроение на Черном и Балтийском морях имело очень мало схожего. Дело в том, что все корабли на Балтике строились на государственных верфях и стоили относительно недорого, следовательно, не сильно обременяли бюджет страны. На Черном море же, напротив, практически все судостроение было в руках еврейских предпринимателей, которые строили корабли и суда на стапелях своих верфей за баснословные деньги, «присасываясь» к государственному бюджету. До правления Николая Павловича все попытки наладить дела кораблестроения на Черном море оборачивались крахом. Все потому, что черноморские частные верфи курировал адмирал А.С. Грейг, который мало того, что был вхож в круги черноморских купцов, так еще по заявлениям современников имел немалые проценты со всех полученных местными верфями заказов.

Будем объективны: в первый период своего руководства Черноморским флотом Грейг весьма деятельно и результативно занимался вопросами кораблестроения. Имея прекрасную практическую и теоретическую подготовку в области кораблестроения (в свое время Грейг несколько лет стажировался не только в английском флоте, но и на английских верфях), он знал все недостатки отечественного судостроения. И главное — имел готовые тактические и стратегические планы инноваций. По примеру английского кораблестроения подводная часть строящихся на черноморских верфях кораблей и судов стала в обязательном порядке обшиваться медными листами. Это было дорого, но зато защищало древесину от гниения, а корпус от обрастания, и, следовательно, продлевало службу кораблей и судов. Воплотил адмирал Грейг в жизнь и ряд иных технических изменений, сделавших корабли более маневренными и подвижными. Грейг провел тщательный аудит казенных закупок. Разорвал контракт на поставку вооружения (пушек различного калибра) с Луганским заводом, «славившимся» бракованными изделиями. В Севастополе была построена специальная

мануфактурная фабрика, поставляющая флоту достаточно качественную парусину. Однако затем, когда адмирала взяли в оборот жена Лея и ее окружение, все пошло совершенно иначе.

Помимо всего прочего, являясь на основании высочайшего указа 1825 года членом правительственного Комитета образования флота, Грейг в открытую лоббировал интересы Черноморского флота уже во всероссийском масштабе. На первый взгляд в этом не было ничего особенного: каждый командующий лоббирует интересы своих подчиненных. Однако дело было в том, что Грейг начал навязчиво продвигать на балтийские верфи своих одесских и николаевских подрядчиков. Многого в этом деле ему достичь не удалось — петербургские и архангельские купцы были и «сами с усами». Атака черноморской «мафии» была отбита, но, как говорят, осадок остался.

Согласно утвержденным в 1826 году императором Николаем I планам Черноморский флот в скором будущем должен был представлять внушительную силу — пятнадцать 120-пушечных кораблей, десять 84-пушечных, десять 60-пушечных фрегатов. Такой амбициозной кораблестроительной программы на Черном море у России еще не было. Деньги на строительство нового флота государство выделяло в полном объеме, но не одновременно, а частями в течение нескольких лет, что было и остается обычной практикой. В свою очередь, Грейг объявил, что для выполнения столь большой программы строительства флота мощности казенного Николаевского Адмиралтейства явно недостаточно. Поэтому Грейг настаивал на привлечении к строительству частных подрядчиков, утверждая, что только в этом случае он гарантирует выполнение столь грандиозной кораблестроительной программы. Он гарантировал надзор за соблюдением финансовой дисциплины, пресечение малейших попыток воровства и проверку качества построенных кораблей и судов. В качестве доводов Грейг приводил то, что у наиболее состоятельных еврейских купцов — Серебряного, Варшавского, Рафаловича не только к этому времени оборудованы собственные верфи в Николаеве, а у них кроме этого имеются свободные капиталы и они готовы начинать немедленное строительство под небольшой процент, не дожидаясь поступления бюджетных денег. Общий вывод Грейга был таков: его план —

это единственно реальный путь выполнения программы Морского министерства.

Помогая Грейгу продвигать его план, в Петербург примчались и сами одесские и николаевские подрядчики, подкреплявшие клятвенные обещания в честном партнерстве дорогими подарками чиновникам. Как бы то ни было, но план Грейга был принят, ему дали карт-бланш на выполнение кораблестроительной программы, и он же был назначен ответственным за ее исполнение. Забегая вперед, скажем, что эта кораблестроительная программа, на которую были в полном объеме выделены огромные государственные деньги, так никогда и не была выполнена. Деньги растворятся в небытие, а Грейг и его подельники обложатся горами бумаг для своего оправдания.

В период создания береговых фортификационных сооружений, в числе которых находилось Северное укрепление в Севастополе, Черноморский флот решено было реструктурировать, наладив обеспечение, искоренив коррумпированные чины и обновив состав кораблей.

Вице-адмирал В.И. Мелихов так характеризовал деятельность Николая I по содержанию флота: «Принимая во внимание, что от сего времени действия морских сил будут необходимы во всякой европейской войне, Его Императорское Величество с самых первых дней своего царствования изволил изъявить непрременную волю на счет приведения флота в такое положение, чтобы оный был действительным оплотом государства и мог содействовать всяким предприятиям, к чести и безопасности империи относящимся.

К осуществлению этой мысли со стороны государя императора было сделано все, что нужно. Для флота изданы были штаты в размерах, соответствующих величию России, и морскому начальству преподаны были все средства к приведению наших морских сил в размеры, предписанные штатами. Бюджет Морского министерства был увеличен более чем вдвое; учебные заведения увеличены в количестве и поставлены на степень совершенства; для обеспечения наших адмиралтейств навсегда в лесном материале назначено было передать в морское ведомство все леса империи; наконец, все предположения морского начальства, которые могли привести к ближайшему исполнению воли Его Величества, всегда были принимаемы во внимание».

После реформ Черноморский флот перенял венок первенства у Балтийского флота. К началу Крымской войны флот Черного моря и соседствующие флотилии были на голову выше своих северных коллег по цеху. О неблагонадежном состоянии Балтийского флота императору Николаю Павловичу пришлось узнать из всеподданнейшего отчета, вступившего в 1853 году в управление Морским министерством великого князя Константина Николаевича. Однако Черноморский флот в это время находился в блестящем во всех отношениях состоянии. Он не только не уступал лучшим представителям английского и французского флотов, но и зачастую превосходил их.

Штаты боевых кораблей Черноморского флота были полностью укомплектованы и оснащены артиллерией более высокого качества. При М.П. Лазареве Черноморский флот получил больше 40 парусных судов. Также Лазарев заказал для своего флота 6 пароходофрегатов и 28 пароходов. На Черном море был построен первый железный пароход и начата подготовка кадров для службы на паровых судах. Пароходы заказывал новороссийский и бессарабский генерал-губернатор светлейший князь М.С. Воронцов для почтовых и грузопассажирских перевозок. Корабли Черноморского флота, созданные адмиралом Лазаревым, были отличной постройки, имели хорошее вооружение и были укомплектованы опытными в морском деле экипажами.

Особой заслугой Лазарева является подготовка людей, прославивших русский флот и Россию в годы Крымской (Восточной) войны 1853–1856 годов. Адмирал Лазарев пользовался влиянием как технический специалист и наставник молодых офицеров. Он выступал за оборудование Российского флота паровыми судами, но техническая и экономическая отсталость России того времени была главным препятствием на этом пути.

Так, к началу Крымской войны, английский и французский флоты уже имели немалое количество паровых судов. Парусники достигли тогда в военных флотах всех европейских держав высокой степени совершенства как в отношении их боевой силы, так и мореходных качеств. Но изобретение в сороковых годах XIX столетия винтового движителя положило предел не только дальнейшему развитию парусного флота, но и самому существованию его как боевой силы.

Этот перелом в военно-морском судостроении совпал фатальным для России образом со временем тяжелой ее борьбы с двумя морскими европейскими державами, затратившими сотни миллионов на дорогие опыты с введением винтового движителя на военных судах. И то, что случилось с русским флотом во время Крымской войны, явилось естественным последствием только что свершившегося введения нового фактора и доказало, что государство, призванное играть первенствующую политическую роль, не должно жалеть никаких затрат на содержание своих вооруженных сил, чтобы быть на высоте политических задач.

Я.А. Шумилин

ЧЕРНОМОРСКИЙ ФЛОТ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА ПРИ НИКОЛАЕ I — ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ, ФРЕГАТОВ И МАЛЫХ СУДОВ, ИХ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ, МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И СНАБЖЕНИЯ

Вступление

Когда в 1825 году на российский престол взошел император Николай I, обнаружилось, что в Балтийском флоте годными к службе оказались 5 линейных кораблей (по штату их должно быть 27, еще 26 фрегатов), в Черноморском флоте — 10 из 15. Из 90 000 чел. положенного по штату числа личного состава Балтийского и Черноморского флотов реально служило 72 000 чел. Зная это, новый самодержец всячески стремился усилить и укрепить флот.

В первой половине XIX века кораблестроители ведущих морских держав радикально усовершенствовали стандартную конструкцию парусного военного корабля: значительно ее облегчили, усилили набор корпуса, увеличили его размеры, отказались от громоздких, дорогих и тяжелых украшений, поставив во главу угла лишь боевые характеристики кораблей.

Россия не была в числе отстающих, развивая свой военно-морской флот активно, смело и самобытно, разумно перенимая иностранный, прежде всего, английский опыт. Всего за 20 лет русский военный парусный флот достиг пика своего развития, а корабли — наиболее полного сочетания боевых, технических и эстетических характеристик.

Проблемой Черноморского флота было то, что большая часть кораблей строилась на частных верфях, вследствие чего стоимость кораблей была очень высокой. За те деньги, которые казна платила за постройку одного линейного корабля на Черном море, на Балтике и в Архангельске можно было бы построить целых три. Тем не менее

искусство кораблестроения, опыт и решения иностранных специалистов перенимались и в некоторых случаях успешно внедрялись.

Технический уровень

Говоря о развитии Черноморского флота в первой трети XIX века, нельзя не упомянуть адмирала А.С. Грейга, личность неоднозначную, но тем не менее оказавшую значительное влияние на развитие флота на Черном море.

14 июля 1801 года был заложен 76-пушечный корабль «Правый» (спущен на воду 10 июля 1804 года), при строительстве которого впервые в отечественной практике корпус судна был скреплен медными болтами и обшит медными листами. Это было сделано по примеру английского кораблестроения и со временем стало производиться в обязательном порядке. Стоимость таких мер была высока, но зато древесина защищалась от гниения, а корпус — от обрастания, и это, следовательно, продлевало службу кораблей и судов. Для увеличения прочности кораблей слабый лес, получаемый из Польши, был заменен на более крепкий из подольских казенных лесов.

На некоторые из этих полезных улучшений указывали уже давно, но приводили их в исполнение чрезвычайно медленно; о введении железных книц кораблестроитель Рамбург докладывал еще в 1739 году, а об обшивке судов медью был указ в 1781 году. В Балтийском флоте из этого иное и делалось, но до Черного моря большая часть нововведений или не доходила, или вводилась весьма медленно.

Без крайней необходимости А.С. Грейгом запрещено было килевание судов как дорогостоящее и значительно ослабляющее корпус судна мероприятие. Не оставлено без внимания и такое менее заметное обстоятельство, что суда, стоявшие в гавани в одном направлении, от большего нагревания солнцем одной части получают известные недостатки; для их устранения введены были бридели, на которых суда обращались по ветру.

Прежние корабли, служившие лет пять-шесть, были нестойчивы, валки и имели нижние порты так близко от воды, что даже при брам-

сельном ветре их приходилось задраивать и оставлять орудия ниже дека в бездействии. Корабли же, построенные при Грейге, стали служить до капитального ремонта иногда по 11–17 лет и имели весьма удовлетворительную остойчивость и другие хорошие морские качества. При нем начали вводить на судах громоотводы, цепные канаты, каменный балласт был заменен на чугунный, кирпичные камбузы на железные. В каютах появились иллюминаторы, вместо сальных свеч завели лампы, в фонарях вместо слюды начали вставлять стекла и т. д.

Артиллерия

1805 год принес изменения в судовой артиллерии: было издано положение, определявшее род и калибр орудий для разного типа судов — для кораблей положены 36-фунтовые пушки и 24-фунтовые карронады, для фрегатов — 24-фунтовые пушки. Малые суда: бриги, шхуны и транспортные вооружались только карронадами, бомбардирские суда должны были иметь 5-пудовые мортиры и 3-пудовые гаубицы. Унификация артиллерии для каждого типа кораблей привела к увеличению силы залпа. Однако картузное зарядание не было введено повсеместно и порох в орудие засыпался совком с дульной части, что снижало скорострельность и приводило к колебаниям дальности и мощности выстрела, это в свою очередь уменьшало срок службы орудия. Вдобавок технология литья пушек из мягкой стали была освоена в России в 40-х годах XIX века.

Орудия для флота изготовлялись из чугуна на Луганском и Александровском литейных заводах, имели клеймо «М А», что означало — морская артиллерия.

Основные типы орудий

— 24-фунтовые пушки (калибр около 152 мм) изготовлялись на Александровском и Луганском заводах. Масса ствола — 120 пудов (1965,6 кг), масса ядра — около 12 кг, масса заряда — 4,9 кг.

— 24-фунтовые карронады (калибр около 150–152 мм) в отличие от обычных пушек эти орудия имели более короткий ствол упрощенной конструкции, что делало их более удобными в обращении. Также это снижало вес самого орудия: если 24-фунтовые пушки могли весить до 2500 кг (по разным источникам), то нормальный вес, установленный для карронад, составлял 720,7 кг (44 пуда). Крепление карронад на кораблях было несколько отличным: их устанавливали на ползунковых станках, а не на колесных лафетах. Помимо обычных ядер эти орудия могли также вести огонь картечью и бомбами.

— 36-фунтовые пушки (калибр около 173 мм) — примерный вес, установленный для 36-фунтовых пушек в 1804 году, составлял около 2801 кг (171 пуд). Длина ствола 36-фунтовой длинной пушки составляла 16 калибров, а короткой пушки (карронады) того же калибра — 14. Масса чугунного ядра в зависимости от варианта пушки могла составлять до 18 кг, масса чугунной бомбы до 17 кг. Расчет пушки насчитывал 15 человек.

— 5-фунтовая мортира (калибр 349 мм) — длина канала ствола 3 калибра, масса орудия 1310 кг, масса бомбы 81,9 кг, масса заряда около 5 кг. В целом мортиры определяются как короткие орудия для навесной стрельбы. Длина составляет 1,5–3 калибра. Их идея состоит в том, чтобы при аналогичном заряде пороха, что и у пушек, метать ядро большей массы. Иногда мортиры устанавливали ниже уровня верхней палубы, на специально укрепленное место, чтобы корабль мог избежать повреждений от отдачи. Мортиры предназначались для обстрела береговых укреплений и приморских крепостей, в меньшей степени — для боя с кораблями противника.

— 3-фунтовые фальконеты (калибр около 50 мм). Это были маленькие пушечки чаще всего калибром в 1 фунт (вес чугунного ядра не превышал 0,5 кг, диаметр канала ствола около 50 мм). Они крепились не на колесных лафетах, а на вертлюгах (вилка, уключина). Вертлюг обычно состоял из двух полууключин и муфты. В фальшборте корабля для установки вертлюга врезали медный «стакан» (коническую трубку). Весили 1-фунтовые фальконеты 55–75 кг. То есть одна 24-фунтовая морская пушка (основное орудие военных кораблей) весила столько же, сколько 100 фальконетов. Отливать их могли маленькие мастерские.

Как правило, они были чугунные и стоили очень дешево. Фальконеты можно было легко перенести с одного борта на другой, сосредоточивая огонь в нужном направлении. Их легко было наводить на цель, и по меткости они значительно превосходили ружья. А картечный выстрел из 1-фунтового фальконета по эффективности превосходил залп из 20 ружей. Стреляли из фальконетов ядрами, чугунной картечью (основной снаряд), крупной свинцовой дробью и книппелями (по парусам). Фальконеты могли устанавливаться на шлюпки, а на двухколесном лафете они служили десантными орудиями.

Линейные корабли

Линейным кораблем называется парусное военное судно из дерева с водоизмещением до 6 тыс. т. Такие корабли имели до 135 орудий на бортах, расположенных в несколько рядов, и до 800 человек экипажа. Эти корабли использовали в боях на море с применением так называемой линейной тактики в XVII–XIX веках. Линия делает возможным одновременное использование максимально возможного количества орудий. Впервые такую тактику стали использовать английский и испанский флот в начале XVII века.

До правления Петра I в России кораблей такого типа не было. Первый российский линейный корабль назывался «Гото Предестинация». К двадцатым годам XVIII века в состав Российского флота входило уже 36 таких кораблей.

В начале XVIII века на Черноморском флоте самым массовым типом линейных кораблей была «Анапа».

Таких кораблей было создано одиннадцать, строительство велось в Николаеве и Херсоне с 1806 по 1818 год. Длина корабля составляла 54,9 м, ширина по сведениям из различных источников от 14,5 до 14,7 м по мидель-шпангоуту, а осадка от 6,6 до 6,8 м. Артиллерийское вооружение корабля насчитывало 74 орудия. По типу парусного вооружения — трехмачтовые корабли. В серию входили линейные корабли «Анапа», «Мария», «Дмитрий Донской», «Азия», «Лесное», «Максим Исповедник», «Бриен», «Кульм», «Красной», «Николай» и «Скорый».

Тип «Полтава». Кораблей данного типа было построено три: «Двенадцать апостолов», «Полтава» и «Париж». В течение всего времени эксплуатации они использовались как учебные в Севастопольском порту. Длина корабля между перпендикулярами 57,9 м, ширина по мидель-шпангоуту 15,9 м, осадка 6,5–6,6 м. Вооружение корабля составляло 110 орудий. По типу парусного вооружения — трехмачтовые корабли.

Тип «Ярослав». Линейный корабль «Исидор», имевший на вооружении 74 орудия, являлся единственным из своей серии (19 единиц) кораблем, попавшим на Черноморский флот. Длина корабля по сведениям из различных источников составляла от 51,8 до 51,9 м, ширина по мидель-шпангоуту 14,2 м, осадка 6,1 м. Экипаж от 670 до 770 чел.

Тип «Святой Петр». Серия 74-пушечных кораблей (7 единиц), построенных на Херсонской верфи. Впервые в практике отечественного кораблестроения бак и ют соединили сплошной палубой, что позволило усилить огневую мощь и улучшить управление парусами. Образованная таким образом вторая закрытая батарейная палуба улучшила бытовые условия экипажа. Длина судна 52,4 м, ширина по мидель-шпангоуту 14,3 м, осадка 5,8 м.

Вооружение: на гондеке 24 36-фунтовых пушки и 4 1-пудовых единорога, на опердеке 24 18-фунтовых пушки и 4 1-пудовых единорога, на шканцах 18 8-фунтовых пушек.

Кроме того, в первой трети XIX века были спущены на воду и вошли в состав Черноморского флота линейные корабли «Ягудиил» (110 орудий), «Ратный» (110 орудий), «Император Франц» (110 орудий) и «Париж» (110/112 орудий).

Фрегаты

Фрегат — тип военно-морских судов с мощным артиллерийским вооружением (до 60 пушек) для действий на морских коммуникациях. В парусном флоте — военный трехмачтовый корабль с полным парусным вооружением с одной или двумя (открытой и закрытой) орудийными палубами.

Фрегат отличался от парусных линейных кораблей меньшими размерами (но не всегда) и количеством артиллерийского вооружения, предназначался как для дальней разведки, то есть действий в интересах линейного флота, так и крейсерской службы — самостоятельных боевых действий на морских и океанских коммуникациях с целью защиты торговли или захвата и уничтожения торговых судов противника. В этом смысле фрегаты являются предшественниками крейсеров.

В мирное время фрегаты обычно не ставились на прикол, подобно линейным кораблям, а применялись для патрульной и крейсерской службы, борьбы с пиратством и тренировки экипажей. Калибр пушек на некоторых фрегатах не уступал линейным кораблям (36-фунтовые орудия), но зачастую был меньше (24-фунтовые орудия).

Основные типы фрегатов

Тип «Тенедос». Серия из шести 60-пушечных фрегатов, построенных в Николаеве под наблюдением адмирала А.С. Грейга. По размерам и вооружению они ненамного уступали линейным кораблям. Длина 51,9 м, ширина по мидель-шпангоуту 13,1 м, осадка 5,8 м. Экипаж 420–450 человек.

Тип «Спешный». Самая крупная серия фрегатов 44-пушечного ранга (34 единицы). Длина 48,6 м, ширина по мидель-шпангоуту 12,7 м, осадка 3,9 м, количество орудий — 44–63 (24-фунтовых). Экипаж 340–430 чел.

Малые суда

К малым судам относились корветы, бриги, шхуны, а также транспортные суда.

Корвет — корабль парусного флота XVII—XIX веков, предназначавшийся для разведки, посыльной службы, иногда для крейсерских действий. Трехмачтовое судно с прямым парусным вооружением, водоизмещение 400–600 т. Имел облегченную конструкцию с одной палу-

бой для орудий (до 30 шт.), по своим размерам и вооружению занимал промежуточное положение между фрегатом и бригом. В России парусные корветы появились в конце XVIII — начале XIX в. Всего на отечественных верфях был построен 31 корабль этого класса. В основном они вооружались 24-фунтовыми пушками-карронадами, 8-фунтовыми медными пушками, а также 3-фунтовыми медными фальконетами.

Бриг — двухмачтовое судно, имеющее в среднем от 6 до 24 орудий, с прямым парусным вооружением фок-мачты и грот-мачты, но с одним косым гафельным парусом на гроте — грота-гаф-триселем. В эпоху парусного флота бриги служили в основном «на посылках», для конвоирования купеческих судов, дозорной и разведывательной службы. Вооружение бригов состояло из восемнадцати 24-фунтовых карронад для ближнего боя и двух переносных 3-фунтовых пушек, имевших большую дальность стрельбы. При необходимости пушки можно было использовать как в качестве ретирадных в портах гакаборта, так и в качестве погонных в носовых портах, то есть они могли применяться и при отступлении, и при преследовании противника. Карронады были установлены на верхней палубе, орудийные порты не закрывались, так как через них осуществлялся сток воды, попадающей на палубу. Самым знаменитым бригом того времени стал «Меркурий», который под командованием капитан-лейтенанта Александра Ивановича Казарского одержал победу в неравном бою с двумя турецкими линейными кораблями, чем увековечил свое имя и за что был награжден кормовым Георгиевским флагом.

Шхуна — парусное судно, оснащенное не менее чем двумя мачтами и косыми парусами. Она легка в управлении, не требует наличия большого экипажа. Небольшая осадка позволяет шхуне быстро перемещаться даже по мелководью. Узкий корпус и большие паруса делали шхуны быстроходными, иногда они развивали скорость более 1 уз. Несли на борту 8–16 пушек-карронад. Экипаж составлял до 75 человек. Недостаток — малая дальность плавания.

Транспортные суда — зачастую небольшие до 30 м в длину суда, которые несли от 2 до 4 пушек, либо не были вооружены вообще. Строились на отечественных верфях или покупались целыми сериями за границей. Всего за первую треть XIX века на Черноморском флоте

было задействовано около 41 транспортного судна. Они использовались для организации материально-технического обеспечения и снабжения флота — упрощали логистику доставки орудий, боеприпасов и материалов на военно-морские базы, а также были задействованы в переброске личного состава.

Материально-техническое обеспечение и снабжение Черноморского флота

В первой половине XIX в. Россия располагала несколькими центрами судостроения. Балтийский флот обеспечивали заводы, расположенные в Петербурге, Кронштадте и Архангельске, Черноморский флот — заводы Херсона и Николаева, Каспийскую флотилию — астраханские верфи и Сибирскую флотилию — заводы на реке Шилке и в Николаевске-на-Амуре. Большинство парусных судов строилось на русских заводах. Паровые же суда сооружались как на русских заводах, так и на иностранных (по русским чертежам). Кроме того, за границей покупали и готовые суда.

Стремясь обеспечить независимость отечественного судостроения, Морское ведомство старалось создавать достаточно мощные государственные заводы. При сооружении и техническом оснащении предприятий, а также при создании энергетической базы предприятий Морскому ведомству приходилось решать сложные задачи. Но излишними расходами, докладывало Морское министерство, «мы оплачивали в этом случае независимость в деле, соединенном с безопасностью государства, а сопряженные с таким образом действий труды и ответственность с избытком вознаграждались сознанием, что эти издержки остаются в России, что они дают работу русскому рабочему и сбыт русскому материалу, что, наконец, со временем они вознаграждаются дальнейшими успехами нашей судостроительной и механической промышленности».

Всего на русских судостроительных заводах в первой половине XIX в. было построено 438 парусных и 41 паровое судно. Из 482 кораблей, вошедших в строй во второй половине XIX в., было построено

на русских заводах 380. За границей было заказано или куплено 102 корабля. Эти данные свидетельствуют о том, что Россия в результате промышленного переворота имела современную судостроительную промышленность, способную решать сложные технические задачи и обладающую кадрами судостроителей высокого класса.

На юге страны действовали Николаевский и Севастопольский казенные заводы и четыре частных — в Одессе, Николаеве и Севастополе. На организацию и устройство тыла и снабжение флота огромное влияние оказали почти непрерывные войны первого десятилетия XIX в. Поскольку они велись главным образом на чужой территории, то в основе обеспечения армии лежали денежные закупки, а не натуральные поставки. Вещевое довольствие при этом поступало из центральных губерний. Боеприпасы и орудия (изготавливались на Александровском и Луганском литейных заводах) также доставлялись гужевым и водным транспортом из баз, расположенных в глубине России. Доставка продовольствия и боеприпасов на всех театрах юга осуществлялась гужевым транспортом по грунтовым дорогам, выходящим во время распутицы весной и осенью из строя. Фельдъегерская связь носила символический характер, так как она не могла обеспечить управление из центра.

Заключение

Несмотря на все трудности и войны, выпавшие на долю Черноморского флота в первой трети XIX века, он продолжал оставаться грозной боевой силой и, более того, развиваться и совершенствоваться. Флот активно участвовал в русско-турецких войнах. На Черном море в этих войнах он наиболее активно действовал у побережья Кавказа, взаимодействуя с сухопутными силами и ведя непрерывное крейсерство для срыва снабжения морем турецких войск в Закавказье и горцев. Корабли вели разведку, обстреливали скопления горских воинов, высаживали десанты, осуществляли переброску войск, боролись с контрабандной доставкой оружия горцам англичанами и турками и т. д.

Парусный флот переживал практически пик своего развития, в это время строились самые большие и вооруженные корабли. Изменялась

ГОРДОСТЬ РОССИЙСКОГО ФЛОТА — МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ ЛАЗАРЕВ

и улучшалась организация службы, качество образования морских офицеров. В городах быстро строили необходимые здания, улучшали госпитали и богадельни, создавали водопроводы, бульвары, мосты, рынки, приводили в порядок пожарную часть и пр. Одним словом, по мере имеющихся средств делалось все, что могло улучшить благоустройство городов. Произошла реформа в системе наказаний на флоте.

Большое внимание было обращено на безопасность плавания: приведено в должный порядок депо карт, изменена форма судовых нактоузов, для плавания и производства съемок приобретены лучшие по тому времени инструменты, опасные места морей и рек обставлены предостерегательными знаками, строились маяки.

Однако в это же время стремительно начинал развиваться паровой флот, который впоследствии завершит эпоху парусных военных кораблей.

Михаил Петрович Лазарев был выдающимся русским мореплавателем и исследователем Антарктиды в XIX веке. Он возглавил несколько экспедиций, положив начало открытию новых территорий и совершенствованию карт мира. За свои достижения Лазарев получил чин адмирала и стал важной фигурой в истории географии. Также он является одним из основателей города Новороссийска.

Михаил Петрович Лазарев родился 14 ноября 1788 года (3 ноября по старому стилю) в аристократической семье Петра Гавриловича Лазарева — сенатора от города Владимира. Незадолго до смерти отца Михаил Лазарев был направлен в Морской шляхетный кадетский корпус, где и получил образование.

3 июня 1803 года Михаил Лазарев был зачислен в мичманы, и в том же году после обучения на корабле «Ярослав» в возрасте пятнадцати лет направлен волонтером в Королевский флот Англии. 8 января 1806 года Лазарев был произведен в мичманы Королевского флота.

Под британским флагом Лазарев бороздил моря и посещал экзотические места, такие как, например, королевская жемчужина — Индия. В мае 1808 года он был произведен в лейтенанты и 6 июня этого же года в возрасте двадцати лет направлен на Балтийский флот.

В 1813–1816 годах, командуя кораблем Российско-американской компании «Суворов», М.П. Лазарев совершил свое первое кругосветное плавание.

В 1819 году под командованием капитана 2 ранга Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена была сформирована научная экспедиция для исследования Антарктического океана. В состав экспедиции вошли шлюпы «Восток» (под командованием Ф.Ф. Беллинсгаузена) и «Мирный» (под командованием М.П. Лазарева).

Экспедиция вышла из Кронштадта 15 июля 1819 года и благополучно вернулась 5 августа 1821 года. Путь составил более 49500 миль и занял 751 день, из них 527 дней под парусами. Плавание проходило в суровых полярных условиях, между ледяными грозами и частыми

штормами. Экспедиция побывала в водах, до которых еще никто не добирался, и долгое время после ее отплытия ни одно судно не подходило к Южному полюсу ближе, чем русские шлюпы «Восток» и «Мирный».

28 января 1820 года шлюпы впервые подошли к берегу материка, несмотря на тяжелые ледовые условия. Эта дата считается днем открытия Антарктиды. Русские моряки первыми в мире открыли новый антарктический континент, опровергнув мнение английского путешественника Джеймса Кука, который утверждал, что в южных широтах континента нет, а если он и есть, то только в труднодоступной для плавания области вблизи полюса.

Через неделю экспедиция достигла Южных Шетландских островов. Русские мореплаватели прошли вдоль всего южного побережья этих островов, доказав, что они представляют собой гряды высоких каменистых островов, покрытых вечными снегами. 5 августа 1821 года Лазарев вернулся в Кронштадт из кругосветного плавания. По возвращении он был произведен в чин капитана 2 ранга, минуя чин капитан-лейтенанта, с дополнительной пенсией за звание лейтенанта на время плавания.

Плавание «Востока» и «Мирного» внесло значительный вклад в историю географических исследований. России принадлежал приоритет в открытии Антарктиды. В 1822 году Михаил Петрович Лазарев был назначен командиром фрегата «Крейсер». 29 августа 1822 года он отправился в третье кругосветное плавание к берегам Северной Америки для защиты ее территориальных вод от хищнического промысла и борьбы с контрабандой. В этом плавании принимал участие и его брат, капитан Андрей Петрович Лазарев, командовавший шлюпом «Ладога».

М.П. Лазарев благополучно вернулся из этого плавания 17 августа 1825 года. По возвращении, 13 сентября 1825 года, он был произведен в чин капитана 1 ранга и награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. В 1826 году Михаил Петрович был назначен в 12-й флотский экипаж и командовал новым 74-пушечным линейным кораблем «Азов», построенным в Архангельске. В 1827 году Лазарев, будучи капитаном

«Азова», был назначен также начальником штаба флота, который готовился к действиям в Средиземном море.

С 20 августа по 18 октября 1827 года суда русских эскадр под командованием контр-адмирала Логина Петровича Гейдена, в том числе и «Азов», совершили плавание по маршруту Портсмут — Палермо — Мессина — остров Занте — бухта Наварино с целью поддержки греческого национально-освободительного движения.

20 октября 1827 года состоялось знаменитое Наваринское сражение, в котором участвовали русская, английская и французская эскадры. Основную тяжесть боев принял на себя русский флот, сыгравший главную роль в разгроме турецко-египетского флота. Противник потерял один линейный корабль, 13 фрегатов, 17 корветов, четыре брига и пять брандеров. «Азов» находился в центре изогнутой линии боя, состоящей из четырех колонн кораблей. Именно сюда был направлен основной удар турецких сил. «Азову» пришлось вести бой с пятью кораблями противника одновременно, и все они были уничтожены метким ударами его артиллерии. В Наваринском сражении «Азов» и 12-й флотский экипаж, в состав которого он входил, были удостоены высшей награды — кормового Георгиевского флага. За боевые отличия Лазарев был произведен в контр-адмиралы.

В 1831–1832 годах Михаил Петрович Лазарев принимал активное участие в военных делах — работал в Комитете по образованию флота по пересмотру штата вооружения и описи военных кораблей и подготовке нового положения об управлении Черноморским флотом. Он внес ряд предложений по совершенствованию кораблестроения и корабельного вооружения.

В дальнейшем карьере М.П. Лазарева дополнялась новыми обязанностями:

— так, с 22 мая по 14 сентября 1831 года Лазарев командовал отрядом кораблей, крейсировавших в Ботническом заливе для охраны финского побережья от иностранной военной контрабанды;

— с октября 1831 по июнь 1832 года он был председателем Государственной исправительной комиссии по вооружению и комплектованию военных кораблей;

— 17 февраля 1832 года М.П. Лазарева назначили начальником штаба Черноморского флота;

— 12 января 1833 года Михаила Петровича назначили командующим Черноморским флотом, коим он оставался в течение 18 лет;

— им была организована первая двухлетняя экспедиция по описи Черного моря на фрегате «Скорый» и парусном тендере «Поспешный», в результате которой было завершено составление и издание «Карты Черного и Азовского морей».

22 октября 1843 года Михаил Петрович за особые заслуги был произведен в адмиралы. Под его командованием Черноморский флот стал лучшим флотом России. Больших успехов он добился и в кораблестроении. Лазарев лично руководил строительством новых крупных кораблей.

Под командованием Лазарева Черноморский флот был полностью укомплектован 15 линейными кораблями, 7 фрегатами и столькими же пароходами и мелкими судами. Значительно улучшилось пушечное вооружение. В Николаеве было построено здание адмиралтейства с учетом всех достижений техники того времени, а под Новороссийском началось строительство здания адмиралтейства.

Под личным руководством Лазарева были составлены планы, подготовлена территория для строительства адмиралтейского дома в Севастополе и построена пристань. Реорганизованный под его руководством Гидрографический департамент напечатал множество правил и инструкций, издал подробную карту Черного моря. Печатались также книги по военно-морскому делу.

В 1843 году Лазарев почувствовал первые признаки тяжелой болезни, но не придавал этому особого значения. Болезнь быстро развивалась, а Лазарев не хотел оставлять любимое дело. Наконец, к началу 1851 года рак желудка, поразивший Лазарева, прогрессировал настолько, что адмирал практически не мог принимать пищу. Лазарев отказался от управления флотом и уехал для лечения в Вену, где умер 11 апреля 1851 года.

Имя Лазарева увековечено в самых разных формах. Среди названных в его честь объектов — ряд кораблей, одно из антарктических морей, атолл в группе островов Россиян, мысы в Амурском лимане

и на Алеутских островах, бухта и порт в Японском море, советская (ныне российская) антарктическая станция Новолазаревская, ледник, горы на Земле Виктории, залив (Земля Александра I), а также многие памятники и памятные знаки.

Литература

1. Адмирал М. П. Лазарев. Роль личности в истории России: научно-историческая конференция, Севастополь, 6 ноября 2013 года: сборник материалов/ Севастопольская морская б-ка им. адм. М. П. Лазарева, Военно-научное о-во Черноморского флота Российской Федерации; [сост.: Карпова С. П.]. — Севастополь: Мистэ, 2013. — 55 с.

2. Виктор Ф. Русские имена на карте мира. — М.: Аргументы и факты, 2010. — 56 с. Лазарев Михаил Петрович (1788–1851). Три кругосветных путешествия. — М.: Эксмо, 2017. — 439 с.

3. Фоминцева Л.А. Божией милостью Адмирал Михаил Лазарев. — Ярославль: Верхне-Волжское издательство, 2006. — 283 с.

4. <https://gaexp.ru/> — официальный сайт Российской Антарктической экспедиции.

А.С. Ивлев

ПЕРВЫЕ ПАРОВЫЕ ВОЕННЫЕ СУДА НА ЧЕРНОМ МОРЕ, ИХ РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Введение

В первое десятилетие царствования Николая I роль военного флота как инструмента внешней политики империи стала более весомой. Этому способствовали как внешние, так и внутренние факторы, из которых важнейшим стало обострившееся соперничество с Великобританией за влияние в Западной и Юго-Восточной Европе. Эти факторы, а также достижения научно-технического прогресса определили изменение системы управления флотом и формирование новой концепции военно-морского строительства России в первой половине XIX века. Российский флот пополнялся паровыми кораблями, внедрялись новые тактические формы и методы проведения военно-морских операций. Первые паровые корабли Российского императорского флота, принявшие участие в боевых действиях, были из числа кораблей Черноморского флота. Одним из этих боевых эпизодов была Босфорская военноморская операция 1833 года, которая является одним из выдающихся успехов русской внешней политики — без нарушения геополитического равновесия в одном из самых взрывоопасных районов мира Российская империя получила гарантии безопасности морской деятельности в черноморском регионе.

Военно-морское строительство России в конце XVIII — начале XIX века

Российский императорский флот во второй половине XVIII — начале XIX века по количеству боевых кораблей вышел на третье место в мире после Великобритании и Франции. Черноморский флот

в 1787 году насчитывал 5 линейных кораблей и 19 фрегатов, Балтийский флот (1788 год) — 23 линейных корабля и 13 фрегатов. В начале XIX в. Российский флот состоял из Балтийского и Черноморского флотов, Каспийской, Беломорской и Охотской флотилий. В 1802 году было образовано министерство военно-морских сил (переименовано в 1815 году в Морское министерство). В 1804 году на флотах имелись постоянные соединения — дивизии, которые делились на бригады и прикреплялись к определенным базам. В 1826 году в России был построен первый вооруженный пароход «Ижора» (мощность машины 100 номинальных л. с., вооружение 8 пушек). С 1827 года оперативно-стратегическое руководство флотом осуществлял Морской штаб, который с 1831 года стал называться Главным морским штабом (в 1836-м ликвидирован и снова создан в 1855 году). При морском министре были созданы Адмиралтействсовет (1827 год) и Ученый комитет. К сожалению, по ряду объективных причин строительство парового флота в России несколько отставало от ведущих морских держав.

Строительство первых паровых кораблей для военно-морского флота

Изобретателем первого успешного в коммерческом плане парохода является Роберт Фултон. Его работы привлекли к себе внимание и в России. Император Александр I в 1813 году предоставил Фултону «государственную привилегию» на строительство в России пароходов. Но по ряду причин американский изобретатель почти за три года так ничего создать не смог. Далее эти работы продолжил русский подданный Карл Николаевич Берд, организовавший к тому времени в России производство паровых машин. Берд с поставленной задачей успешно справился. В 1815 году в Санкт-Петербурге был спущен на воду пароход Берда, не имевший названия.

После постройки нескольких пароходов с 1817 года начались регулярные рейсы между Петербургом и Ревелем (ныне Таллин), а затем и между другими портами Балтийского моря. Пароходы осуществляли перевозку грузов и использовались для буксировки парусных

военных кораблей. Со временем, однако, возникла необходимость иметь в военном флоте корабли, способные выполнять боевые задачи, а не только вспомогательные функции. И тогда был построен первый русский вооруженный пароход «Ижора», который весь период своей эксплуатации использовался на Балтийском театре.

Вооруженный пароход «Метеор»

29 марта 1823 года в Николаеве началось строительство военного парохода. Он получил наименование «Метеор». Через два года пароход вступил в строй и нес службу на Черном море на протяжении четырнадцати лет. В этом большая заслуга адмирала Алексея Самуиловича Грейга, который стремился к внедрению передовых военно-морских технологий на флоте и к тому, чтобы вверенный ему флот качественно не уступал ни одному иностранному.

Главным конструктором «Метеора» был полковник Корпуса корабельных инженеров Илья Степанович Разумов. Командиром экипажа строящегося парохода был назначен выпускник Черноморского штурманского училища поручик Григорий Михновский.

27 июня 1825 года «Метеор» был спущен на воду. После достройки на плаву и ходовых испытаний его приняли в боевой состав Черноморского флота (1826 год).

Как и все паровые корабли тех лет, «Метеор» имел полное парусное вооружение фрегата. Возможность двигаться при любых курсовых углах ветра давала такому кораблю возможность для маневрирования в боевых условиях, даже несмотря на маломощную паровую машину. В то же время парусное вооружение позволяло ему следовать на экономичных режимах при подходящих курсовых углах ветра.

Пропульсивный комплекс корабля состоял из двух расположенных по бортам гребных колес с плицами, приводимыми в движение паровой машиной, которая, как и гребные колеса, размещалась на миделе корабля.

В соответствии с Положением «О корабельной артиллерии» 1805 года кораблю полагались 24-фунтовые карронады (удалось

разместить 14 штук — по 7 на каждом борту). В соответствии со стандартами того времени это соответствовало артиллерийскому вооружению брига.

В 1828 году началась очередная Русско-турецкая война, и «Метеор» сразу же принял в ней самое непосредственное участие. С началом боевых действий в должность командира корабля вступил лейтенант Александр Скрягин. Поручик Григорий Михновский остался на «Метеоре» в качестве штурмана. Имевший небольшую осадку (2,2 м) пароход идеально подходил для прибрежных операций. В них он и отличился. При высадке десанта возле турецкой крепости Анапа «Метеор» продемонстрировал все преимущества парового корабля перед парусными. Корабль маневрированием на мелководном участке и огнем своих орудий успешно оказывал поддержку нашим десантным силам, проводившим бой за высадку. Итогом данной операции стало взятие крепости Анапа.

Таблица 1 — Основные тактико-технические элементы вооруженного парохода «Метеор»

Дата закладки	29 марта 1823 г., верфь в г. Николаеве
Дата спуска на воду	27 июня 1825 г.
Дата принятия в боевой состав флота	14 апреля 1826 г.
Класс	Вооруженный пароход
Водоизмещение	261 т
Размерения	Длина 36,6 м, ширина на миделе 6,1 м, осадка 2,21 м
Артиллерийское вооружение	14 24-фунтовых карронад (мощность бортового залпа 168 фунтов)
Парусное вооружение	Фрегат
Мощность и тип главной энергетической установки	2×30 н. л. с. Горизонтальная стационарная двухцилиндровая паровая машина
Скорость полного хода под паровой машиной	6,5 уз

Командование флота получило возможность воочию убедиться в отличных боевых качествах данного типа судов и в целесообразности пополнения ими корабельного состава.

После этого «Метеор» участвовал в морской блокаде сильно укрепленной турками Варны. Вместе с другими кораблями Черноморского флота он наносил артиллерийское поражение турецким позициям и, что еще важнее, выполнял сторожевые задачи на прилегающих морских коммуникациях, не позволяя снабжать крепость с моря. В июле 1828 года осуществлял сопровождение из Варны в Одессу фрегата «Флора», на борту которого находился император Николай I. В октябре 1828 года «Метеор» конвоировал линейный корабль «Императрица Мария» с Николаем I на борту.

Также «Метеор» принимал участие во взятии болгарских приморских городков Василько и Агатополь. Все задачи, которые командование ставило перед кораблем, он успешно выполнял.

Вооруженный пароход «Громоносец»

Вторым боевым пароходом Черноморского флота стал «Громоносец». При его строительстве был учтен опыт эксплуатации и боевого применения «Метеора», по всем характеристикам «Громоносец» его превосходил.

Таблица 2 — Основные тактико-технические элементы вооруженного парохода «Громоносец»

Дата закладки	21 февраля 1829 г., верфь в г. Николаеве
Дата спуска на воду	26 октября 1830 г.
Дата принятия в боевой состав флота	1 мая 1831 г.
Класс	Вооруженный пароход
Водоизмещение	518 т
Размерения	Длина 40,5 м, ширина на миделе 6,7 м, осадка 3,12 м

Артиллерийское вооружение:	4 18-фунтовых и 4 12-фунтовых орудия, 6 24-фунтовых карронад. Мощность бортового залпа 132 фунта
Парусное вооружение	2-мачтовая шхуна
Мощность и тип главной энергетической установки	2×50 н. л. с. Горизонтальная двухцилиндровая паровая машина
Скорость полного хода под паровой машиной	7,3 уз

Меньшая, по сравнению с «Метеором», мощность бортового залпа объясняется тем, что карронада — это малогабаритное орудие ближнего боя, а пушка более массивная и более дальнобойная. На данном корабле акцент сделан на совмещение артиллерийских систем ближнего и дальнего боя (то есть не количественная мощность залпа, а качественная — точность и дальность), что существенно расширяет возможности боевого применения корабля. Кроме событий 1833 года, корабль участия в других боевых действиях не принимал, некоторое время являлся флагманским кораблем Севастопольской эскадры, на нем держал флаг командующий Черноморским флотом вице-адмирал М.П. Лазарев.

Босфорская военно-морская операция

В 1832 году паша Египта поднял восстание против турецкого султана. Правительственные войска Махмуда II не смогли подавить восстание, в результате чего возникла угроза захвата турецкой столицы. Император Николай I принял решение оказать турецкому султану военную помощь. Командующий Черноморским флотом адмирал А.С. Грейг 15 ноября 1832 года получил соответствующую директиву.

Задачей флота являлась отправка отряда разнородных сил, включая десантные, в Босфорскую проливную зону для защиты Константинополя от египетских мятежных войск.

2 февраля 1833 года русский посланник в Константинополе получил формальное обращение турецкого правительства к российскому императору об оказании срочной военной помощи. 20 февраля 1833 года

в Босфор вошла 1-я эскадра контр-адмирала М. П. Лазарева — 4 линейных корабля, 3 фрегата, корвет и бриг. Десантных сил в составе эскадры не было. Корабли стали на Буюкдерском рейде. 24 марта в Босфор прибыла 2-я эскадра под командованием контр-адмирала М.Н. Кумани в составе 4 линейных кораблей и 11 военных транспортов с десантом на борту (5500 человек). 12 апреля в Босфор вошла Черноморская эскадра под командованием контр-адмирала О.И. Стожевского в составе 4 линейных кораблей, 2 бомбардирских кораблей и 12 военных транспортов с запасами, вооружением и десантом (4777 чел.).

Российская империя к середине апреля 1833 года собрала в Босфоре внушительную группировку кораблей (порядка 40 вымпелов) с более чем 10000 человек десанта с полным вооружением. 31 марта 1833 года командующий ЧФ получил приказ императора в случае начала боевых действий организовать оборону европейского берега Босфора — занять господствующие высоты и удобные для обороны объекты, не допустить проникновения египетского флота в Босфор. На случай государственного переворота в Константинополе вся группировка кораблей должна была сняться с якорной стоянки и занять пролив Дарданеллы.

К 24 июня 1833 года политический кризис в Турции разрешился, а 26 июня русские дипломаты подписали с Турцией Ункяр-Искелесийский договор, который закреплял создание оборонительного союза России и Турции. В секретной части договора Турция обязывалась оперативно перекрывать пролив Дарданеллы для прохода иностранных судов в случае возникновения военной угрозы для Российской империи. Договор являлся крупным успехом русской дипломатии и позволил на какое-то время обезопасить южные морские рубежи нашей страны, превратив Черное море во внутренний бассейн России и Турции. Далее, после стабилизации политической ситуации в Турции начался постепенный вывод российских сил из турецких вод, и к ноябрю 1833 года все корабли либо находились в пунктах базирования, либо выполняли задачи в других районах Средиземного и Черного морей.

Теперь отдельно рассмотрим роль вооруженных пароходов «Метеор» и «Громоносец» в ходе Босфорской операции. Командование флота,

учитывая их отличные от других кораблей тактические свойства, ставило им следующие задачи:

- патрулирование и ведение разведки на морских коммуникациях в назначенных районах;
- осуществление сторожевых функций в назначенных районах;
- обеспечение оперативной связи экспедиционных сил с главной базой флота, поскольку они менее зависимы от гидрометеорологических факторов;
- эскортирование конвоев судов обеспечения и военных транспортов на переходах между Константинополем и базами флота;
- перевозку должностных лиц командования флота и Министерства иностранных дел между Константинополем и базами флота, в редких случаях перемещения личного состава кораблей и судов (например, по причине болезни или неотложных обстоятельств);
- несение дозоров по охране района расстановки сил флота;
- обеспечение буксировки кораблей и судов при отсутствии ветра или повреждениях, буксирное обеспечение расстановки кораблей и судов на рейдах;
- обеспечение проводки кораблей и судов в узкостях и на сложных с навигационной точки зрения фарватерах;
- доставку крупногабаритных грузов с берега на рейд;
- перемещение личного состава кораблей и судов на берег и с берега;
- доставку делегаций на рейд;
- прочие задачи, которые данные корабли могли выполнить наиболее эффективно.

Как можно заметить, задач для двух кораблей предусматривалось немало, поэтому личный состав вместе с техникой трудился очень интенсивно, не допуская срыва выполнения поставленных задач.

Опыт использования данных кораблей, их отличные от парусных тактические свойства в очередной раз были высоко оценены командованием флота и Российским правительством. Это определило новый виток строительства данного типа кораблей и судов и дальнейшую переориентацию судостроительных мощностей страны на строительство пароходов. Более того, начиная с 1834 года, за границей было заказано

большое количество пароходов для скорейшего пополнения ими корабельного состава Российского флота.

Вывод

Военно-морской флот всегда являлся высокотехнологичной и наукоемкой структурой в системе обороны государства. Более того, военно-морской флот служит очень нужным геополитическим инструментом, который при грамотном использовании способен одним фактом своего нахождения в каком-либо районе Мирового океана повлиять на принятие политических и военных решений. Именно такую роль и сыграли корабли Черноморского флота во время обострения политической ситуации в Турции в 1832–1833 годах, когда они без единого выстрела смогли обезопасить столицу Турции и обеспечить принятие и юридическое закрепление очень выгодных для России решений. Может и не явную, но весьма ощутимую роль в этом сыграли два вооруженных парохода — «Метеор» и «Громносец», которые оказались очень полезными при решении некоторых важных задач. Положительный опыт использования этих пароходов во многом определил дальнейший облик Российского флота.

А.В. Николаев

А.Ф. ОРЛОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ДИПЛОМАТ И ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Данный доклад позволяет ознакомиться с деятельностью А.Ф. Орлова, его ролью в политике, экономике, социальной и военной сферах России первой половины XIX века.

«Он был одарен от природы отменными способностями ума, легко приобрел опытность, нужную при дворе, и в сем отношении, без сомнения, превзошел всех соперников своих. Он шел прямо к цели, пренебрегая обыкновенными путями искательства, не пристал ни к чьей стороне и остался при своем образе мыслей независимым от других. Он домогался важнейшего звания любимца государя, коего и достиг», — так писал генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев об Алексее Федоровиче Орлове.

Алексей Федорович Орлов — незаконнорожденный сын Федора Орлова — одного из знаменитых братьев, который оказал поистине значимые услуги Екатерине II при ее восхождении на престол. Благодаря личному указу императрицы «воспитанники» Федора Орлова в 1796 году получили дворянские права и фамилию отца. Алексей Федорович избрал военную карьеру и в кратчайшие сроки доказал свои лидерские качества, мотивацию к доблестной службе на благо Отечества. В ходе Аустерлицкого и Бородинского сражений, где Орлов был неоднократно ранен, а также во время зарубежных походов русской армии молодой человек был «приближен» сперва Великим князем Константином, а впоследствии и самим императором Александром I. В 1820 году Орлов был удостоен звания генерал-адъютанта и вскоре сумел доказать свою преданность престолу. За участие в подавлении восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года Николай I уже на следующий день наградил его графским титулом.

Как известно, многие прошения за декабристов император игнорировал. Однако для Алексея Орлова было сделано исключение. Тот обещал посвятить всю свою жизнь государю за прощение своего брата Михаила. Как результат, Михаил был сослан в родовое имение в Калужской губернии, где жил под надзором полиции, а весной

1831 года ему даже разрешили поселиться в Москве. За исполнение прошения о брате Алексей Федорович сдержал свое обещание: всю жизнь он преданно служил Николаю I, который на смертном одре поручил наследника заботам и опеке ближайшего друга.

Первая миссия, возложенная на Орлова, была выполнена с огромным успехом. Речь идет о подписании Адрианопольского договора, который увенчал победу России над Османской империей в 1829 году. 21 августа на первом совместном заседании в Адрианополе Орлов убедился в том, что османское правительство не намерено заключить мирный договор на условиях русских. Турки заявили, что могут лишь подтвердить условия Аккерманской конвенции 1826 года, отмененной ранее специальным указом султана. Признав позицию турецкой стороны неприемлемой, главнокомандующий Дибич отдал приказ возобновить наступление: русские конные разьезды появились на расстоянии одного перехода от Стамбула. Оказавшись в критическом положении, Османская империя была вынуждена возобновить переговоры.

Орлов в то время получил предписание правительства воспрепятствовать возобновлению «бесконечных словопрений». Новый этап переговоров начался в Адрианополе 31 августа. Заседание длилось шесть часов, в течение которых Орлов неоднократно с блеском выходил из сложных ситуаций, грозивших прекращением переговоров и новыми отсрочками в заключении мира. Историк Михайловский описывает любопытный эпизод, свидетельствующий о живом уме Орлова, его умении легко и остроумно улаживать намечавшиеся конфликты. Турки возражали против передачи России островов в устье Дуная, «ибо острова сии, поросшие камышом, в котором гнездились змеи, никакой политической важности в себе не заключали». Орлов в ответ сказал им, что «острова сии так ничтожны, что ежели бы Порты их уступила лично ему, то он бы их не взял; возражение сие заставило турецких министров смеяться, и они по сему предмету более не прекословили».

Граф Орлов не кривил душой — лично ему эти острова действительно были не нужны, но для России обладание ими предоставляло дополнительную возможность контролировать судоходство по Дунаю. Адрианопольский мир, заключенный 2 сентября 1829 года, имел очень большое политическое значение. Греция и Сербия получили

автономное управление, расширились права Дунайских княжеств. Ближайшей задачей русской внешней политики после заключения договора стало восстановление дружественных отношений с Османской империей. Русская дипломатия сделала определенные уступки с тем, чтобы устранить иностранное вмешательство в русско-турецкие отношения и создать условия для сближения с Портой.

С этой целью в Стамбул было направлено чрезвычайное посольство во главе с Орловым. Алексей Федорович находился в турецкой столице с ноября 1829-го по май 1830 года. Перед ним стояла задача заверить султана в дружественном расположении России и проконтролировать выполнение условий мирного договора. В инструкциях, направленных ему из Петербурга, говорилось: «Никогда, ни перед, ни в ходе войны, которая только что завершилась, император не хотел разрушения Оттоманской империи». Эту мысль чрезвычайный и полномочный посланник должен был внушить Порте. Вскоре по прибытии в Стамбул Орлов снискал «особое расположение к себе султана». Деятельность чрезвычайного посланника в Стамбуле получила одобрение Николая I. «Я не могу даже сказать, как я доволен Орловым; он в самом деле действует так, что удивляет даже меня, несмотря на мое расположение к нему», — писал император в феврале 1830 года.

Новая миссия Алексея Федоровича Орлова в Турции была связана с Босфорской экспедицией 1833 года: император Николай I опять прибег к его помощи для урегулирования дел на Востоке. Алексей Федорович был послан в турецкую столицу в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла при султани и главного начальника всех русских военных и морских сил в Турции. К этому времени Орлов был наилучшим образом подготовлен для выполнения такого рода поручения. Он обладал достаточным опытом ведения переговоров с турками, пользовался большим авторитетом у членов османского правительства и доверием самого султана. «Я посвящен во все самые откровенные мысли государя, я присутствовал при всех обсуждениях по этому предмету, министерство не скрыло от меня ничего из сношений своих с иностранными кабинетами относительно сего великого дела», — писал Орлов главе русской администрации в Молдавии и Валахии Киселеву в марте 1833 года перед поездкой в Стамбул.

После Босфорской экспедиции Алексей Федорович выполнял дипломатические поручения царя в Вене и Берлине. С 1837 года он сопровождал Николая I в путешествиях его по России и за границей. В 1844 году Орлов был назначен шефом жандармов и главным начальником III Отделения Собственной Его Имперского Величества канцелярии. Во второй половине 40-х годов XIX века, кажется, не было такой важной комиссии или комитета, где бы ни председательствовал Орлов. В 1856 году Алексей Федорович был призван выполнить ответственное, хотя и не сулившее славы поручение нового царя Александра II — заключить мирный договор с победителями в Крымской войне. 13 февраля в столице Франции открылись заседания конгресса, на котором Россию представляли Орлов и представитель МИДа Бруннов. Опытный и удачливый дипломат, ловкий политик и блестящий царедворец, отличавшийся и в свои 70 лет гвардейской выправкой, граф Орлов не только формально являлся первым лицом русской дипломатии в Париже. Он действительно играл ведущую роль, и все успехи и неудачи российской делегации на конгрессе, отразившиеся в итоге в тексте мирного договора, были в значительной степени результатом его деятельности.

Алексей Федорович систематически отправлял в Петербург донесения с подробным изложением хода переговоров, всех встреч и бесед. Вклад же руководителей внешней политики — Александра II и Нессельроде — был скромнее. В работе конгресса участвовали уполномоченные делегаты от Франции, Великобритании, России, Австрии, Османской империи, Сардинии. После того, как все важные вопросы были уже решены, допустили и представителей Пруссии. Председательствовал на заседаниях французский министр иностранных дел, двоюродный брат Наполеона III граф Валуевский. Основными противниками русских дипломатов в Париже стали английский и австрийский министры иностранных дел — лорд Кларендон и Буоль. Что касается французского министра Валуевского, то он чаще поддерживал русскую делегацию.

Благодаря тому, что Орлову удавалось довольно часто находить общий язык с Наполеоном III, русская делегация добилась достаточно

выгодных для себя решений по целому ряду вопросов. В частности, в вопросе об уступках территории в Бессарабии, где основным противником выступала Австрия, российским уполномоченным при поддержке Наполеона III и Валуевского удалось отстоять выгодный вариант пограничной линии. Орлов писал, что эта линия «имеет по крайней мере то достоинство, что она лишила наших противников двух третей территории, на которую они уже смотрели, как на свою». В итоге территориальные уступки России в Бессарабии оказались минимальными. Орлов грамотно вел дело, уступая там, где это было неизбежно, и проявляя твердость тогда, когда можно было добиться успеха.

Главе русской делегации удалось не допустить обсуждения на конгрессе чрезвычайно неприятного для России польского вопроса. Успехом русских уполномоченных завершилось и противостояние с лордом Кларендоном, который не смог осуществить ни претенциозных проектов британской дипломатии относительно Кавказа, предусматривавших крупные территориальные уступки со стороны России, ни распространения нейтралитета на Азовское море. Канцлер Нессельроде в своих инструкциях неоднократно выражал одобрение действий Орлова. Он, в частности, одобрил решение обращаться в трудных случаях к посредничеству французского императора. Показательно, что в этих инструкциях также не единожды говорилось о том, что Орлову предоставляется право самому принимать решения по важным вопросам.

Мирный трактат был подписан 18 марта 1856 года. Он фиксировал неудачу России в Крымской войне. Однако Орлов сумел придать трактату настолько достойный вид, что французский посол в Вене имел все основания заявить: «Никак нельзя сообразить, ознакомившись с этим документом, кто же тут победитель, а кто побежденный». И это сказано о договоре, подписанном после тяжелейшего поражения России! Подписав мирный контракт, Орлов затем участвовал в подготовке статей Парижской декларации по морскому праву — важного международного акта, призванного регулировать порядок морской торговли и блокады во время войны, а также запрещавшего каперство. При Александре II Орлов занял пост председателя Государственного совета и предсе-

КРЕПОСТИ БОСФОРА

дателя Комитета министров, а в конце своей жизни участвовал, правда, без энтузиазма, в подготовке крестьянской реформы 1861 года. К освобождению крестьян он относился враждебно...

Деятельность А.Ф. Орлова была значимой и оказала большое влияние на различные сферы общественной жизни.

1. В политике: Орлов был одним из ведущих российских деятелей во время правления императора Николая I. Он занимал высокие посты, такие как министр внутренних дел и председатель Государственной думы. Его реформы и инициативы в области государственного управления и законодательства оказали значительное влияние на политическую систему России того времени.

2. В экономике: Орлов активно поддерживал индустриализацию страны и развитие промышленности. Он содействовал созданию новых предприятий, осуществлению крупных инфраструктурных проектов и модернизации производственных мощностей. Благодаря его усилиям Россия стала одной из ведущих промышленных держав мира.

3. В социальной сфере: Орлов внес значительный вклад в развитие образования, науки и культуры. Он поддерживал создание новых учебных заведений, финансировал научные исследования, способствовал развитию искусства и литературы. Во многом благодаря ему Россия стала центром интеллектуальной и культурной жизни.

4. Военное дело: его заслуги были признаны и отмечены высокими наградами. В целом деятельность А.Ф. Орлова оказала большое влияние на политическую, экономическую, социальную и военную сферы России. Он был одним из ключевых деятелей своего времени, и его достижения продолжают оставаться значимыми и в настоящее время.

От редакции: куратором подготовки автором данного доклада является методист музея Морской технической академии имени адмирала Д.Н. Сенявина Татьяна Никитьевна Коротких.

Известно, что больше всего войн в истории России велось с южным соседом — Турцией. Двенадцать войн! И вдруг союз царя и султана — Ункяр-Искелесийский договор, подписанный 26 июня 1833 года.

Восстание Мехмета-Али паши против султана побудило императора Николая I выступить в защиту Турции, а значит, Константинополя и Босфора. Именно о Босфоре, о его крепостях этот доклад.

Босфор — голубая жемчужина Турции, которая разделяет две части света: Азию и Европу и соединяет два моря: Черное и Мраморное. Существует много легенд о названии этого пролива, с греческого оно переводится как «коровий брод». Это легенда о Зевсе, его жене Гере и возлюбленной Ио, легенда о Геракле и др. В докладе пойдет речь о крепостях Босфора, которые с глубокой древности определяют не только региональную, но и мировую геополитику.

Написано в древности: «Да вознесется тому человеку, который создал город на берегу пролива Босфор. Да узрит же он могущество и красоту города Константинополя, славящегося не только своей красотой, но и историей своих войн». У Римской империи было множество планов на Константинополь, но только Османская империя завоевала его. В результате был создан город Стамбул. Много крепостей для обороны Константинополя было возведено, но немногие сохранились до наших дней. В докладе будет рассказано о самых известных крепостях на берегах пролива Босфор.

Анатолийская крепость (Анадолу Хисары)

Она является первой крепостью, построенной в проливе Босфор с целью контроля за прохождением судов. Эта крепость была возве-

дена в азиатской части по приказу султана Баязида Великолепного в 1393 году, который хотел захватить город и с этой целью взял его в осаду. Эта крепость явилась также и частью плана подготовки ко второму нашествию Османской империи на столицу Византии. Анатолийская крепость была возведена на месте впадения реки Гёксу в пролив Босфор. Крепость была построена на 7000 м² для того, чтобы помешать возможному приходу с Черного моря войск на подмогу Византии. Она расположена в самой узкой части пролива, ширина которого в этом месте составляет 660 м. Крепость Анадолу Хисары состоит из главной башни, трех крепостных стен и трех башен. Она была построена на скалистой местности, прикрытой землей. Султан Фатих Мехмед II, построивший крепость Румели Хисары с целью подчинения Константинополя, одновременно приказал укрепить и крепость Анадолу Хисары.

После захвата турками Константинополя крепость использовали для защиты от нападений со стороны Черного моря. После перехода Черноморского региона под власть Османской империи крепость потеряла свое значение как точка обороны, однако в XVII–XVIII веках наплыв русских казаков заставил вновь вспомнить об Анадолу Хисары.

Крепость Румели (Румели Хисары)

Изначально крепость называлась «Богазкен», что с турецкого переводится как «Перерезающая горло». Эта крепость, находившаяся в европейской части Босфора, сыграла важную роль при осаде Константинополя.

Ее возведение было необходимо, чтобы подготовиться к штурму Константинополя, надежно отрезав город от Черного моря. Место строительства было выбрано неслучайно в самом узком перешейке Босфорского пролива, севернее района Бебек, почти напротив другой крепости Анадолу Хисары, расположенной в азиатской части. Крепость была возведена в 1390 году султаном Баязидом Великим. Эти

две знаменитые крепости сыграли решающую роль в захвате Константинополя османами в 1453 году.

Глядя на мощные и высокие стены крепости, в голове не укладывается, как такой объект, без современного строительного оборудования, могли построить в рекордно короткие сроки — за 4 месяца и 16 дней.

Подобная спешка была крайне важна. Требовалось срочно отрезать Константинополь от Черного моря, чтобы подготовиться к его штурму. Столь быстрое возведение крепости объясняется тем, что на тот момент ее строили свыше двух тысяч лучших строителей и более одной тысячи других мастеров. Крепость Румелихисар со стенами 7-метровой толщины была построена не на пустом месте, а на фундаменте некогда расположенной здесь крепости Фонеус, возведенной в византийскую эпоху.

Султан Фатих Мехмед II ежедневно лично контролировал ведение работ в крепости и даже назвал башни в честь своих приближенных и верных помощников. Одна из башен крепости получила наименование в честь великого визиря Чандарлы Халилия-паши. Вторая башня (южная) была названа в честь визиря Заганоса-паши, который был наставником и советником султана. Третью башню (северную) султан приказал назвать в честь воина Саруджи-паши, проявившего чудеса храбрости во время сражений за Константинополь. С высоты птичьего полета план крепости напоминает имя Мухаммед — в исламе пророка и посланника Аллаха. Но вот незадача, по-арабски имена Мухаммед и Мехмед пишутся похоже, поэтому не исключено, что султан Мехмед II захотел увековечить этим свое имя.

Строительство крепости сыграло свою роль в осаде столицы Византии, и Константинополь в 1453 году пал. Но объект не перестал быть стратегически значимым для города и всей Османской империи. Сооружение получило второе важное предназначение, стало контрольно-пропускным таможенным пунктом и оставалось таковым вплоть до разрушительного землетрясения 1509 года, когда стены крепости сильно пострадали от подземных толчков.

Но оборонный бастион быстро восстановили, и еще более ста лет крепость использовалась в качестве городской тюрьмы.

Галатская башня

После того как генуэзцы захватили этот район у византийцев и основали здесь свою колонию, в 1341 году они начали возводить вокруг этой башни оборонительные стены. В 1348–1349 годах на вершине холма генуэзцами была построена башня, дошедшая до наших дней. Тогда они назвали ее «Христова башня», и служила она своеобразным ориентиром для мореплавателей и торговцев. Небольшие фрагменты оборонительной стены и рва сохранились до нашего времени.

Свое нынешнее имя башня получила во времена Османской империи. Султан Мехмед II Завоеватель уменьшил высоту башни на 6,8 м, удалив купол. В период правления султана Мурада III (1574–1595) башню использовали как обсерваторию. После турецкого завоевания Константинополя в 1453 году генуэзская колония была упразднена, а большая часть стен цитадели была снесена в XIX веке, во время расширения города на север, хотя небольшие части генуэзских стен в Галате сохранились. Башня уцелела, она была превращена в тюрьму.

Крепость Йорос

Она была захвачена османами, полностью господствовавшими на анатолийской стороне Босфора, в конце XIV века. Считается, что замок получил свое название от греческого слова «орос», означающего «гора».

Данную крепость для военных и торговых целей использовали греки и финикийцы, которые заселяли эти места до византийского периода.

Предположительно крепость Йорос построили по указу императора Мануила Комнина. Правитель пошел на этот шаг для защиты Константинополя от разрушающих набегов викингов.

Все империи, начиная от византийцев, генуэзцев и заканчивая османами, на протяжении долгих лет погибали в ужасающих битвах за это стратегическое место. Генуэзская крепость переходила из рук в руки по несколько раз. Османы, захватив Йорос, не удержали крепость перед генуэзцами, генуэзцы после почти полувекового владения проиграли его османам в кровопролитной схватке. Так, с 1391 года крепость Йорос принадлежит Турции.

После завоевания Константинополя в 1453 году крепость продолжает развиваться. Баязид II (1481–1512) отреставрировал Йорос и построил мезджит (небольшую мечеть).

Стены и башни крепости сильно пострадали от землетрясения 1509 года, но были восстановлены.

В девятнадцатом веке Йорос утратил свое военное стратегическое значение и пришел в упадок.

Замок Пойразкей, известный также как Пойраз Калеси

Находится в одноименной деревне на азиатской стороне пролива Босфор.

Общедоступной информации об этом замке мало. По слухам он был построен генуэзцами в XV веке. Предположительно, нынешние руины относятся к концу XVIII века, когда на противоположном европейском берегу османами был построен замок Гарипче. Вместе с этим замком Пойразкей должен был контролировать северный вход в Босфор со стороны Черного моря.

Обоим замкам помогали в обороне две сторожевые башни, которые были построены около 1778 года французским военным советником Франсуа бароном де Тоттом. Возможно, он также был причастен к строительству двух замков.

Замок Пойразкей использовали турецкие вооруженные силы в XX веке, вплоть до 1988 года. Здесь есть небольшое сооружение из камней и кирпича, похожее на сторожевые башни и замок-побратим

Гарипче. Остальная часть замка находится под землей и выглядит как форт начала XX века.

Крепость Гарипче Калеси

Замок Гарипче — это крепость Османской эпохи на хребтах Гарипче в Стамбуле. Она была построена в 1757–1774 годах во время правления Мустафы III. Расположенная на европейской стороне у входа в Черное море из Босфора на скалах в бухте крепость в древности называлась Ликион Лимен (Гавань), поддерживалась сторожевой башней, которая не сохранилась до наших дней.

Замок был построен в оборонительных целях и имел стратегическое значение. Крепость, построенная Византийской империей до завоевания Константинополя, использовалась для обеспечения безопасности Босфора и защиты от вражеских атак. Форт возвели из каменной кладки и кирпича, с небольшими смотровыми окнами и цилиндрическими арками, расположенными через определенные промежутки вдоль стен. Входная часть находится на северо-западной стороне. Замок имеет прямоугольный план, который немного искажен.

Исторические и архитектурные особенности замка Гарипче примечательны. Он является одним из памятников византийского периода и свидетельствует об истории Стамбула. Сегодня замок Гарипче — главная туристическая достопримечательность, привлекающая туристов и любителей истории.

Маяк Румели Фенери

Находится напротив маяка Анадолу Фенери. Он был построен французами для обеспечения безопасной навигации французских и британских военных кораблей, входивших в Черное море и выходящих из него во время Крымской войны (1853–1856). Маяк открыли 15 мая 1856 года вместе со своим анатолийским аналогом. Он эксплуатировался французами до 1933 года, когда 100-летняя

концессия была аннулирована и управление перешло к турецким властям. Сегодня он находится в ведении Управления береговой безопасности Министерства транспорта и коммуникаций Турции. Это самый высокий маяк в Турции. Башня имеет форму двухступенчатой восьмиугольной призмы. Линза Френеля с фокусным расстоянием 500 мм пропускает белый свет, который группируется вспышками каждые 12 сек, в диапазоне 33 км.

Таким образом, мой рассказ подтверждает значимость и величие этих мест. От начала пролива до его конца на берегах Босфора было построено много крепостей, но самыми главными стали Румели Фенери, Гарипче, замок Пойразкей, крепости Йорос, Румели, Анатолийская и Галатская башня, которые сыграли большую роль в войнах на Босфоре. Эти крепости повидали много столетий, у них было множество владельцев, при них случилось много исторических переворотов, но они сохранились до нашего времени, и по их виду ученые историки могут целиком и полностью воссоздать картину тех времен.

Литература

1. Каллистов Н.Д. Значение мореходства и морской силы для России до Петра Великого // История русской армии и флота. Т. VII. М.: тип. Русского товарищества, 1912. С. 5–25.
2. Петросян Ю.А. Древний город на берегах Босфора. М.: Наука, 1986. Интернет ресурсы
3. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Румелихисар>
4. <https://history.wikireading.ru/216701>

А.Ю. Сухов

ОТ НАВАРИНА (1827 ГОД) ДО ЭКСПЕДИЦИИ В БОСФОР (1833 ГОД)

В октябре 1827 года у берегов Греции союзная эскадра России, Англии и Франции разгромила турецко-египетский флот в Наваринском сражении. Этот эпизод явился ключевым в Греческой национально-освободительной революции против турецкого господства. Потеря флота существенно ослабила позиции османской армии. Вскоре после Наваринского сражения между Россией и Турцией началась полномасштабная война, которая закончилась поражением Османской империи. Турция была вынуждена признать автономию Греции и впоследствии ее независимость.

Восстание против турецкого господства

В XV веке большая часть Греции попала под власть турок. Местное православное население страдало от жестоких притеснений. Турки конфисковали значительные земельные участки и обложили местных жителей тяжелыми налогами. Более того, греков часто захватывали и превращали в янычаров после принудительного перехода в ислам. Греки неоднократно поднимали восстания против турецкого господства, но все они жестоко подавлялись вплоть до XIX века.

В 1814 году греческие патриоты, находящиеся в России, создали тайное революционное общество под названием «Филики этерия» («Общество друзей») с целью освобождения Греции от турецкого ига. Постепенно деятельность организации перешла на территорию Османской империи. В 1821 году на валахских землях (современная Румыния), которые находились под турецким владычеством, началось восстание христианского населения, в котором активное участие принимали члены организации «Филики этерия». Правда, восстание в валахских землях было подавлено турками, однако оно послужило толчком для массового восстания в Греции.

В 1822 году участники национально-освободительной борьбы провозгласили независимость Греции от Османской империи. Султан Махмуд II сосредоточил большие силы, включая египетскую армию под руководством паши Мухаммеда Али, для подавления восстания. Историки сообщают о жестоких репрессиях со стороны турок по отношению к греческому населению, и значительная часть территорий, освобожденных восстанием, вернулась под власть Османской империи в 1827 году. Это вызвало сильное недовольство ведущих христианских государств.

Поддержка героического восстания

Когда началось греческое восстание, то его поддержала Российская империя, вскоре к ней присоединилась Великобритания, которая стремилась укрепить свое влияние на Балканах. В 1826 году Россия и Великобритания подписали протокол, в котором выступили посредниками в конфликте между Грецией и Турцией, а также высказались за предоставление Греции большей самостоятельности. Годом позже в Лондонской конвенции к ним присоединилась Франция.

Представители трех государств потребовали от Турции предоставить Греции автономию и начать переговоры о ее будущем положении. В августе 1827 года послы России, Великобритании и Франции направили ноту Османской империи, требуя прекратить военные действия, но султан отказался даже обсуждать греческий вопрос. В ответ на это военно-морские эскадры России, Англии и Франции были направлены к берегам Греции.

Чудеса храбрости и самопожертвования

Осенью 1827 года турецко-египетский флот, поддерживающий карательные части османской армии, находился в бухте Наварин. Исключительными подвигами на поле боя отмечен линейный корабль «Азов»

под командованием капитана 1 ранга Михаила Петровича Лазарева, одного из первых исследователей Антарктиды.

«Азов» вступил в бой сразу с пятью турецкими судами: три фрегата и корвет он уничтожил, а линейный корабль заставил сесть на мель и уничтожил огнем. К тому же экипаж «Азова» помог британским союзникам справиться с одним из линейных кораблей. За время битвы русский корабль получил 153 пробоины, включая семь подводных.

К вечеру 20 октября турецко-египетский флот был окончательно разгромлен. Он потерял около 60 судов и брандеров, а количество убитых моряков превысило 6 тысяч человек. Потери союзной эскадры, в свою очередь, составили около 800 человек.

«Русские моряки, сражаясь за освобождение греческих братьев от турецкого господства, в Наваринском сражении проявили удивительную храбрость и самоотверженность».

Во время боя Павел Степанович Нахимов, будущий герой обороны Севастополя, дважды возглавлял тушение пожаров в крюйт-камерах «Азова».

В ответ на действия русской эскадры в Наваринском сражении Османская империя изгнала российских подданных со своей территории и закрыла черноморские проливы для российских судов. В результате 26 апреля 1828 года между Россией и Турцией разгорелась полномасштабная война. В 1829 году турецкие войска были разгромлены, и российская армия угрожала Стамбулу. Наконец, Османская империя вынуждена была просить о заключении мира.

Между Российской и Османской империями был подписан Адрианопольский мирный договор. Турция передала России устье Дуная и черноморское побережье Кавказа, а также признала переход под власть Санкт-Петербурга нескольких государственных образований на территории Закавказья. Кроме того, Османская империя согласилась на выполнение условий, предложенных ей в рамках Лондонской конвенции. Греция получила официальное признание независимого государства от Турции при условии уплаты дани султану. Через год она была окончательно признана независимым государством.

Босфорская экспедиция

В 1831 году начался открытый конфликт между египетским правителем Мухаммедом-Али и его верховным правителем Махмудом II. Ибрагим-паша, сын Мухаммеда-Али, вторгся в Сирию с 30-тысячной армией, и уже к 1832 году его войска достигли города Коньи, на расстоянии около 400 км от Стамбула. В результате возникла реальная угроза свержения правящей династии Османов и ее замены новой — египетской династией.

Для разрешения данной ситуации султан Махмуд II отправил дипломатическое представительство во главе с Намык-пашой, которое посетило Вену, Париж, Лондон, Берлин и Петербург с ноября 1832 года по март 1833 года в поисках поддержки против бунтующего вассала. Однако задача оказалась намного сложнее, чем предполагалось изначально. Лондон, несмотря на острое обострение кризиса на Востоке и все более заметную угрозу глобальных изменений в одном из наиболее напряженных регионов Старого Света, затягивал с формулированием своей позиции, колеблясь между желанием сохранения статус-кво на Востоке, стремлением установить дружественные отношения с Египтом и опасением вызвать конфликт с Францией какими-либо своими действиями.

Франция в то время была единственной европейской державой с сильным влиянием в Египте, и укрепление Мухаммеда-Али означало укрепление ее собственных позиций в Средиземноморье. Австрия выступала за сохранение статус-кво, но ей не хватало достаточной силы, чтобы навязывать свою «дружественную» помощь враждующим сторонам, и она вынуждена была обратить свое внимание на Россию (опасность революции в Европе еще не исчезла). Берлин же находился слишком далеко как в прямом, так и в переносном смысле от проблем Ближнего Востока. Оставался только Петербург.

Россия с самого начала внимательно следила за развитием кризиса. Ее тревожила смена династии в Турции: если условия Адрианопольского мира 1829 года устроили Россию, то в данной ситуации возник

кал угрожающий сценарий: «Мегемет-Али-паша явно заявляет, что его главная цель — восстановить славу мусульман и отомстить за для них позорный мир, заключенный султаном с Россией...» Поэтому Петербург в отличие от Лондона, Парижа и Вены никаких колебаний не испытывал и отозвал русского консула из Александрии, что стало первым шагом в оказании помощи Турции. Султан пришел к выводу о необходимости обратиться за помощью к другой мощной державе, которая долгое время считалась врагом для большинства турок. В Санкт-Петербурге уже давно предсказывали такое развитие событий и были готовы к этому. Еще осенью 1832 года по указу Николая I начальник Главного морского штаба А.С. Меншиков приказал командующему Черноморским флотом адмиралу А.С. Грейгу подготовить эскадру для возможного выступления в Константинополь.

24 ноября 1832 года русскому посланнику в Стамбуле А.П. Бутеневу было отправлено императорское указание, в котором указано, что в случае, если турки обратятся к России с просьбой о помощи, посланник имеет право требовать от Грейга отправить эскадру к столице Османской империи. Султан был хорошо знакомым врагом — его действия и намерения были предсказуемыми. Были серьезные опасения относительно прохода русских кораблей через проливы и возможного вмешательства западных держав.

21 января 1833 года турецкие власти официально обратились к России с просьбой о помощи, попросив прислать не только эскадру в Стамбул, но и экспедиционные отряды численностью от 3 до 5 тысяч человек. Ибрагим-паша уже выдвигал свою армию в сторону столицы. 1 февраля 1833 года контр-адмирал Лазарев, непосредственно командующий эскадрой, получил приказ от Бутенева отправиться в Стамбул. 2 февраля четыре линейных корабля, три 60-пушечных фрегата, корвет и бриг покинули Севастополь. Из-за неблагоприятного ветра Лазарев достиг устья Босфора только 8 февраля.

Турки вместо ожидаемой радости начали вести себя необычно и запутанно, что неудивительно для них. Вначале они предложили русским не входить в Босфор без разрешения султана, но Лазарев проигнорировал эту абсурдную просьбу, и русские корабли стали на якорь возле английского и французского дипломатических пред-

ставительств. Сразу же появились представители Махмуда II, которые начали говорить о каких-то переговорах между султаном и Мухаммедом Али о том, чтобы русские отправились в Сизополь, чтобы не раздражать египтян и не мешать мирному урегулированию. Лазарев знал из надежных источников, что турецкие действия были ложными, и причина таких странных метаморфоз была довольно проста.

Как только английский и французский посланники узнали о прибытии русской эскадры, они возмутились. Эти господа поспешили обратиться к султану, чтобы показать свое сожаление и убедить его отказаться от помощи русской стороны. Лорд Пальмерстон уже не говорил о выгоде, которую это принесет, так как Андреевский флаг на Босфоре является самым стимулирующим фактором для европейской экономики. В это время агенты Мухаммеда Али подняли восстание в Измире, а затем там высадились египетские войска. Это вызвало еще одну необычную перемену в поведении султана и его окружения — теперь он настойчиво просил выслать сухопутные войска для защиты столицы и личной безопасности.

24 марта 1833 года в Стамбул прибыла вторая эскадра Черноморского флота под командованием контр-адмирала М.Н. Кумани в составе трех линейных кораблей, фрегата и девяти транспортов с войсками. 2 апреля к этим силам присоединилась третья эскадра — три линейных корабля, два бомбардировщика и еще десять транспортов. Теперь численность русских войск в районе Босфора достигала 10 тысяч человек. В Эгейском море крейсировали два фрегата, которые находились на Средиземном море с 1829 года. В Стамбуле базировались 10 новых линейных кораблей и 4 фрегата, что было сопоставимо по численности с египетским флотом.

31 марта 1833 г. военный министр Чернышев выдал предписание осуществлявшему общее командование сухопутными экспедиционными силами генерал-лейтенанту Муравьеву занять оборонительные позиции с обеих сторон Босфора и укрепить их. Значительный контингент был выделен на защиту Стамбула совместно с турецкими войсками. В случае выхода египтян к Дарданеллам Лазарев имел приказ немедленно выйти туда и удержать пролив. Военные инженеры осуществили инспекцию турецких крепостей в Дарданеллах на предмет

их укрепления и занятия русскими войсками. Нервничающему султану посланник Бутенев ответственно заявил, что русские войска и флот не покинут Босфор, пока египтяне не очистят Анатолию, и Его султанское величество может вполне рассчитывать на помощь и защиту.

Видя решительные намерения русских, Ибрагим-паша остановился в шести днях перехода к столице империи в ожидании инструкций от отца, в планы которого вовсе не входило воевать со столь могущественным противником. Поняв, что их игра оборачивается не очень хорошо, англичане и французы попытались получить максимальную выгоду из сложившегося положения и начали оказывать давление на Мухаммеда Али с целью заключения мира.

24 апреля 1833 г. в Кутайе был заключен мир между султаном и пашой, и Мухаммеду Али отдали богатую Сирию. По специальному указу он был назначен пашальком Египта, Дамаска, Триполи, Халеба, Аданы и Крита, и эта должность закреплялась за ним на всю жизнь без возможности передачи наследникам. В результате этого и других факторов возник новый конфликт между Стамбулом и Египтом.

В то время, когда западные партнеры с горем пополам договаривались, Россия одержала значительную дипломатическую победу. Долгие переговоры с особым посланником императора А.Ф. Орловым привели к подписанию оборонительного договора между обеими империями 26 июня 1833 года. Этот договор был известен как Ункяр-Искелесийский и обеспечивал русской эскадре базирование в турецких водах. Особенностью соглашения являлась секретная статья, согласно которой Турция обязывалась не разрешать проход в Черное море каким-либо военным кораблям третьих стран. К сожалению, вопрос о свободном проходе русских военных кораблей через Босфор и Дарданеллы оставался открытым. 28 июня 1833 года русская эскадра, увозя войска, покинула Босфор и под командованием вице-адмирала М.П. Лазарева направилась в Севастополь.

Конфликт с Мухаммедом Али, который едва не привел к государственному краху, ярко показал всему миру слабость Османской империи, находящейся в упадке. Она постепенно переставала быть субъектом политических отношений и становилась их объектом, предметом торговли. Нарастающее соперничество между западными дер-

жавами и Россией за право играть главную роль в спасении «больного человека» (так называли некогда могучую Блистательную Порту) в конечном итоге привело к сражениям у бастионов Севастополя, Балаклавы и Малахова кургана. Но это уже совсем другая история.

Уважаемые коллеги!

Подошла к концу наша конференция, которая еще раз показала, что есть исторические даты и события, вызывающие на сегодняшний день неоднозначный интерес, в том числе и с точки зрения оценки военно-политических событий. Я думаю, что спустя определенное время события, которые сегодня происходят, также будут рассматриваться на конференциях, изучаться нашими учеными с той целью, чтобы дать им оценку.

Наша конференция вписывается в столь знаменательные события, которые проходят в Санкт-Петербурге. Директор ЦВММ сегодня сказал, что сейчас у нас спустя четыре года вновь проходит Международный культурный форум.

Я считаю, что наша конференция тоже небольшой культурный форум, на котором мы с вами сегодня обсудили многие вопросы. Хотелось бы сказать большое спасибо нашим молодым исследователям, которые сегодня выступили. Может быть, не у всех все удачно получилось, но это как раз те люди, которые, я думаю, в ближайшем будущем станут кандидатами и докторами наук. Из этой плеяды, которые сегодня выступали, и уже с более совершенной точки зрения они будут рассказывать следующим поколениям о том, что произошло в прошлом.

Всем участникам хочется сказать огромное спасибо за участие в сегодняшнем мероприятии. Я думаю, что итоги мы еще подведем. Хотелось бы напомнить всем товарищам, кто у нас выступал, в обязательном порядке сдать свои выступления для публикации. По электронной почте, или если у кого-то есть сейчас, доклады можно сдать. Будут изданы материалы этой конференции, которые мы обязательно раздадим, как сегодня материалы предыдущей конференции. Я думаю, что это приятно будет особенно для тех ребят, которые будут в дальнейшем развивать свою научную деятельность. У них будет первая публикация, изданная в трудах нашей сегодняшней конференции.

Всем остальным еще раз огромное спасибо, и приглашаем вас на следующую конференцию, которая состоится в апреле 2024 года.

По традиции приглашаю всех сделать на память снимок на фоне заставки конференции. Все материалы о ней будут отражены на сайте ЦВММ.

*Заместитель директора
Центрального военно-морского музея
имени императора Петра Великого
А.Н. Чернавский*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРИЕНКО Владимир Григорьевич — историк судостроения и флота, Санкт-Петербург.

ВЕРБОВОЙ Олег Иванович — доцент кафедры военно-морского искусства Военно-морского политехнического института ВУНЦ ВМФ Военно-морская академия», Санкт-Петербург, г. Пушкин (заочное участие).

ГРЕБЕНЩИКОВА Галина Александровна — заведующая лабораторией истории флота и мореплавания Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор исторических наук, академик Российской академии естественных наук, Санкт-Петербург.

ИВАНОВСКИЙ Игорь Олегович — директор музея истории судостроительного завода «Северная верфь», кандидат технических наук, Санкт-Петербург.

ИВЛЕВ Александр Сергеевич — курсант Военного учебного центра имени Героя Советского Союза адмирала Алексева Владимира Николаевича ФГБОУ ВО «ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова», Санкт-Петербург.

ИЛЮХИН Виктор Николаевич — руководитель секции «Поисково-спасательная техника и технологии» Российского НТО судостроителей имени академика А. Н. Крылова, доктор технических наук, профессор, Санкт-Петербург.

МАНДРЫКА Александр Ильич — руководитель музея адмирала М.П. Лазарева МБОУ СОШ № 12 г. Новороссийск, руководитель музея адмиралов Черноморского флота МАОУ СОШ № 34 г. Новороссийск, Новороссийск.

НЕХАЙ Руслан Шамсудинович — директор Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербург.

НИКОЛАЕВ Арсений Викторович — курсант Военного учебного центра имени Героя Советского Союза адмирала Алексева Владимира Николаевича ФГБОУ ВО «ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова», Санкт-Петербург.

ОВЧИННИКОВ Владимир Дмитриевич — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, доктор исторических наук, капитан 1 ранга, Москва.

ПЕСТОВ Александр Анатольевич — курсант 1-го курса Морской технической академии имени адмирала Д.Н. Сенявина, Санкт-Петербург.

СПИРИДОНОВА Людмила Ивановна — главный специалист отдела информационного обеспечения и выставочной деятельности Российского государственного архива Военно-Морского Флота, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Санкт-Петербург.

СУХОВ Алексей Юрьевич — старшина 2-й статьи, курсант Военно-морского политехнического института, Санкт-Петербург, г. Пушкин (заочное участие).

ТОНКОВИДОВ Филипп Игоревич — курсант Военного учебного центра имени Героя Советского Союза адмирала Алексева Владимира Николаевича ФГБОУ ВО «ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова», Санкт-Петербург.

ХАРИЗОВ Максим Ренатович — курсант 2-го курса Морской технической академии имени адмирала Д.Н. Сенявина, Санкт-Петербург.

ЧЕРНАВСКИЙ Александр Николаевич — заместитель директора Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого, кандидат исторических наук, Санкт-Петербург.

ШУМИЛИН Ян Александрович — курсант Военного учебного центра имени Героя Советского Союза адмирала Алексева Владимира Николаевича ФГБОУ ВО «ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова», Санкт-Петербург.

Научное издание

МАТЕРИАЛЫ
научно-практической конференции
«Союз царя и султана.
К 190-летию экспедиции
Российского флота в Босфор»
СПб.: ЦВММ, 2023. — 174 с.

Ответственный редактор	С.Д. Климовский
Научный редактор	С.Ю. Курносов
Литературный редактор	Т.М. Иванова
Подготовка текстов	А.Ф. Сергеева
Оригинал-макет	К.К. Конова

Федеральное государственное бюджетное учреждение
культуры и искусства
«Центральный военно-морской музей
имени императора Петра Великого»
Министерства обороны Российской Федерации

190121, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 69А
тел./факс: (812) 303-85-11
e-mail: navalmuseum_dm@mil.ru

Подписано в печать 6.03.2024. Формат 60x80/32.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 668.

ООО «Издательско-полиграфический комплекс «Гангут»
197022, Санкт-Петербург, а/я 91
gangutprint@yandex.ru
+7 (812) 938 71 29
www.gangut.su

